

ПЕРЕД ДАЛЬНОЙ ДОРОГОЙ

Фантастический роман

1

Моря отсюда не было видно, но береговая линия прослеживалась по гигантским иглам жилых зданий трехкилометровой высоты, которые как часовые стояли возле моря. Они уходили ввысь, становясь все тоньше, нежнее, бестелеснее, пока наконец не таяли совершенно в туманной голубизне жаркого осеннего дня. И каждая такая игла — город со своими коммуникациями, снабжением, очагами культуры и отдыха.

Лорка окинул взглядом туманный горизонт, где море незаметно сливалось с чуть заоблаченным небом. Города! Сколько домыслов, фантазий и прогнозов существовало на этот счет в прошлом. Города и отрицали и прославляли; делали из них и мрачные трущобы — каменные джунгли, изолированные от окружающего мира, и роскошные города-дворцы, уставленные тяжкими приземистыми зданиями прошлого, и города-парки, право же, мало чем отличавшиеся от тогдашних сел и деревень. Действительность, как и всегда, оказалась многограннее, неисчерпаемее и в то же время утилитарнее домыслов. Всему нашлось место. Вереницы городов-игл вдоль благодатных морских побережий, которые давали человеку максимум удобств для пользования дарами своего отца-прародителя — океана. Города-чаши на севере с круглыми террасами постепенно снижающихся улиц и озером посередине; такие города при необходимости было легко прикрыть прозрачным куполом и избавить от бурь, пурги и лютых морозов. Города-пирамиды в тропиках, которые своими верхними жилыми поясами уходили от душного зноя низин в свежую, здоровую небесную прохладу. Города-музеи, законсервировавшие лучшие творения гениальных зодчих прошлого. И многочисленные городки-дачи вокруг этих гигантов и сверхгигантов.

Федор достал большой белый платок, вытер лицо, шею и неторопливо начал спускаться вниз, к зеленому саду и разноцветным домикам. Собственно, не к саду, а к саду, который был ему нужен и который выделялся среди других, — за ним не просто ухаживали, его, это было видно с первого взгляда, холили и лелеяли.

Сад. Настоящий, щедрый, бесшабашный южный сад. Виноград, персиковые и сливовые деревья, яблони, смоквицы, айва. И всюду среди зелени тяжелые, ароматные, вот-вот

готовые сорваться с ветки на землю и брызнуть спелым соком кисти и плоды. Но почему-то Лорку куда больше поразило красочное, мягкое, задумчивое многообразие роз.

Каких только роз не было в этом знойном, пряном саду! Розы-гиганты, таяко клонившиеся к земле в гордом и грустном одиночестве, и мини-розочки, сплошным покровом, похожим на сказочный пестрый снег, одевавшие кусты. Пишные корзины, терявшие лепестки при малейшем дуновении ветерка; тугие початки, лишь слегка развернувшиеся на самом кончике; кудрявые головки, будто прошедшие через ловкие руки опытного парикмахера; немудрящие простенькие цветочки, доверчиво глядящие на мир желтыми глазами, опущенными веером розовых ресниц-лепестков; и розы, просто розы, которые и не хотелось сравнивать ни с чем другим. И бездна оттенков! Розы белые, чайные, лазоревые, алые, лиловые, огненно-красные, пурпурные и даже черные. Глаза и тянулись к этому многоцветью, и уставали от него, а все эти оттенки подсознательно и прочно связывались со свежим тонким ароматом, который ощутимо хлодил неподвижный жаркий воздух.

Среди этого розового великолепия Лорка и увидел того, кто был ему нужен, — дочерна загорелого атлетически сложенного человека. То был Ревский, в прошлом один из самых известных космонавтов-гиперсветовиков, а ныне член Верховного Совета Земли. Лорка не заметил его сразу потому, что Ревский сидел на корточках, а его белая курчавая голова терялась среди цветов, сливаясь с ними. Разогнувшись, Ревский медленно двинулся вдоль линии кустов. Он то и дело наклонялся, что-то ощипывал, подрезал, обирал руками сонные увядающие лепестки. Движения его рук были плавны, замедленны, будто он гипнотизировал своих красочных подопечных. Лорка подождал, не заметит ли его Ревский, но для того, видно, сейчас никого и ничего не существовало, кроме роз. Тогда Федор негромко сказал:

— Здравствуй, Теодорыч.

Ревский поднял голову, поискал глазами, кто его зовет, и наконец с улыбкой распряился.

— Здравствуй! Пожаловал все-таки?

— Да нет, — серьезно возразил Лорка, — так и сижу у себя в Норде.

Ревский засмеялся, но глаза у него были невеселыми, и Лорка машинально отметил это.

Вытираяс полотенцем, висевшим у него на поясе, Ревский предложил:

— Фруктов принести? Прямо с дерева, с куста. С солнцем, с воздухом!

— С пылью и микробами?

— Какие там микробы! Я ем, и ничего. Но для тебя стерилизую, хотя это уже явно не то, — хмуро сказал Ревский.

— Неси винограда!

Лорка засмеялся — так не вязалась хмурость Ревского с этим солнечным садом.

— Одного винограда?

— А ты разве не знаешь, что я однолюб?

Ревский внимательно взглянул на него, повернулся и пошел

к винограднику, а Лорка присел в тени. Под деревом стоял столик, врытый прямо в землю, три табурета, сделанных нарочито грубо из полированного дерева, и качалка, которую Ревский считал удобнейшей в мире, видимо, потому, что, как и всю остальную садовую мебель, смастерил своими руками. По столу ползали крупные муравьи. Лорка брезгливо поморщился, отодвинулся со своим табуретом подальше и посмотрел вверх. Дерево было таким густым, что совсем не пропускало солнечных лучей. По его нижним ветвям висело несколько виноградных лоз. Черно-сизая плотно сбитая кисть винограда висела прямо над головой Лорки. Приподнимись, рви и ешь, захлебываясь сладким терпковатым соком. Может быть, приподняться? Но в этот момент откуда-то, может быть прямо с этой кисти, на колени Лорки упал жук. Лорка стряхнул его мгновенным инстинктивным движением руки, покосился вверх и вздохнул.

Ревский явился свежeweмый, в легкой белой рубашке с открытым воротом, в руках он нес большое блюдо, прикрытое скатертью.

— У тебя тут настоящий энтомологический заповедник, — сказал Лорка ворчливо, глядя не на Ревского, а на какое-то существо, бесшумно и плавно летевшее над ним.

— Это божья коровка, Федор, — сказал Ревский, проследив за его взглядом, — полезнейший хищник. Уничтожает тлей, с которыми даже мы, люди двадцать третьего века, ничего не можем поделать. Держи.

Лорка покорно взял из его рук тяжелое блюдо. Ревский ловко накрыл стол скатертью. («Вместе с муравьями», — отметил Лорка), поставил на нее блюдо, полное винограда всех цветов и оттенков, и непонятно откуда, будто фокусник, достал графин с темным напитком.

— Все, значит, возвращается на круги своя, — пробормотал Лорка, — назад, к природе, голый счастливый человек на голой земле.

Ревский, ловко расставлявший на столе бокалы, тарелки, ножи, спросил ворчливо:

— А тебе что, не нравится?

— Нравится. Особенно розы.

— Проняло все-таки, — вздохнул Ревский.

— Проняло. Главное — знаю, что даже такой чревоугодник, как ты, есть их не будет.

— Почему же? Из некоторых сортов роз получается отличное варенье. Могу угостить.

— Нет уж, спасибо. По-моему, это что-то вроде каннибализма.

— А баранина не каннибализм?

— Нет, это шашлык, — Лорка огляделся вокруг, — хорошо здесь. Только уж очень много всякого зверья.

Ревский усмехнулся.

— Хочешь, угощу раками? Ну-ну, не буду. Иди мой руки вон там, в фонтанчике.

— Просто в воде? — с интересом спросил Лорка, поднимаясь на ноги.

— И это говорит командир патрульного корабля! Исследователь иных миров.

Лорка мыл руки с тщательностью врача, готовящегося к хирургической операции. Не оборачиваясь и не поднимая головы, он сказал:

— В иных мирах я на работе, а здесь на отдыхе. На отдыхе мне нужен комфорт, стерильная чистота, кондиционированный воздух, безмолвные всепонимающие киберы, людская толпа, высотные здания, воздушные мосты и случайные знакомства. А не дурацкая природа со зноем, вонью, мухами и тараканами.

— Где это ты видел мух и тараканов? — возмутился Ревский. — Они только в заповедниках сохранились!

— Ну божиь коровки, какая разница. — Лорка распрямился, стряхивая влагу с рук. — Сушилка у тебя есть, или ты вытираешь руки об траву?

— Об штаны. Смотри лучше, командир.

— И правда, — Лорка был откровенно рад, обнаружив рядом с фонтаном стандартный сухой дезодорантно-стерилизующий душ, — оказывается, ты вовсе не чураться достижений цивилизации. Может быть, этот сад — просто декорация, а насекомые — киберы?

Лорка с наслаждением подставил под свежую распыленную струю воздуха руки, голову, лицо и открытую шею. Все это он

Рисунки Ю. МАКАРОВА

делал с ленивой грацией сытой кошки, занимающейся своим туалетом.

— Пантера, — завистливо и грустно пробормотал Ревский, — большая рыжая пантера. Тигр! — И громко добавил: — Хватит нежиться. Иди пробовать продукты моей дексрации.

Лорка перекрыл воздушную струю и направился к столу, Ревский с удовольствием смотрел, как он идет мягко, непринужденно, не идет, а танцует.

— Почему не ликвидируешь хромоту?

— Альта говорит, что хромота мне ужасно к лицу, а я ей верю, — Лорка уселся за стол и погладил, скользнул пальцами по бокалу, — а это что, вино?

— Угадал. Натуральное, виноградное, выдержанное.

Легонько покачивая бокал, Лорка скептически разглядывал его содержимое.

— Ты посмотри на свет, — поддразнил Ревский.

Лорка поднял бокал на уровень глаз. Темный тяжелый напиток играл, светился насыщенным рубиновым огнем.

— Красиво, — тихо сказал Лорка, — красиво и страшно. Как огонь. Пленный, замученный огонь.

— И правда огонь, адский огонь — жжет.

Все еще разглядывая на свет вино, Лорка тихо, совсем без эмоций продекламировал:

— «Сэр Грейвс взглянул назад и увидел в ночи звезды, замученной в аду, кровавые лучи».

— Кто это написал? — после паузы спросил Ревский.

— Так, один империалист.

— Какой империалист?

— Это было давно, Теодорыч, — успокоил его Лорка, — Киплинг, который Ричард, а также Рихард и Редьярд. Поэт, писатель, журналист, глашатай империализма. Не слышал?

— Не слышал. Здорово написал этот глашатай.

— Здорово, — согласился Лорка и, не поднимая на него глаз, спросил: — Что ты на меня так смотришь, Теодорыч?

— Так, — и попросил, — да пей же ты, Федор!

Лорка отпил маленький глоточек, сморщился, одним глотком ополовинил бокал и сморщился еще больше.

— Ни кисло, ни сладко, ни горько. Во рту вяжет, в горле жжет и в общем гадость. Что-то вроде сока с хреном.

— Ты хоть и сноб, а человек беспробудно темный, — с сожалением констатировал Ревский, он отпил из своего бокала и старательно изобразил на лице наслаждение.

— Это называется неповторимым букетом. Вино это получило гран-при на конкурсе любителей-виноделов!

— Честно? Тогда допью, — Лорка лихо опрокинул бокал и сморщился. — Ты прав, Теодорыч, я человек темный. Люблю виноград и не люблю вино. Может быть, с годами исправлюсь?

Он сунул в рот большую сизую виноградину с грецкой орех величиной. Ревский, с улыбкой глядя на него, подумал: «Ни черта ты не исправишься, таким и помрешь. И боюсь, скорее это будет рано, чем поздно».

Лорка, с любопытством мальчишки пробовавший то один сорт винограда, то другой, спросил:

— А белый что — незрелый?

— Зрелый, — успокоил Ревский, он сидел, опершись локтями на стол, и внимательно смотрел на Лорку. — Просто сорт такой. У него букет хорош.

— И тут букет? — засмеялся Лорка, переключаясь на белый виноград.

— Ну как, Федор? — вдруг спросил Ревский. — Принимаешь командование кикианской экспедицией?

Лорка мельком взглянул на старого космонавта.

— Так ты для этого пригласил меня в гости? А я-то думал на виноград!

— Принимаешь? — Ревский словно не слышал его шутовой реплики.

— А почему отказался Ким?

— Барма отказался. А Ким не пожелал братья за дело без своего напарника.

Лорка бросил в рот крупную виноградину, раздавил ее языком и не совсем внятно проговорил:

— Вот и мне надо посоветоваться со своим напарником, с Тимом. Если он согласится, тогда можно серьезно обсудить предложение совета.

Ревский помрачнел и угрюмо буркнул:

— Тим не согласится.

Лорка удивленно взглянул на него.

— Ты так уверен? Почему?

— Твой друг и напарник Тим погиб, — бесцветным голосом сказал Ревский, не поднимая глаз от стола.

Лорка уронил виноградину.

— Что? Что ты сказал?

— Погиб Тимур Корсаков, твой друг и напарник по космосу, — теперь уже жестко повторил Ревский.

Лорка расстался с Тимом всего два дня назад, он проводил своего друга до трапа баллистической ракеты, которая шла вокруг света с посадкой на Гавайях и Бермудских островах. И вдруг такая весть!

— Теодорыч, — с остатками надежды тихо попросил Лорка, — не надо так шутить, бога ради.

— Какие к черту шутки! — окрысился Ревский, не совладав с собой.

Лорка хотел что-то сказать, но спазма вдруг перехватила горло и скривила губы. Разумом он уже понял и поверил, что Тима — одного из самых близких ему людей во всем мире — больше нет, но сердце бунтовало и верить отказывалось. Это противоборство чувств и мыслей корежило, ломало психику безжалостнее и горше физической боли.

— Как? — спросил наконец Лорка. — Как он погиб?

— Утонул, — с досадой бросил Ревский, — на Гавайях.

Лорка изумленно поднял голову.

— Тим? Он же плавал как рыба!

— Такие, как ты и Тим, так вот и гибнут, по-глупому, — угрюмо буркнул Ревский.

— Да, — невыразительно согласился Лорка, — да.

Ревский медленно, словно нехотя, рассказывал подробности гибели Тима.

— Вздумалось выкупаться в шестибалльный шторм. Его пытались отговорить, но Тим все-таки нырнул под набегавшую волну. Тело Тима так и не найдено до сих пор, но спасательный пояс, узкий поясок, обнимающий талию каждого пловца, выбросило на берег. Видимо, Тим перепутал кнопки и, вместо того чтобы включить его, расстегнул.

Ревский говорил, но Лорка почти не слушал его. Что значили эти подробности, когда Тима нет в живых?

Да, Ревский был прав. Люди опасных профессий нередко гибнут не в настоящей, боевой схватке, а вот так, по-пустому. Их трудовая жизнь проходит в особом мире постоянного нервного напряжения, где приходится рассчитывать каждый шаг. И вот такой человек отправляется отдыхать и попадает в совершенно иной мир — отрегулированный, спокойный, размеренный. Разве не естественно сбросить напряжение, расслабиться? А у этого спокойного мира есть свои маленькие, но ядовитые коготки: любовные неурядицы, непрошенная зависть и шестибалльные штормы. Да потом людям героических профессий просто скучно среди зарегулированной, размеренной жизни. Им хочется прежних ярких ощущений: острого чувства риска и опасности, незабываемых ощущений удачи, победы, пойманного счастья — тех редких звездных часов бытия, когда краски ослепительны, звуки нежны, а каждый глоток воздуха — наслаждение. Александр Македонский, Юрий Гагарин, Магеллан, Панчо Вилья, Котовский, Камо — разве все они не погибли после великих свершений случайно, глупо и обидно до слез!

Ревский давно закончил свой рассказ, а Лорка все сидел, уронив голову, невидяще глядя куда-то мимо старшего товарища.

— Да, — безнадежно повторил он и своей большой ладонью неловко, с ненужной силой провел по лицу.

Ревский шумно вздохнул и потянулся к бутылки с вином.

— Давай выпьем, Федор, — предложил он.

Густая темная струя с легким звоном наполнила один бокал, затем другой. Лорка посмотрел на бутылку, перевел свой отсутствующий взгляд на Ревского.

— Так в старину поминали погибших, — пояснил тот, поднимая бокал.

— Что ж, — вяло согласился Лорка.

Он медленно, глоток за глотком, как воду, выпил вино, поставил опустевший бокал на стол и опять ушел в себя.

— Ну что ты раскис? Встряхнись, командир! — с досадой сказал Ревский.

— Я не раскис, — бесцветно возразил Лорка.

— А если не раскис, — в голосе Ревского снова появились жесткие ноты, — берись за экспедицию. Это лучшее, что ты можешь сделать в память о Тиме.

Только теперь Лорка обратил внимание, каким усталым было лицо Ревского. Ему вдруг пришло в голову, что Ревский стар, очень стар, хотя у него еще ловкое, сильное тело и он изо всех сил упрямо рвется туда, куда никому нет дороги, — обратно, к молодости. А надо ли рваться? Старость по-своему хороша. Все уже понято и понятно, все стоит на точно отведенных местах. Не надо решать целые кучи дурацких проблем,

которые человечество на разные лады решает на протяжении многих тысячелетий. Решает, решает и никак не может решить.

— В экспедицию без Тима? — вслух спросил Лорка.

— Подберем другого напарника.

— Без Тима, — уже не спросил, а просто повторил Лорка и отрицательно покачал головой.

— А как же тайна Кики, доброе имя Петра Лагуты? — как-то безнадежно спросил Ревский. — Я был так рад, когда совет выбрал тебя, Лорка.

Лорка даже не понял, а просто почувствовал, почему так четко проступили следы увядания, даже дряхлости на лице его друга-наставника. Теодорычу до слез, до боли, до зла на все сущее было жалко не только Тима, но и Петра Лагуту, погибшего тоже обидно и глупо. Многие, вот уже и он, Лорка, забыли о Лагуте, а Теодорыч помнил. У Лорки была Альта, а у Ревского никогда не было ни жены, ни детей. Он все отдал любимому и ненавистному космосу. Названными детьми для него были его ученики и воспитанники: Ришар Дирий, Игорь Дюк, Тимур Корсаков, Федор Лорка.

— Ты уж не горюй так сильно, Теодорыч, — неожиданно для самого себя вслух сказал Лорка то, о чем собирался просто подумать.

— Что ты пристал со своим горем? — вскинулся Ревский. — Говори — берешься за экспедицию?

Как Лорка сразу не догадался! Речь шла о добром имени не только Лагуты, но и самого Теодорыча, который считал долгом чести отвечать в большом и малом за своих названных детей. Но разве Ревский когда-нибудь позволит себе вслух сказать об этом?!

Лорка улыбнулся первый раз после того, как услышал о гибели Тима, трудно улыбнулся — почти одними глазами.

— Берусь.

Теодорыч знал, что слово Лорки свято, а поэтому без особых эмоций благодарно сказал:

— Вот и умница.

2

Неслышно и мягко ступая по плотному пружинящему коврику, Лорка подошел к окну, секунду вглядывался в тусклый мир, открывавшийся за ним, а затем указательным пальцем тронул клавишу. Двухметровое, прозрачное до невидимости стекло бесшумно убралось в стену. Пахнуло теплой сырой прохладой. Частый осенний дождь барабанил по листьям — бормотал, шуршал, шептал. Плакали оголяющиеся ветви деревьев, никла и прела робко желтеющая трава.

Боковым зрением Лорка уловил легкое движение, повернул голову и только теперь заметил человека, стоявшего сбоку от окна. Человек был невысок, плотен, у него была круглая голова, гладкое розовое лицо и маленькие улыбчивые глазки. Он был похож на полного радости жизни, чисто вымытого поросеночка и на первый взгляд казался совсем молодым, почти юношей. Но легкие, однако ж уловимые детали — посадка голо-

вы, округлость и сутулость плеч — выдавали его зрелый возраст.

— Где же ваша гитара? — очень серьезно спросил Лорка.

Мужчина засмеялся, отчего его умные глазки почти совсем спрятались среди округлых щек, и Лорка окончательно убедился, что перед ним далеко не юноша.

— Почему вы решили, что я собираюсь петь серенады?

Теперь улыбнулся Лорка. Было в фигуре и облике круглоголового мужчины нечто, сразу располагавшее к себе.

— Серенады поют вечерами, а не по утрам, — сказал он. — Правда, глупо? Специальные вечерние песни существуют столетия, а утренней песни нет. Птицы — так те предпочитают петь по утрам. А чем мы хуже птиц?

Круглоголовый с улыбкой выслушал его и спросил:

— Вы, разумеется, Федор Лорка?

— Он самый. А вы?

— Меня обычно величают Александром Сергеевичем. Несколько старомодно, но я привык именно к такому обращению. Соколов Александр Сергеевич.

Лорка с симпатией разглядывал визитера.

— Да, несколько старомодно, зато здорово — Александр Сергеевич! Так и хочется встать, снять шляпу и продекламировать что-нибудь вроде «Я помню чудное мгновенье — передо мной явилась ты».

— Вы любите поэзию?

— А кто ее не любит в наше время? — Лорка внимательно разглядывал Соколова. — Вам, наверное, за сорок?

— За пятьдесят, — мягко поправил тот.

— Что же это мы беседуем, так сказать, на разных уровнях? Лезьте в окно. — Заметив недоумение в глазах Соколова, Лорка пояснил: — Жена не ждала меня сегодня, захлопнула дверь, а ключ по рассеянности унесла с собой.

Соколов легко, как мячик, перепрыгнул полутораметровый кустарник и подошел к окну. Лорка, не ожидавший от него такой прыти, посмотрел на него с новым интересом.

— Подать вам руку?

— Перебьюсь.

Соколов положил короткие сильные руки на подоконник, помедлил и одним рывком перекинул свое плотное, литое тело в комнату.

— Занимались борьбой? — спросил Лорка, отступивший в комнату.

— И борьбой.

— Но не шпагой?

— Нет, шпагой нет. — Соколов, улыбаясь — глазки его при этом прятались среди розовых щек и разобрав их выражение было очень трудно, — терпеливо переминался с ноги на ногу. Он ждал, пока ожившие, сыплющие крохотными голубыми искорками ворсинки ковра не уничтожат окончательно следы влаги и грязи на его туфлях, и разглагольствовал: — Вспоминаю кампанию тридцатилетней давности. Забавная была кампания — долой замки-запоры, эти реликты темных веков. И массу комичных, но не всегда приятных недоразумений, которые последовали за этим.

— Резюме: эпохи приходят и уходят, а замки-запоры остаются. Давайте-ка свой плащ и, если нетрудно, закройте окно, — Лорка на лету поймал плащ и сразу же перебросил в прихожую, где его ловко подцепила механическая рука и отправила в шкаф, чтобы он там прошел обычную сушку, чистку и дезодорацию. — Хватит вам топтаться, вы давно уже чисты, как вакуум между двумя галактиками. Проходите, садитесь.

Соколов опустился в кресло, Лорка подтянул второе, легко скользнувшее по ковру, и сел напротив, по другую сторону столика.

— Чай, кофе? По такой погоде не мудрено продрогнуть.

— Если не возражаете, кофе. — Наблюдая, как Лорка на кнопочном пульте набирает заказ, Соколов признался: — Я и правда продрог, пока бродил вокруг вашего дома. Знал, что вы вернулись, а дверь заперта и сигнализация не работает.

Лорка внимательно взглянул на гостя.

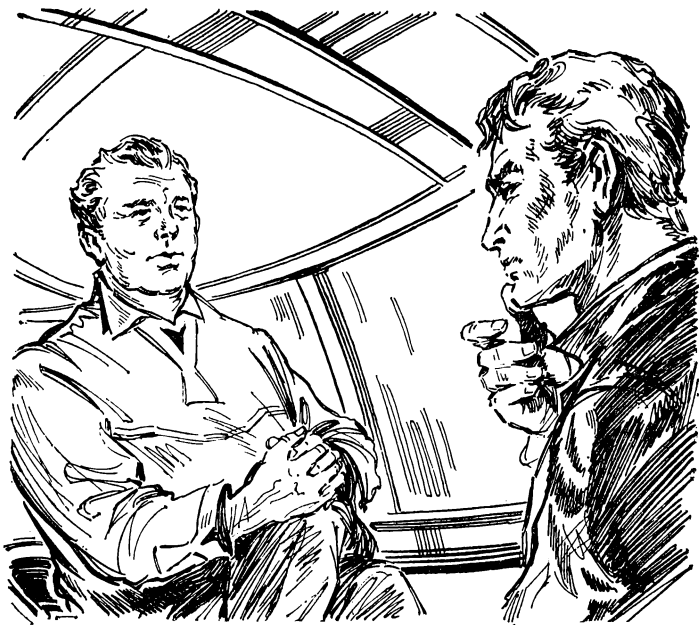
— Вот как, знали?

— Знал, — спокойно подтвердил Соколов.

Он хотел что-то добавить, но его прервал легкий музыкальный аккорд, повисший в воздухе.

— Ага, — удовлетворенно проговорил Лорка, — вот и кофе готов.

Центральная часть столика опустилась вниз, открывая темный провал цилиндрической шахты, и через секунду поднялась уже вместе с кофейником, чашками, молочником, сахарницей и всем

остальным, что нужно. Соколов смотрел на все это с удовольствием и некоторой плотоядностью во взоре. Лорка налил себе чашечку из сердитого, плюющего перегретым паром кофейника, потянулся к чашке гостя, но тот мягко, почти нежно остановил его руку.

— Уж позвольте, я сам.

Лорка с улыбкой поставил кофейник на место. Соколов пододвинул к себе высокий стакан, налил в него сливок, добавил ледяной воды и сахару. Помешивая этот импровизированный коктейль, Соколов проникновенно сказал, обращаясь не столько к Лорке, сколько к накрытому столику:

— Люблю вкусно поесть и попить. Знаю, что это слабость, — он вздохнул, — чревоугодие, но ничего не могу с собой поделать.

Наполнив чашку кофе, он сказал почти благоговейно:

— Глоточек кофе и глоток коктейля — божественно! Мое собственное изобретение.

Несколько раз совершив эту процедуру, Соколов поднял глаза на Лорку, который уже справился со своим кофе и теперь со снисходительной улыбкой смотрел на странного гостя.

— А вы все-таки варвар, Федор, — сочувственно и грустно проговорил Соколов, наливая себе вторую чашечку. — Облагороженный воспитанием, скованный традициями, отшлифованный тренингом, но все-таки варвар. Вы не понимаете прелести и тонкости застолья.

Лорка усмехнулся.

— Вот тут вы ошибаетесь. По происхождению я типичный аристократ. Мое прошлое своими корнями уходит в целое созвездие именитых родов — графы, пираты и поэты. Но надеюсь, вы пришли ко мне не для обсуждения проблем наследственности?

— Нет, — серьезно ответил гость, отодвигая опустевший стакан и чашку.

Лорка сдвинул детали сервировки ближе к центру столика, нажатием кнопки отправил все это в шахту. Через секунду крышка столика поднялась, неся небольшой букет осенних, увядающих, горько пахнущих астр. Лорка переставил букет так, чтобы он не загоразивал лицо собеседника.

— Слушаю вас.

— Видите ли, Федор, — Соколов примолк и прямо взглянул на Лорку своими маленькими умными глазками, — я эксперт, профессиональный эксперт-социолог.

— Вот оно что, — пробормотал Лорка, в его голосе слышалось и уважение, и разочарование, и удивление — все вместе.

Быть экспертом почетно в любой сфере человеческой деятельности, но быть экспертом-социологом почетно десятикратно.

Нет-нет да и случались на Земле и во внеземных поселениях происшествия, которые на фоне естественной и чистой жизни коммунистического общества выглядели особенно дико и необъяснимо: тихая травля неугодных, замаскированный протекционизм, физическое насилие и даже убийства. Люди, виновные в таких поступках, были редчайшим исключением, но все-таки время от времени в силу чисто случайного стечения обстоя-

тельств такие натуры формировались и ухитрялись проскользнуть сквозь тончайшее сито общественного воспитания и профессиональной селекции. Каждый такой социально-патологический случай скрупулезно расследовался узким кругом лиц, удостоенных особого высокого доверия общества, — экспертами-социологами. Чаще всего эксперты не были профессионалами, а вели свою почетную и тяжелую работу от случая к случаю. Привлекали к экспертизе и Федора Лорку, когда случались несчастья на космических кораблях и во внеземных поселениях.

— Я хочу дать вам поручение, — все так же прямо глядя на Лорку, сказал Соколов.

— Нет, не выйдет.

— Случай особый, Федор, — мягко настаивал Соколов.

Лорка покачал головой.

— Нет. Я в отпуске, параллельно готовлюсь к экспедиции. И вообще мне до экспертизы, понимаете?

— Понимаю, но я же говорю, что случай особый, — Соколов помолчал и хмуро закончил, — речь идет о расследовании смерти вашего друга Тимура Корсакова.

Переход от покоя и грустного равнодушия к полнокровной жизни был у Лорки молниеносным. Неуловимо подобралось могучее тело, зеленые глаза остро взглянули на Соколова. В эти холодные, будто застывшие глаза трудно и жутковато было смотреть. «Ну глазищи! Глядит как тигр из клетки!» — невольно пожившись, подумал Соколов.

— Странно выглядит эта смерть, — вслух сказал он, — и события, которые ей предшествовали, выглядят, мягко говоря, необычно.

— Вы кого-то подозреваете? — в упор спросил Лорка.

Соколов отвел взгляд, достал платок и вытер свое гладкое розовое лицо.

— Я сомневаюсь, — голос его прозвучал ворчливо, почти сердито, — но сомнения мои основательны. Однако ж, прежде чем делиться своими сомнениями, я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Спрашивайте.

— Вы знаете, что тело Тимура так и не найдено?

— Знаю.

Соколов хмыкнул, поджал губы и спросил вкрадчиво, глядя в сторону:

— А не мог ли Тимур просто пошутить? Он ведь был веселый парень, Тим Корсаков, любил шутки и розыгрыши. Вместо того чтобы утонуть, запрятался куда-нибудь и отдыхает в одиночку. Или с кем-нибудь вдвоем, а?

Сердце Лорки колыхнулось от радости.

— Черт! — сказал он ожесточенно. — Как это раньше не пришло мне в голову!

Стремительно поднявшись из кресла, Лорка подошел к видеофону, выключил изображение и, пробежавшись пальцами по клавишам, набрал нужный номер.

— Валентина?

— Да, — ответил грудной женский голос несколько удивленно, видимо потому, что изображение было выключено.

— Скажите, Тим сейчас дома?

— Нет, — ответила женщина. — Обещал вернуться еще позавчера, но его до сих пор нет. Вы не знаете, где он?

— Тим в командировке, — уверенно ответил Лорка, — я думал, что он уже вернулся. Впрочем, командировка ответственная.

— Почему он ни разу не поговорил со мной?

Лорка рассмеялся, лицо его болезненно сморщилось.

— Видите ли, Валя, он сейчас в таком месте, где нет видеофонов.

— Кто вы такой? Почему выключили изображение? Вы ведь Федор Лорка, правда?

— Правда, — глухо сказал Лорка, но тут же взял себя в руки. — Не тревожьтесь, Валя. Завтра я к вам приеду и обо всем расскажу подробно. Всего доброго.

С каменным лицом Лорка вернулся к столику и занял свое место в кресле. С уважением глядя на него, Соколов негромко сказал:

— Любящее сердце — вещь сердце.

— Да, — Лорка взглянул на Соколова почти с ненавистью.

— С кем вы говорите, Федор?

— С его женой!

— Разве у Тимура была жена?

— Была.

— Но у меня другие сведения.

Лорка взглянул на него теперь уже спокойно.

— Они полюбили друг друга. И он назвал ее своей женой. Вот и все. Он, собственно, и на Гавайи полетел для того, чтобы подыскать местечко для семейного отдыха, — Лорка помолчал, крепко сцепляя пальцы рук. — Конечно, Тим был веселый парень. Но шутить любовью? Так что ни о каком розыгрыше и речи быть не может.

— Скажите, — спросил Соколов после паузы, — как выглядит Валентина?

Лорка слабо улыбнулся.

— А я и не видел ее ни разу. Только перед самым отдыхом Тим признался, что уже женат, и на всякий случай дал номер ее видеофона, — он шумно вздохнул. — Ладно, вы говорили мне о сомнениях. Рассказывайте.

Это прозвучало жестко, почти как приказ, и Лорка, почувствовав это, добавил:

— Прошу вас, рассказывайте.

Соколов говорил неторопливо, сухо, с профессиональным умением упоминать лишь о том, о чем и следовало упомянуть. Эта будничная, деловая манера делала рассказ странным и надуманным. Лорка знал, что не он был назначен первым командиром экспедиции на Кику, но о том, что у него была столь длинная цепочка предшественников, услышал впервые.

Первым командиром кикианской экспедиции был назначен Бекпо Галиев. Но уже через день он свалился в постель с высокой температурой. Начался бред, судороги. Не без труда удалось выяснить, что Галиев заболел энцефалитом — редчайшей болезнью, которая почти полностью исчезла на Земле. Естественно, что кандидатура Галиева отпала сама собой: энцефалит поражает центральную нервную систему, и даже полное выздо-

рование не гарантирует от возникновения психомоторных нарушений через несколько месяцев или даже лет.

Второй командир, Игнат Сомов, как и Лорка, отдыхал на Земле после очередного патрульного рейса. Только больше всего на свете он любил не море, как Тим и Федор, а горы. Ответив согласием, Игнат на радостях, как мальчишка, решил выкинуть нечто необыкновенное — в одиночку, без подстраховки, отправился брать голец Подлунный. Сомов был отличным скалолазом, ему просто не повезло: разрушился выступ, служивший ему единственной опорой, он сорвался, сломал два ребра, бедро и от участия в экспедиции был отстранен.

Третий кандидат, Игорь Дюк, один из воспитанников Ревского, с откровенной радостью ухватился за предложение стать во главе кикианской экспедиции. Он был бродягой по натуре и, пожалуй, после достижения совершеннолетия не провел на Земле больше трех месяцев кряду. Но медицинская комиссия, которую в обязательном порядке проходили все участники экспедиции, неожиданно обнаружила у него существенные отклонения от оптимального психостереотипа. Выяснилось, что Игорь всего месяц как расстался с женой. Их семейная жизнь, будучи довольно счастливой, никогда не была безоблачной, тем не менее полный разрыв оказался для Игоря совершенно неожиданным. Человек незаурядной воли, Игорь Дюк стойко перенес личную драму. Однако ж оказалось, что подсознательная рана в сфере интуитивных чувств и непрошенных мыслей глубока, а это не могло не сказаться на его психическом облике в целом. Игорю осторожно дали понять, что произошло, и он скрепя сердце снял свою кандидатуру.

Четвертым выдвинули Владимира Кима — космонавта со стажем, неоднократно участника дальних космических экспедиций. После суточного раздумья Ким ответил согласием, оговорив, что его помощником по руководству должен быть постоянный напарник Барма. Кандидатура Бармы не вызвала ни у кого ни малейших сомнений, но Барма неожиданно и наотрез отказался от участия в экспедиции, заявив, что собирается заканчивать свои работы в области биохимии. Между Кимом и Бармой состоялся долгий разговор, о чем они говорили, оставалось неизвестным, но после этого Ким тоже отказался участвовать в экспедиции. И тогда возглавить экспедицию предложили Лорке, который к этому времени вернулся на Землю в очередной отпуск.

— Слишком длинная цепочка случайностей и несчастий для простого совпадения, — хмуро закончил Соколов. — На это обстоятельство и обратил мое внимание совет экспертов.

— Если это не случайность, — задумчиво проговорил Лорка, — то это тщательно продуманная цепочка преступлений, завершившаяся убийством. А я не верю, что на Земле есть хоть один человек, способный на убийство. Мы слишком горды и самолюбивы для этого.

— А может быть, убийства и не хотели? Может быть, оно получилось нечаянно? Ведь гибель Тима — первая смерть в этой цепочке несчастий.

— Но для преступления должна быть побудительная причина. А я ее не вижу!

Соколов достал платок, вытер розовые щеки и блестящий выпуклый лоб.

— Вот этого я не знаю, — он иронично сощурил свои маленькие глазки. — Хотя есть у меня одна сумасшедшая идея.

На круглом румяном лице Соколова отобразилось сложное чувство, похожее сразу и на гордость и на смущение.

— Мне удалось получить время для консультации с ГКЗ — главным компьютером Земли. Экспертам неохотно дают эту исполинскую машину. Ответ ГКЗ был тривиальным, но довольно любопытным: случайность цепочки несчастий с командирами экспедиций маловероятна, но не исключена, если же это не случайность, то вполне определенно действует не единственный человек, а некая тайная организация, противопоставляющая свои интересы интересам всего человечества.

— Тайная оппозиционная организация? — зеленые кошачьи глаза Лорки смотрели насмешливо. — В наше время? Откуда бы ей взяться? Пожалуйста, говорите любую правду.

Соколов засмеялся, пряча свои голубые глаза между полных щек.

— Правду, всю правду и только правду, — вполголоса проговорил он.

— Что? — не понял Лорка.

— Была такая юридическая формула. А ведь неплохо? Никаких лазеек для двусмысленности! У наших предков неплохо варили мозги.

— Только не всегда в нужном направлении.

— Это верно, — Соколов вздохнул. — В наше время тайных организаций быть не может. Но это не вся правда. Таких организаций не существует среди взрослых людей.

— Понятно, — сказал Лорка, осмысливая услышанное. — Я знаю, дети любят играть в тайны и загадки. Но как понять оппозицию и преступления?

Соколов сидел очень довольный, хитро поглядывая на собеседника.

— Понимаю, понимаю. Дети — цветы жизни, дети — наша радость, дети — наше счастье, дети — наше будущее. Наше умиление естественно и понятно. Но, — Соколов многозначительно поднял палец, — розовые очки отцовства и материнства мешают нам видеть всю правду. Да, дети добрее, наивнее, милее нас, взрослых. Но в то же самое время они более злы, жестоки, нетерпимы и прямолинейны.

— Вы не увлекаетесь?

— Я слишком сдержан. Дети — более животные и менее люди, чем мы с вами. Они еще не прошли сурового социального тренинга. Что поделаешь, человек рождается животным, беспомощным примитивным зверьком, из которого мы с превеликим трудом выращиваем гомо сапиенса нашего времени.

Лорка смотрел теперь на эксперта с любопытством.

— Это, пожалуй, верно, хотя и утрировано. Однако, — в голосе Федора появились настойчивые нотки, — при чем здесь экспедиция на Кику?

— Я, собственно, имел в виду не маленьких детей, а подростков — полуюношей и почти девушек. Подростков в тот золотой и страшный период, когда они прощаются с детством и

начинают особенно остро чувствовать оковы социальной морали. От детей они уже отошли, а к взрослым еще не пришли. Своеобразная подростковая автономная республика со своими законами, тайнами, проблемами и специфической моралью. Тут и безграничное благородство, и озорство, и довольно мерзкие пакости. Не столько со зла, сколько от избытка энергии и в пику взрослым — нате, мол, мы тоже не лыком шиты!

Лорка смотрел на Соколова по-прежнему одобрительно, но в его зеленых глазках теперь появилась ироничность.

— И вот тайная подростковая организация задалась целью извести ведущих космонавтов-гиперсветовиков?

— Тут тонкости, Федор, тонкости, — голубые глазки Соколова смотрели хитренько. — У подростков всегда бывают кумиры — взрослые, в которых они влюблены, на которых молятся, которым подражают. И если дружному коллективу подростков покажется, что с их кумиром поступают несправедливо, а тем более его обижают, они могут натворить черт знает каких глупостей.

— В том числе и такие, которые ГКЗ может оценить как оппозицию всему человечеству?

— Вот именно! — Соколов или не замечал, или не желал замечать иронию Лорки. — Мы не должны закрывать глаза ни на скрытое потенциальное могущество современной обиходной техники, ни на природный, еще не замутненный специальным образованием подростковый интеллект. Не забывайте, в этой среде незримо растворены будущие гении.

Соколов вздохнул — весело и недоуменно.

— Знали бы вы, Федор, с какими только чудесами этой подростковой среды мне приходилось встречаться! Подводный манипулятор тайно и успешно передельвается в вездеход, в котором предусмотрено все, кроме надежности. Разумеется, в ходе испытаний эта самодеятельная машина выходит из строя. А один юнец с прямо-таки чудовищными гипнотическими способностями после удачных экспериментов по отсроченным внушениям в своей среде расширил поле деятельности и принял за воспитателей и педагогов. Без всякой корысти! Просто для проверки своих возможностей и для тренировки. Но вы бы послушали, сколько трагикомических происшествий случилось в школе, пока удалось узнать, в чем дело!

— Я понимаю, — серьезно и мягко вклинился в монолог эксперта Лорка, — ваша «идейка» насчет подростковой автономии интересна. Но как все это связано с экспедицией на Кику?

Секунду Соколов смотрел на Лорку, потом достал из кармана большой платок, вытер слегка увлажнившееся лицо и уже спокойно сказал:

— Очень просто. Есть такая школа-пансионат для детей космонавтов-гиперсветовиков.

— Знаю.

— Еще бы не знать! Все вы там бываете на официальных и неофициальных встречах, ведете кружки, факультативы, специальные занятия. Общение с этими ребятами у вас совершенно свободное. Частыми гостями были в этой школе и все по-

страдавшие кандидаты кикианской экспедиции. Я проверял. А у них видите какое совпадение, детей в этой школе нет: у некоторых дети выросли и закончили школу, у других вообще нет детей, у третьих дети живут с дедушками и бабушками. В общем, своих детей у кандидатов там не было, а с массой других они общались свободно и в самой непринужденной обстановке. Улавливаете ситуацию?

Лорка улавливал.

— Есть у подростков этой школы и свой кумир, он шефствует у них над спортом. Умница, красавец, талантлив и честолюбив — некий Виктор Хельг. Может, знаете?

— Знаю, — рассеянно подтвердил Лорка, — знакомы по спорту. Самобытный, одаренный парень.

Соколов на секунду оживился.

— Знаете? Очень хорошо. Так вот, этот кумир в глазах школьников относится к несправедливо обиженным и оскорбленным. Я проверял — мальчишки да и девушки просто озлоблены, даже написали петицию в совет космонавтики. Хельга, оказывается, уже трижды выдвигали в кандидаты командиром корабля, и трижды он не набирал нужных трех четвертей голосов. Слишком дерзок и самоуверен.

— Похоже, — проговорил Лорка.

— Хельга выдагали и в кикианскую экспедицию. И опять завалили! Я и подумал, — в голубых глазах Соколова замерцали азартные хитроватые искорки, — а что, если подростки этой школы-пансионата пронюхали о несостоявшемся назначении? Представляете их реакцию?

— Как они могли пронюхать? — устало спросил Лорка. — Даже я, нынешний кандидат в командиры, ничего толком не знаю.

— А если Виктор Хельг сам сказал об этом?

— Ну! — возмутился Федор.

— Вот вам и «ну», — сердито отозвался Соколов. — Конечно, такое случается редко, чтобы взрослый сознательно эксплуатировал детей, но случается. Последний раз, если не ошибаюсь, такое зафиксировано лет семьдесят назад.

— И вы полагаете, что ученики школы-интерната решили помочь своему кумиру? Так сказать, расчистить ему дорогу?

— А почему бы и нет? С их точки зрения, это благородная борьба за справедливость.

— И ради этого они пошли на убийство человека? На убийство Тима Корсакова? — тихо, жестко спросил Лорка.

Соколов несколько смутился и досадливо поморщился.

— Зачем утрировать? Они хотели просто вывести его из строя, как вывели из строя других кандидатов. Убийство — несчастный случай, не более.

— А они знают о гибели Тима?

— Нет, — в голосе Соколова появились заговорщицкие нотки, — но я установил, они уже не раз пытались выяснить, где Корсаков. Разными способами, через родителей, знакомых и воспитателей.

— Да, — тяжело проговорил Лорка.

Неужели судьба так несправедлива, так жестоко несправедлива к Тиму? Смерть, глупая случайная смерть.

Соколов осторожно прикоснулся к руке Лорки.

— Я понимаю, вам тяжело. Но наш долг, нелегкий долг экспертов, — беспристрастно разобраться в том, что случилось.

Лорка молчал. Истолковав это молчание как согласие, Соколов уже живее продолжал:

— Вы говорите, что знакомы с Хельгом по спорту. Какому?

— Шпага, — коротко бросил Лорка.

— Вам непременно и в самое ближайшее время нужно встретиться с Хельгом на дорожке, — в голосе Соколова теперь звучали наставительные нотки, а голубые глазки смотрели доверительно. — Посмотрите, каков Хельг сейчас в деле. Знаете, человек может говорить разные вещи: правду, неправду, полуправду, он может и ничего не говорить — молчать, и все. В поступках человек более открыт, особенно если у него не совсем чистая совесть. А после боя вы с ним поговорите по душам. Нервная и физическая разрядка, знаете ли, располагает к откровенности.

Лорка не мог сдержать иронической усмешки. Соколов мгновенно уловил ее и погрузнел.

— Понимаю, вас коробят мои деловые наставления, — эксперт вздохнул, хмуря свои белесые брови. — Но что делаешь? Такова уж наша экспертная доля.

Он помолчал и снова перешел на деловой тон:

— И одно условие напоследок. О нашем разговоре, особенно о подозрениях относительно Хельга, никто знать не должен. О гибели Тимура Корсакова тоже пока умолчите.

— Но ведь меня будут о нем спрашивать, — Лорка взглянул на Соколова с удивлением.

— Ну и что? Мало ли о чем спрашивают любопытные люди. Отмолчитесь, придумайте что-нибудь.

Удивление Лорки сменилось легким любопытством.

— Значит, я должен врать?

Соколов спокойно встретил его пристальный тяжелый взгляд и твердо сказал:

— Иногда ложь — благо.

— Хорошо, — после раздумья согласился Лорка, — но одному человеку я, разумеется, расскажу обо всем — своей жене.

Соколов нахмурился.

— Институт юридических жен, — в его голосе звучали назидательные нотки и некоторое раздражение, — отменен комитетом общественных отношений полвека тому назад. Вашей женой Альтайра станет тогда, когда подарит вам дочь или сына. А пока она для вас любимая, подруга, возлюбленная, но не жена.

— Альта — моя жена, — спокойно повторил Лорка, и его зеленые глаза прищурились холодно и насмешливо. — А членов этого комитета общественных отношений я бы оставил без сладкого за обедом за торопливость. Если бы они ходили в космос, а не просиживали штаны в кабинетах с видом на море, они смотрели бы на звание жены иначе. И не торопились бы его отменять.

Соколов хмыкнул, с интересом разглядывая нового, сердитого Лорку, и с некоторой снисходительностью пояснил:

— Традиции всегда умирают долго и мучительно. Юридическая семья возникла на базе частной собственности и стала потихоньку вянуть сразу после того, как эта собственность потеряла свой смысл и значение. Комитет просто констатировал факт, — в голосе Соколова появились примирительные нотки. — Он повесил объявление на развалинах, уведомив, что это развалины, и ничего больше.

— Скажите, Александр Сергеевич, — вдруг серьезно и доброжелательно спросил Лорка, — как вы стали профессиональным экспертом?

— Должен ведь кто-то быть им!

— А семья у вас есть?

Соколов добродушно улыбнулся, его маленькие глазки совсем спрятались между полных щек.

— А как же без семьи? Жена и трое детей — два сына и одна дочь.

— И вы храните свои дела от жены в тайне?

— От жены? — Соколов потер себе щеку, засмеялся и с некоторым смущением сказал: — Разве от нее скроешь? Все равно догадается, а о чем не догадается — выспросит.

— Так почему же я должен что-то там скрывать от Альты?

— То есть как это почему? — голубые глаза Соколова смотрели на Лорку простодушно. — У вас же нет детей, значит, нет ни настоящей семьи, ни настоящей жены. Незаконная она у вас, если пользоваться старой терминологией.

Лорка от души рассмеялся, а потом негромко и очень серьезно сказал:

— Так вот, Александр Сергеевич, сразу предупреждаю вас. Конечно, не обязательно входить в детали, но кое-что мне непременно придется рассказать. И не только жене Альте, но и некоторым друзьям. Это потребует в интересах самого расследования. Вы уж даруйте мне право самостоятельно решать эту проблему.

Соколов ненадолго задумался, поглядывая на Лорку из-под редких белесых бровей, и без особого энтузиазма согласился:

— Ну хорошо. Будь по-вашему. И вот еще что, — он опять задумался, формулируя мысль, — мне бы хотелось подробнее познакомиться с Кикой — планетой, которую вы намереваетесь посетить. Получить сведения, так сказать, из самых первых рук. Официальная информация — это, знаете ли, одно, а личное мнение человека, который собирается туда лететь, — нечто совсем другое.

— Я понимаю, — согласился Лорка. — Кикю, а точнее Кикимору, открыл и обследовал Петр Лагута.

— Кикимору? — переспросил Соколов.

— Именно. Так нарек ее Петр Лагута. Кика — просто сокращение.

— Он что же, японец по происхождению?

— Нет, не японец. И слово это не японское.

— Ки-ки-мо-ра, — недоуменно по слогам повторил Соколов, — по-моему, типично японское слово.

— Это слово русское, сказочное. Хорошие гипертелепатки с большим стажем всегда увлекаются чем-нибудь легким, с художественно гуманитарным уклоном: времени свободного доста-

точно, а обстановка стрессовая, там не до математического анализа и не до углубленных философских размышлений. Вот и у Лагута было свое хобби — русские былины и сказки. А на той планете и в самом деле сказочно красиво, жутковато и с загадками. Вот Лагута и стал раздавать направо и налево фольклорные имена и названия.

Соколов слушал, глядя мимо Лорки в серое окно, вроде бы рассеянно, а на самом деле как губка впитывал все услышанное.

— Знатный он развел там зверинец, — с доброй и грустной улыбкой рассказывал Лорка, — в лесах — шишиги, сирины; в степях — бой-туры и нетопыри.

— А Кикимора?

— Сказочная обительница леса, гибрид сучкастого дерева и женщины-озорницы. Что-то вроде огромного богомола с головой лемура.

— И такие есть?

— Чего там только нет! Есть поющее дерево, Лагута назвал его лукомором, а есть плачущий кустарник, имя ему дадено — ракита, — Лорка вздохнул. — Помните? «В чистом поле, под ракитой богатырь лежит убитый». Лагута будто чувствовал свою судьбу, под ракитой его и нашли.

— А как он погиб?

— Глупо погиб, поторопился себя реабилитировать. По результатам обследования Лагута высший совет дал добро на организацию первого кикианского поселения. Полтора года оно благоденствовало и процветало. А через полтора года погиб первый поселянин, когда лесом возвращался на базу с дальней точки. Обследование показало — паралич сердца. Через неделю погиб второй, потом третий. Никаких телесных повреждений, паралич сердца и выражение ужаса на лице.

Соколов поежился, хмыкнул.

— И что же?

— Поселение ликвидировали. Лагута — человек честный и принципиальный. Он чувствовал себя виновным в гибели трех человек и попросил разрешения на повторное обследование планеты. Кто бы посмел ему отказать? Сразу же после прибытия на Киду он в одиночку отправился в тот лес, где погибали люди.

— Почему в одиночку?

— Несчастья происходили только с одиночками. Лагута решил разом покончить с тайной Кики. И был найден мертвым под ракитой. Тоже паралич сердца, только на лице не ужас, а улыбка.

В маленьких глазках Соколова заискрился интерес.

— Видимо, он разгадал тайну!

Лорка мрачно улыбнулся.

— Разгадал.

Соколов оглядел Лорку, оглядел неторопливо, с ног до головы.

— А теперь вы туда? — спросил он с любопытством.

— Теперь мы.

— Н-да, — Соколов проговорил это весьма многозначительно, вытирая платком лоб и щеки, — хочется вам позавидовать, да, может быть, лучше посочувствовать?

— Что ж, спасибо и за то и за другое, Александр Сергеевич.

Заканчивая свой утренний туалет, Лорка надел светлую теплую куртку из мягкой кожистой ткани, похожей на замшу. Легко и непринужденно, как первоклассный танцор, он прошагал в прихожую и возле вешалки-гардероба прочитал рекомендации по верхней одежде, которые выдавались автоматикой в соответствии с погодой. Коррективов он вводить не стал. Механическая рука подала ему из открывшейся в стене ниши сначала плащ, а затем и шляпу, по широким полям которой надлежало стекать возможному дождю. Засветив зеркало, Лорка, скептически щуря свои зеленые кошачьи глаза, взгляделся в свое отражение. Повел могучими плечами и усмехнулся.

— Может быть, ты просто трусишь, командир? — спросил он вполголоса у зеркала. — Признавайся, тут нет никого постороннего.

Он протянул руку, чтобы ущипнуть своего зеркального двойника за нос, но тот, конечно, тоже протянул свою руку. Лорка прищелкнул пальцами и засмеялся.

Шляпа ему определенно не нравилась. Он надевал ее и так и эдак, и по-всякому было плохо. В конце концов он снял ее, нахлобучил на механическую руку, которая не замедлила переправить ее в нишу, и, обернувшись, спросил, повысив голос:

— Альта, ты скоро?

— Скоро, — ответил чистый грудной голос.

— Я подожду тебя на воздухе.

— Хорошо.

Щелкнув запором, Лорка вышел из дому и остановился на площадке широкого полукруглого крыльца.

Мир спал. Неподвижный влажный воздух казался густым, как кисель: сделай шаг — и увязнешь, запутаешься в зыбкой полупрозрачной трясине. Но это лишь казалось; несмотря на свою влажность, воздух был легким и теплым, как дыхание.

Сбежав по ступеням крыльца, Лорка миновал голый кустарник, вышел на шероховатую пружинистую дорожку, очень ловко имитированную под песчаную аллею. И остановился, ожидая жену.

Деревья тоже спали, плавая в тумане, похожем на молоко, разбавленное водой. Поблизости это были еще настоящие деревья со стволами и ветвями, можно даже было угадать осеннюю пестроту тяжелых листьев. А дальше деревья быстро теряли реальные очертания, превращаясь в ажурные абстрактные орнаменты. Спали и птицы. И только звонкая, чистая, как детский голос, капель оживляла этот влажный мир, погруженный в светлую дрему.

— Лорка! — послышался голос Альты — две глубокие ноты, первая повыше, а вторая пониже.

Лорка огляделся, ему почудилось, что голос ее прозвучал над самым его ухом, и тихонько откликнулся:

— Ау!

Он отчетливо слышал звуки шагов Альты, хотя ее совсем не было видно за туманом и кустарником. Можно было угадать, как она сбежала по ступеням, сделала несколько замедленных шагов по земле, а потом деловито зашагала по дорожке. Этот

чудной воздух-студень, воздух-дыхание был удивительно звуко-проницаем. Теперь Федору стала ясна загадка чеканного звона капели, хотя всего-то с ветки кустарника срывались и падали в лужицу серые бусинки воды. Лужица недовольно морщилась, а сухой лист-кораблик приветливо кланялся на игрушечных волнах.

Альта пришла легкая, оживленная, веселая. На тонком темном лице, будто вырезанном из мореного дуба, — неожиданно светлые глаза. Лорка знал, что они голубые, почти синие, но под стать этому туманному утру казались сейчас серыми. Капюшон плаща откинут, тяжелые волны волос припушены седой пылью влаги.

— Ты здесь?

— Нет, — засмеялся Федор. — Но иногда я здесь бываю. Засмеялась и Альта. Голоса звучали как колокола, словно Лорка и Альта находились не под открытым небом, а под гулкими сводами. Альта даже подняла голову и посмотрела вверх, рот ее чуть приоткрылся, за вишневыми губами проглянула сахарная полоска зубов. И Лорка посмотрел наверх, а там ничего, серое рыхлое небо, и не поймешь, высоко оно или низко. Прислонясь к Федору плечом, Альта тихонько сказала:

— Как в храме!

— В соборе святого Петра, — серьезно подтвердил Лорка. — Сейчас из тумана выйдет белобородый епископ в золоченой тиаре. И тайным словом навеки свяжет наши души.

Альта посмотрела в туман, поехала от влажного воздуха и подняла на Федора серьезные светлые глаза.

— Зачем нам с тобой епископы, Лорка? Мы и так связаны навеки. Правда?

— Наверно, правда.

Ее глаза сразу потемнели.

— Почему «наверно»?

— Значит, просто правда.

Она на улыбку не ответила, показала, что сердится на неуместную реплику, прошла по дорожке вперед и лишь потом обернулась через плечо.

— Пойдем.

Лорка нарочно не сразу догнал ее, ему нравилось смотреть, как она идет. Альта двигалась неслышно, почти невесомо, точно плыла в тумане.

Черно-серый куст, большим глупым веником выплывавший из тумана, вдруг шархнул, из него кто-то выскочил и удрал. Альта замерла, вытянувшись стрункой, подоспевший Федор лгонько обнял ее за плечи.

— Птица. А может быть, заяц, — успокоил он.

Альта огляделась вокруг, зябко повела плечами:

— Как-то не так сегодня. Тревожно. Правда, Лорка?

Федор огляделся и грустно подтвердил:

— Правда.

— Это потому, что Тим погиб, — тихо сказала Альта.

Лорка помрачнел и ничего не ответил. Некоторое время они шли молча. Альта время от времени взглядывала на Федора, но он не замечал или делал вид, что не замечает ее взглядов.

— Каково сейчас Валентине, — вдруг вырвалось у Альты. Лорка удивленно взглянул на нее и нахмурился.

— Она ничего еще не знает.

Альта остановилась на полушаге.

— Как?

— Да так, — недовольно проговорил Лорка, — меня просили пока ничего не говорить ей.

Темный румянец выступил на щеках Альты.

— Почему? — сурово спросила она.

— Не знаю. Просто попросили, — с тенью раздражения ответил Лорка.

— Каждый имеет право на свою радость и на свое горе, — сказала Альта, и голос ее дрогнул, — и никто не имеет права на ложь и обман.

— Мы не лжем, Альта, — примирительно сказал Лорка, — мы молчим.

— Молчание хуже, трусливее лжи.

Лорка отвел взгляд.

— Ты права. Я обещал молчать.

— Иногда обещание можно нарушить, — Альта снова пошла вперед и сказал тихо и убежденно: — Бедная Валентина! Она и не знает ничего. Это вдвойне жестоко.

Лорка одобрительно взглянул на нее. Есть вещи, подумалось ему, которые до конца способна понять только женщина. Ведь и правда, беспечность незнания — разве она не оборачивается потом изощренной жестокостью?

— Ты права, Альта, — вслух повторил он, — я сегодня же расскажу ей обо всем.

Она молча взяла его за руку. Дорожка вилась между кустами, почтительно обходила большие деревья, прыгала через канавы. Возле одного дерева Альта остановилась и прислушалась, склонив голову набок.

— Слышишь? — вполголоса спросила она Лорку.

Федор прислушался и кивнул головой. Дремлющая роща сонно шептала тысячами drobных шелестящих голосов. Это капли и капельки воды падали с ветвей на влажную землю, на ковер увядших разноцветных листьев. Лорка покосился на грустное отрешенное лицо Альты, вздохнул, а потом чуть улыбнулся, положил свою большую ладонь на тонкий ствол, поднял лицо вверх и крепко встряхнул деревце. Оно дрогнуло и обрушилось на них заряд крупного свежего дождя. Альта гибко метнулась в сторону, а Федор так и остался стоять, потряхивая мокрой головой, только глаза зажмурил.

— Сумасшедший! — преувеличенно сердито ворчала Альта, вытирая лицо платком.

По-настоящему сердиться она не могла, знала, что как раз что-нибудь вроде такого душа и нужно было, чтобы сбросить напряжение и прийти в себя.

— Тим не любил грустить, — сказал Лорка, подходя к ней. — Даже когда речь шла о погибших друзьях.

Тим любил жизнь, свою работу, шутки и розыгрыши. Дети, даже незнакомые, сразу чувствовали эту особенность его характера. Они липли, льнули к нему, охотно принимали его, такого большого и сильного, в свои детские игры, не давая ему

послаблений и не прося уступок. А Тим с удивительным тактом соразмерял свою силу и ловкость с их грациозными, милыми, но такими несобранными движениями.

Роца оборвалась разом, выставив вперед надежную стражу — старые раскидистые деревья. Склон холма, покрытый желтеющей травой, круто падал вниз и растворялся в плотной массе тумана. Казалось, обрыв уходил в серую бездну, в клубящееся, безликое, бесцветное ничто.

— Преисподняя, — шепотом сказал Лорка. — Это неправда, что преисподняя — черное с красным. Она серая.

Лицо Альты было сосредоточенным, она прислушивалась к тому, что происходило внизу, в серой бездне. Прислушивался и Лорка. Внизу кто-то жил. Он был длинный — во весь овраг. Он вздыхал, ворочался и бормотал недовольно и непонятно.

— Змей Горыныч, — заговорщицки шепнул Лорка. — Они всегда водятся в таких местах.

— Это ручей, — улыбнулась Альта. Она огляделась, зябко повела плечами. — Как-то не так сегодня, Лорка. Как будто мы не на Земле, а в другом мире.

— Нет, мы дома, — Лорка глубоко, полной грудью вдохнул влажный воздух, — все тут родное: запахи, звуки и трава.

Он тронул носком туфли увядающий стебель.

— Видишь? Не пищат и не царапаются. А на Весталке сошел я с трапа на землю, на густую пружинящую траву, сделал по ней несколько шагов, и почудилось мне, что кто-то стонет, вздыхает. Прислушался, посмотрел — а это трава неуклюже, неловко отпихивает мои ноги стеблями и стонет.

Лорка замолчал, глядя вдаль мимо Альты, мимо серых в тумане деревьев, мимо всего-всего земного. Смотри на него снизу вверх, Альта вдруг попросила:

— Лорка, возьми меня с собой на Кику.

Лорка не сразу оторвался от своих мыслей и перевел взгляд на жену.

— Правда, Лорка, возьми. Я больше не хочу оставаться одна. Я твоя жена, а жены имеют не только обязанности, но и права.

Лорка легонько, снизу вверх погладил ей затылок, пропуская тяжелые волнистые пряди волос между пальцами.

— Мне вчера напомнили, что комитет общественных отношений отменил институт юридических жен еще полвека назад.

— Ты всегда говорил, что комитет поторопился. Что он дал нам взамен брачных уз?

— Свободу, Альта, — тихо ответил Лорка, — никакими узами, никакими цепями не омраченную свободу отношений двух людей, любящих друг друга.

— Свобода имеет свои оборотные стороны, — голубые глаза Альты смотрели на Лорку точно из глубины ночи, — еще не все научились ею распоряжаться. Некоторым нужны цепи, с ними проще.

— Цепи всегда цепи, — голос Лорки звучал мягко, — любой вид рабства порочен в своей основе. Даже рабство любви.

— Что бы там ни говорил комитет, я твоя жена, и ты это знаешь, — упрямо повторила Альта. — Я люблю тебя, но я человек, всего-навсего человек. Возьми меня с собой, а то я надаю глупостей.

Глаза Лорки разом похолодели. Теперь они смотрели отчужденно и даже не на Альту, а сквозь нее. Альта поспешно прикрыла рот Лорки своей темной сильной ладонью.

— Молчи! — она перевела дыхание. — Молчи, Лорка. Это я со зла.

Она улыбнулась ему сначала робко, а потом, видя, как тает холод в его глазах, уже и озорно.

— Я со зла, — повторила Альта. — Ты мужчина, муж и не должен сердиться.

Лорка наконец улыбнулся.

— Я не сержусь. А насчет Кики подумаем.

— Не шути, Лорка, — попросила Альта.

— Я не шучу. Ты думаешь, я не скучаю по тебе в космосе? Думаешь, мне не надоело расставаться с тобой на многие месяцы?

Альта все смотрела и смотрела на Федора, глаза ее наполнились слезами.

— Лорка!

Она порывисто прижалась к его груди и притихла. Лорка мягко обнял ее за плечи и с оттенком лукавства сказал на ухо:

— А потом я к тебе присмотрелся. Честное слово, у тебя неплохие задатки космонавта-разведчика.

— Ты правда не шутишь?

Отстранившись, Альта смотрела на него все еще недоверчивыми, но уже счастливыми глазами.

— Нет. Хотя хорошо понимаю, что вдвоем в космосе нам будет не легче, а может, и тяжелее.

— Почему?

— Потому что, когда придется трудно, мы будем болеть душой не только за дело, но друг за друга.

Брови Альты сдвинулись.

— Почему, — она вздохнула, — ну почему жизнь так плохо устроена?

— Чтобы жилось веселее, — Лорка засмеялся и взлохматил ей волосы. — Почему, отчего. А если просто так? Сейчас вот я хочу разобраться, кто это ворочается и вздыхает в овраге — ручей или Змей Горыныч?

Он отступил назад, разбежался, сделал мощный прыжок и исчез в серой бездне.

— Лорка! — импульсивно вскрикнула Альта.

Снизу послышался звук падения тяжелого тела, зашуршали ветви. Вся обратившись в слух и ожидание, Альта смотрела вниз. Прошло несколько мгновений, и она заметила, как в клубящемся тумане поднимается, всплывает что-то темное. С захопнувшим от ужаса сердцем Альта смотрела, как обозначаются, прописываются два широких крыла, ушастая голова. Еще миг, и на Альту сурово взглянули огромные мудрые глаза.

— Угу! — дружелюбно сказал филин и бесшумно, неторопливо поплыл в глубину рощи.

Очнувшись от столбняка, скользя и спотыкаясь, Альта побежала вниз. Туман тут был плотнее, гуще, казалось, его можно было черпать горстями. Мир растворился в этом густом невесомом молоке, даже земли почти не было видно.

— Федор!

Альта чуть не упала, ободрала руку о какую-то колючку и пошла медленнее, благо склон оврага кончился.

— Федор! — отчаянно крикнула она.

— Что? — послышался сзади спокойный голос.

Альта ахнула, испуганно обернулась и совсем рядом увидела зеленые глаза Лорки и растрепанные рыжие волосы, украшенные увядшими листьями.

— Лорка, — вздохнула она с облегчением, уткнулась лицом в его грудь и притихла, успокаиваясь. Лорка, обняв жену за плечи, осторожно гладил ее волосы. Но лицо его не выражало ни нежности, ни озорства, оно было суровым и тревожным, увидев его таким, Альта не на шутку бы перепугалась.

Поглаживая пышные влажные волосы жены, Лорка напряженно размышлял. Почему он так глупо, неосторожно, рискуя сломать себе шею, прыгнул в овраг? Наверное, потому, что часто проделывал такие фокусы мальчишкой и до сих пор любил поозоровать, оставаясь наедине с близкими людьми. И еще потому, что этот овраг он знал как свои пальцы — мягкие песчаные склоны и плакучие ивы с пружинящими ветвями, о которые невозможно ушибиться. Но ведь туман, ни зги не видно!

Врезавшись в упругую крону ивы, Лорка инстинктивно ухватился руками за гибкий ствол. Он сработал как великолепный амортизатор, сначала опустил Лорку почти до земли, потом подбросил в воздух и не сразу успокоился. Раскачиваясь, Лорка огляделся, выбирая место посвободнее, чтобы спрыгнуть. Посмотрел под ноги и вдруг похолодел. Прямо под собой он увидел полутораметровый сломанный ствол молодой ивы, грозно, как рогатина, направленный расщепленным острием вверх. Если бы он не ухватился за ствол, то скорее всего накололся бы на эту рогатину. Мгновенный испуг Федора и был вызван тем, что он зримо, ощущимо представил себе, как острый кол с хрустом вонзается в его тело, кроша кости и разрывая внутренние органы. Маловероятно, что Лорка после этого бы погиб: Альта рядом, а современная медицина во всем, что не коснется чудовищно сложного и тонкого мозга, практически всесильна. Но добрый месяц жесткого постельного режима был бы гарантирован: сначала реанимация с биомеханической заменой жизненно важных органов, а потом долгая и мучительная регенерация.

Сильно качнувшись, Лорка отпустил руки и приземлился метра в трех от зловещего природного орудия убийства. Только природного ли? Вот об этом и размышлял Федор, машинально поглаживая влажные волосы жены.

— Когда ты станешь по-настоящему взрослым, Лорка? — с грустью проговорила Альта, все еще не отрывая лица от его груди.

Федор с трудом отвел взгляд от ствола-рогатины, который иногда смутно прорисовывался сквозь клубящийся туман, еще раз, теперь уже сознательно и нежно, провел большой ладонью по волосам жены. Лицо его помягчело, оттаял тяжелый взгляд. Почти касаясь губами уха Альты, он тихонько спросил:

— А зачем это нужно — быть по-настоящему взрослым?

Валентина стояла под липой, опираясь о ствол отведенными за спину руками. У нее было округлое лицо, широкие, ровными дугами брови, ласковые серые глаза, мягкий подбородок и полные губы, созданные для улыбок, поцелуев и веселой болтовни.

— Я Валентина, — представилась она, — это вы хотели меня видеть?

— Я.

— По делу или просто так?

— Да как вам сказать, — Лорка заколебался, плутовато сощурил в улыбке свои зеленые глаза и вкрадчиво спросил: — А если я хочу просто поухаживать за вами?

Она негромко засмеялась, показывая крупные жемчужные зубы.

— Любовь с первого взгляда?

— Почему же? — Лорка соорудил серьезное лицо. — Может быть, я уже годы хожу за вами, оставаясь невидимым и неслышимым?

Она опять засмеялась, сразу догадавшись, что это шутка, только шутка, и ничего больше. Видимо, Валентина была очень чуткой от природы, только, видно, не всегда считала нужным пользоваться этой чуткостью. Для постоянной чуткости нужна нервность, отзывчивость, а Валентина выглядела благодушной, может быть, даже снисходительно-равнодушной к окружающему.

— Вы не торопитесь? — спросила она.

— Я? Как можно торопиться, увидев вас?

Она улыбнулась уже устало, показывая, что ее начинает утомлять эта игра. Они разглядывали друг друга с интересом, даже с известной бесцеремонностью, но за этим интересом проглядывала настороженность.

— Вы ведь Федор Лорка? — вдруг спросила она. — Вы чуть прихрамываете, волосы у вас рыжие, глаза зеленые, и вы очень-очень сильный. — Валентина говорила уверенно, спокойно, но настороженность не исчезала из ее глаз.

Лорка засмеялся.

— Вот уж не думал, что вы такая ясновидящая.

— Что с Тимом? — быстро спросила она.

— Все в порядке, — безмятежно ответил Лорка, — надеюсь, вам сообщили, что он срочно вылетел на базу?

— Сообщили, — она внимательно смотрела на него.

— Ну а Тим просил меня, если он задержится, навестить вас. И вот я здесь, у ваших ног, — улыбнулся Федор.

Валентину удовлетворил этот ответ, и она вздохнула, успокаиваясь.

— Знаете, Федор, я ведь тороплюсь. Если у вас есть свободное время, проводите меня.

— Именно это я и хотел вам предложить.

Валентина очень непринужденно взяла его под руку. Фигура у нее была тяжеловатой — фигура зрелой женщины, хотя лицо было совсем молодым. Эта подчеркнутая женственность не воспринималась как недостаток — в линиях ее тела была своя за-

конченность, своя статья, правда, совсем иного толка, чем у Альты или Эллы. Впрочем, кому дано право судить об этих тонах?

Рука Валентины была тяжелой, мягкой и теплой, она лежала на предплечье Федора без всякого кокетства и тревоги. Откуда он взял, что Валентина насторожена? Чепуха, для этого она слишком ленива и благодушна. Самое обычное беспокойство о возлюбленном, вот и все.

Они медленно пересекли площадь. Когда их взгляды встречались, Валентина неизменно улыбалась. И однако ж улыбка ее не выглядела ни стандартной, ни искусственной. Люди со стандартными улыбками всегда хоть немного, но эгоисты, думающие о себе больше, чем о других. Не было в ее улыбке и того показного обаяния, которое свойственно женщинам, желающим, может быть бессознательно, очаровывать всех и каждого. Улыбка Валентины была ее естественным состоянием, она жила сложной, тонкой жизнью, отражая явные и даже тайные движения ее души. Зато глаза при этом оставались ясны, спокойны и благожелательны. С площади они перешли на центральную скоростную магистраль. Видимо, ехать было не близко, потому что Валентина предложила сесть на диван. Мини-солнце, стоявшее в зените, светило совсем по-настоящему. Лорка так и не знал, как, с чего начать тот страшный разговор, ради которого он встретился с ней. А Валентина, хотя и любила поговорить, об этом сразу можно было догадаться, ничуть не тяготилась молчанием. Она не искала первой попавшейся темы разговора и совсем не сгорала от любопытства, а, предоставив событиям развиваться своим чередом, ждала, поглядывая вокруг.

Когда они проносились мимо павильона-столовой, Лорка невольно проводил его взглядом. Валентина спросила:

— Проголодались?

— А вы? — сейчас же спросил Лорка. — Может быть, зайдём, перекусим?

Она с улыбкой покачала головой.

— Некогда. Да и не люблю я эти закусывания на бегу. Еда — дело серьезное.

— Любите готовить сами?

— Ой, ужасно! — оживилась она. — У меня дома куча всякой всячины: соки, крушоны, квасы, мясо и дичь — все это натуральное, рыба и специи. Прямо настоящий склад! Я сама знаю, что это нехорошо — тащить все к себе домой, как будто сейчас какой-нибудь двадцатый век. Да никак не могу удержаться!

Лорка бегло, но внимательно взглянул на нее.

— У вас, наверно, и одежды целая куча?

— А на что мне куча одежды? — равнодушно спросила она и засмеялась. — Думаете, я жадная? Совсем нет! Просто ужасно люблю все делать своими руками, как мне хочется и как нравится.

Лорка слушал с интересом. Валентина заметила это и еще больше оживилась.

— Вот это платье, — она встала, повернулась несколько раз перед Лоркой и села снова, — я тоже сама его шила. Правда, неплохо получилось?

— Хорошо, — не кривя душой, одобрил Лорка.

— Тиму тоже очень понравилось, — с удовольствием сообщила она. И, чутко заметив напряжение, появившееся на лице Лорки, вдруг спросила: — С ним что-нибудь случилось?

Лорка с трудом заставил себя иронично усмехнуться.

— С Тимом? Что с ним может случиться? — И поспешил вернуться к прежней теме разговора. — А как это вам пришло в голову — самой шить себе платье?

— Знаю, знаю, знаю, — закивала она головой, — есть готовое платье с подгонкой, есть швейные автоматы с проблемно-эстетическими приставками, да все равно это не то! Как вы, мужчины, не понимаете, что если сделаешь сама, так это совсем другое дело. Даже обидеться не на кого!

Это случайно промелькнувшее слово «мужчины» открывало Валентину с новой стороны. Она между тем продолжала все так же оживленно-доверительно:

— Знаете, я, наверное, родилась слишком поздно. Мне вот не совсем нравится этот принцип — каждому по потребности, — она взглянула на Лорку с улыбкой, в которой были и смущение и вызов, — ну что это такое? Пришел и взял — скучно!

— Так ведь за это надо и отдать по способности.

— Кто их мерил, наши способности, — равнодушно, даже с оттенком пренебрежения ответила Валентина, — это гениям легко отдавать свои способности. Он отдает, а все вокруг ахают — ух, как здорово получается! А если ты самый обыкновенный человек, если тебе и отдать-то нечего? Тогда что?

Она спрашивала о серьезных, наверное, тревожащих ее вещах, но глаза ее по-прежнему были ясны и покойны, только где-то в самой их глубине прятался вопрос.

— У вас нет законченной специальности? — предположил Лорка.

— Как это нет? — удивилась Валентина и с некоторым достоинством представилась: — Я дипломированный фильмограф. — И тут же заулыбалась, в этой улыбке была и легкая насмешка над собой, и легкая грусть. — Только разве в такой работе выразишь себя по-настоящему? Чтобы почувствовать радость от этого, а не просто удовлетворение.

— В экспедицию вам надо, — неожиданно даже для самого себя посоветовал Лорка, — в космос, на неосвоенную планету. Уж там для вас найдется возможность и шить, и готовить, и собирать всячину.

Она согласно и очень уверенно кивнула головой.

— Знаю, Тим все время твердит мне об этом, — ее лицо осветилось какой-то особенной скрытой лаской, — только сейчас нельзя мне в космос.

Лорка секунду непонимающе смотрел на нее и вдруг догадался.

— У вас ребенок?

Он не сумел скрыть своего удивления; она услышала эту нотку, повернулась к нему и ответила с легким недоумением:

— Да.

— Девочка?

— Девочка, — она засмеялась, — а как вы догадались?

Лорка готов был услышать все, что угодно, но только не это. У Валентины ребенок!

— Вы думали, мальчик? — спросила она, не понимая его растерянности.

— Нет, я сразу догадался, что это девочка, — ответил Федор машинально.

— Как?

Она смотрела на него с настороженным, но веселым любопытством, как смотрят на фокусника, пообещавшего показать интересный трюк.

Что мог сказать ей Лорка про интуитивное угадывание, похожее на озарение? Угадал, и все тут, угадал и остался жив, угадал, а потом и сам удивился, что угадал, если, конечно, все это происходит в спокойной обстановке и есть время и охота, чтобы размышлять об этом да удивляться. Но в любопытстве Валентины было столько бесхитростного интереса, что Лорка постарался, как мог, ответить ей.

— Вид у вас такой, — он оглядел ее с головы до ног, — мягкий, женственный. Вы ведь любите детей?

— Ой, ужасно! Вот еду сейчас с вами, я ведь к своей девочке еду, и все думаю, как она там? — Валентина сцепила руки, она постаралась сделать испуганное лицо, но из этого ничего не вышло — лицо жило, дышало ожиданием желанной встречи. — И знаю ведь, что ничего случиться с ней не может, а все равно беспокоюсь. Вот говорю с вами, а сама потихоньку представляю, как возьму ее на руки, как она будет дышать вот тут, рядом, говорить, тянуть меня за волосы. Как я ее купать буду.

В глазах Валентины мелькнули слезы, она тут же засмеялась, смущенно поглядывая на Федора, и все так же увлеченно продолжала:

— Я всегда сама ее купаю. Там уж знают и не спорят со мной. Я слышала, они говорят — доисторическая мамаша.

— А почему бы вам не стать воспитательницей? Из вас бы, по-моему, получилась очень хорошая няня.

Валентина с ясной улыбкой покачала головой.

— Я знаю, что получилась бы, но Тим говорит — очень глупо, когда муж уходит в космос, а жена месяцами и годами ждет его на Земле. Надо ходить вместе. Вот только как я оставлю дочурку — ну просто не представляю!

Лорка сидел, уронив на колени тяжелые руки. Он не мог, не хотел решиться на такой безжалостный удар. Каждый имеет право на свою радость и на свое горе, Альта говорила верно. Но как разны эти права!

Идя на встречу с Валентиной, Лорка молил судьбу о пустяке, о том, чтобы в ее характере найти достоинства или недостатки, позволяющие человеку выстоять в беде; все равно — окаменеть или расклевтаться, лишь бы выстоять. Легкомыслие, непостоянство, сильный интеллект, расчетливость, крепкие цепи других интересов — все это смягчает тяжкий удар истины, приглушает эмоции. Он искал что-нибудь и не нашел ничего. Право! Да, у Валентины было право на свое горе, но было ли право у него, Лорки, бросить это горе в открытую, беззащитную душу? Он задумался тяжело и надолго, поэтому вопрос Валентины хлестнул его кнутом.

— С Тимом что-нибудь случилось?

Любящее сердце — вещее сердце. Уже второй раз она спрашивала об этом. Лорка сумел заставить себя непринужденно улыбнуться.

— У меня сердце щемит, Федор, — она сказала это совсем просто, без эмоций, но тревога так и лилась из ее глаз.

— Глупости, женские глупости, — резко, почти грубо сказал Лорка. — Если уж вы стали женой космонавта, надо привыкать к тому, что иногда щемит сердце.

Она закивала головой, успокаиваясь.

— Да-да, Тим говорил мне об этом.

Рассеянно оглянувшись, Валентина вдруг спохватилась:

— А если?

— Неужели проехали? — комично ужаснулся Лорка.

— Проехали, — она смущенно улыбнулась, — это все из-за вас. Напугали вы меня.

— Вот уж не думал, что вы такая пугливая, — Лорка положил на ее теплую мягкую руку свою большую ладонь, — рад был познакомиться с вами.

— Я тоже. Когда ждать Тима?

— Через неделю, — уверенно ответил Лорка и заискивающе добавил: — Вы не рассердитесь, если я покину вас? Мне нужно забежать к жене, она работает вот в этом здании.

— Пожалуйста, — Валентина засмеялась, — только здесь перехода нет.

— А зачем мне переход? Кто я — покоритель космоса или тюфяк?

Лорка засмеялся, подмигнул и прыгнул со скоростной магистрали через оградительный барьер.

— Упадете! — крикнула Валентина, вскакивая с дивана. Но Лорка еще в воздухе сгруппировался и наклонил тело градусов под сорок пять к направлению движения. Шестидесятикилометровая скорость качнула его сильное тело, Федор спружинил ногами и стал прямо, приветственно подняв руку. Валентина была уже далеко и не могла видеть его лица, поэтому улыбаться теперь было совсем не обязательно. Но он все еще улыбался. Какой-то прохожий с седой головой, свернувший к Лорке, видимо, для того чтобы сделать ему выговор за глупое лихачество, увидел эту улыбку и испуганно отшатнулся.

— Ничего, — успокоительно сказал ему Лорка, вытирая лицо платком, — ничего. Все в полном порядке.

5

Здесь, в спортзале фехтования, была своя особая и неповторимая атмосфера. Свежесть воздуха, напоенного запахами моря и соснового бора, заставляла поеживаться неподготовленных зрителей: комфортная спортивная температура была ниже бытовой. По тренировочным дорожкам, будто связанные невидимыми нитями, двигались, шагали, танцевали и вдруг взрывались молниеносными флеш-атаками стройные фигуры бойцов, затянутых в эластичное трико-броню самых разных расцветок.

На прозрачных, почти невидимых шлемах, защищавших лицо, шею и голову, мерцали тусклые блики рассеянного света. Плавали в воздухе, летали, со звоном перехватывая друг друга, жалили и кусались шпаги-молнии. И если укол был хорош, если «вес» его по древней традиции был не менее 750 граммов, срабатывал фиксатор, посылая незримый радиосигнал. Руководствуясь этими сигналами и общим рисунком боя, поединок оценивал контрольный автомат; на его табло, то зависая, то меняясь с почти калейдоскопической быстротой, высвечивались суммы уколов с вспомогательной оценкой их точности и силы. Когда одна из этих сумм набегала до установленной, раздавался легкий звуковой сигнал; на гарде победителя вспыхивал зеленый огонек, победленного — красный. Фехтовальщики бережно ставили свое оружие в пирамиду гардами вниз, пуандарами вверх, садились возле автомата в кресла бок о бок и просматривали видеозапись боя, обмениваясь оживленными репликами. На боевой дорожке бои разыгрывались особенно неторопливо и хитроумно. Пуандары шпаг тут украшали пурпурные болевые разрядники. Если разрядник устанавливали на полную мощность, на все сто процентов, на «сотку», как говорили фехтовальщики, чистый укол в грудь своей неистойвой раскаленной болью валил с ног ничуть не менее верно, чем укол настоящей шпагой в самое сердце. Правда, на «сотке» работали очень редко, ограничиваясь полусоткой, которая называлась также коброй, или четвертью — шершнем. «Укус» кобры, как правило, бросал фехтовальщика на колени, ну а шершня, чтобы не потерять лицо настоящего бойца, полагалось терпеть на ногах. Возле боевой дорожки всегда были зрители — и посторонние, и из числа отдыхающих фехтовальщиков, — с удобством располагавшиеся в мягких креслах на антресолях, где, кстати, и воздух был заметно теплее. За боем на этой дорожке следил не автомат, а судья-тренер. Перед началом боя он задавал древний, как сама спортивная шпага, вопрос: «Мсье прэ?» — и после того, как бойцы отвечали согласием, открывал бой жестом руки и короткой командой: «Алле!»

В общем, спортзал фехтования был спортзалом фехтования, спутать его с чем-нибудь другим было никак невозможно. Равно как невозможно было не любить его тому, кто по-настоящему держал в руке шпагу — благородное древнее оружие, которое за историю человечества, как феникс, несколько раз умирало и вновь возрождалось из пепла забвения обновленным и еще более прекрасным.

Вслушиваясь и глядяваясь в этот особый фехтовальный мир, Лорка, не снимая тренировочного защитного трико, с удовольствием отдыхал в низком кресле. Его зеленые глаза довольно щурились, как у кота на солнышке, поза была расслаблена, правая рука тяжело свисала до самого пола, левая с зажатым в ней мягким платком лениво вытирала вспотевшие в боях лицо и шею. Потерявший свою упругость защитный шлем прозрачным капюшоном висел за спиной, а шпага отдыхала рядом на стоечке, которая специально для этой цели была и приделана к креслу. Шпага, как и сам Лорка, казалась ленивой, усталой и беззащитной — не верилось, что это именно она, подвижная, как ртуть, сияющая и вдохновенно-злобная, какую-нибудь ми-

нута назад исполняла в воздухе свой затейливый и логичный танец угрозы, атаки и защиты.

Иван Франкетти, добрый, импульсивный и стремительный, как само фехтование, сидел рядом, сердито смотрел на Лорку и нехотя ругался, машинально следя за контрольным боем до первого «смертельного» укола, который участники разыгрывали неторопливо, осмотрительно, с теми неожиданными, похожими на каприз переходами от нарочито ленивых, вяло-грациозных движений к каскаду летящих шагов, запутанных финтов и молниеносных уколов.

— Это же не самбо, рыжий ты дикарь, где многое решает сила! Фехтование — прежде всего искусство. Тренинг, тренинг и еще раз тренинг, если ты хочешь побеждать.

— А если я не хочу побеждать? — лениво, с еле уловимым лукавством спросил Лорка.

— Тогда катись отсюда и занимайся штангой, — скороговоркой ответил Франкетти и хлопнул себя по колену. — Нет, что он делает, а? Ты видел? Осторожничает в позиции, когда мог свободно достать его стрелой! Хочет играть только наверняка и проиграет, вот увидишь.

— А зачем мне штанга, Иван? Ты же все время твердишь, что мышцы у меня и так перетяжелены.

Франкетти, уловивший лишь конец последней фразы, быстро повернулся к нему.

— Перетяжелены! Я готов повторять это хоть до второго пришествия. Посмотри на себя, — Иван окинул его быстрым взглядом сначала скептически, потом почти любовно, — как ты с таким весом порхаешь по дорожке — великая тайна есть! Если хочешь знать, я всегда ставлю тебя в пример индивидуумам подобной комплекции. А ты? Подайвай тебе Виктора, эту осу с каучуковой рукой и оленьими ногами!

— Так я же все-таки выиграл у него.

— Видал? — снова хлопнул себя по колену Франкетти. — Что я говорил? Переосторожничал и получил чистый укол. Был бы настоящий бой, лежать бы ему сейчас на мать сырой земле. Выиграл, — это скептическое замечание относилось уже к Лорке, — один раз из восьми. Стыдно и срамно такое для Федора Лорки.

— Но вспомни, каким уколом я выиграл, — не без самодовольства напомнил Лорка.

Франкетти закрыл глаза и мечтательно потряс головой.

— Да, это был царь-укол! — он сделал молниеносное движение кистью и прицелкнул языком. — Я думал, шпага сломается как тростинка.

Лицо Франкетти вытянулось и стало свирепеть.

— Нет, ты посмотри, что делает этот столб, эта мачта, этот неотесанный небоскреб! Не фехтовальщик, а вентилятор! Мне бы такие рычаги. Нет, такое видеть просто невозможно!

И Франкетти поспешил к третьей дорожке, где неуклюже работал высоченный новичок с прекрасными для фехтовальщика природными данными. Лорка, с улыбкой наблюдавший, как Франкетти, прекратив бой, взял в руки шпагу и стал в позицию, услышал голос:

— Надеюсь, ты не в обиде?

Это был Виктор Хельг.

— Это на что же? — откровенно удивился Лорка.

По губам Виктора скользнула и пропала легкая улыбка. Он пожал плечами — мол, тебе виднее — и сел в кресло напротив Лорки. Сел в подобранной, хотя и непринужденной позе. Он совсем не выглядел усталым и был так свеж, точно явился сюда не с фехтовальной дорожки, а с бездумной прогулки. Поглядывая на Виктора с явным одобрением, Лорка еще раз прошелся платком по разгоряченной коже. Великолепный образчик человеческой породы! Умен, дерзок, в меру насмешлив, но это от молодости, прекрасно сложен — истинно оса! И по-настоящему красив еще не вполне созревшей, но яркой мужской красотой: темные выющиеся волосы, высокий лоб, бархатные умные глаза, четко выписанные строгие черты лица и смуглый румянец на щеках. Хочешь рисуй, хочешь лепи — будет одинаково хорошо.

Виктор поймал взгляд Федора, и снова мимолетная улыбка, какая — разобрать не успеешь, скользнула по его губам.

— Можно с тобой откровенно, Федор? Я ведь не привык к дипломатическим тонкостям.

— Конечно, можно, — разрешил Лорка, продолжая разглядывать собеседника, словно по рассеянности, чтобы тот не обиделся ненароком. Ведь, верно, и впрямь привык идти напролом и думает совершенно искренне, что ничего лучшего и быть не может.

Среди красивых удачливых парней такой психологический комплекс встречается нередко. Это не всегда осознанное отражение своего обаяния. И виноваты в этом женщины, которые, несмотря на свою рассудочную деловитость и расчетливость, не могут их не баловать и не опекать. Впрочем, виноваты — это слишком крепко сказано. В разумных дозах самоуверенность и прямолинейность для космоса только полезны.

— Я слышал, тебе нужен напарник, — почти утверждающе сказал Виктор, прямо глядя на Лорку своими бархатными глазами. Федор же взглянул на него лишь мельком и ответил не сразу.

— Мне нужен не только напарник. Я комплектую целый отряд.

— А я для этой роли не гожусь?

Нотка настойчивости в голосе Виктора не исчезала. Лорка снова мельком взглянул на него и ответил, словно извиняясь:

— Пока я этого не знаю.

Хельг засмеялся. Он сидел, опираясь локтями на колени, и с откровенным интересом разглядывал Лорку.

— Но Ревский обещал специально поговорить о моей кандидатуре.

— А он и говорил, — спокойно ответил Лорка, — только это сразу не делается. Путь от Земли до Кики длинный. Да и на Кике не сразу заварится каша. Напарник, содруг командира, выделится в коллективе сам собой.

Виктор внимательно смотрел на Лорку, который не то не замечал, не то делал вид, что не замечает его взгляда.

— Федор, — вдруг спросил он, — у тебя же был напарник, отличный напарник — Тимур. Почему ты с ним расстался?

Лицо Лорки посуровело, лучше сказать, потяжелело; разгла-

дились мелкие морщинки, и в то же время резче прописались основные черты.

— Мы не сошлись характерами, — медленно проговорил он.

— Но, кажется, вы были друзьями? — настойчиво допытывался Хельг.

Лорка провел рукой по колену, точно разглаживая некие невидимые складки на защитном трико.

— Были, — подтвердил Лорка и впервые за время этого разговора прямо и очень спокойно взглянул в глаза собеседника, — разве нельзя не сойтись характерами с человеком, который когда-то был твоим другом?

— Почему же нельзя? Можно, — Виктор отвел взгляд, шлепнул себя по ноге и засмеялся. — Как бы то ни было, ты командир экспедиции изначально, а вот твой напарник должен выделиться сам собой. Почему такая разница?

— В любом коллективе должна быть основа для компонентов, — сказал Лорка почти добродушно, — иначе коллектив просто не состоится, развалится.

— Стало быть, ты основа?

— В некотором роде.

— Значит, ты считаешь себя лучше других? — настойчиво допытывался Хельг.

— Опытнее.

— Ну, это вопрос терминологии.

— Не совсем. Чтобы ты понял это, скажу — за моими плечами незримо, но очень весомо стоят удачи прежних экспедиций, которыми я командовал.

Темные густые брови Виктора сдвинулись к переносью.

— Это верно, — в раздумье согласился он, непринужденно возвращаясь к прежней легкой манере разговора: — А если это удача, именно удача, и ничего больше?

— Раз удача, два удача, — в голосе Лорки зазвучала легкая ирония, — помилуй бог, когда-нибудь надобно и умение.

— Знаю, — Виктор не удержался от нотки снисходительности, — ты любишь цитаты из старинных романов. Но стоит ли за них прятаться?

Лорка усмехнулся.

— Не стоит. Могу сказать тебе, что и командир экспедиции не наследует свой пост навечно, как император. В работе иногда выдвигается другой лидер, он и становится командиром. Такое случалось, хотя нечасто.

Виктор насмешливо поглядывал на Лорку своими бархатными глазами.

— Ты не боишься, что такое случится на Кике?

Лорка непонимающе взглянул на него. Виктор кивнул головой за спину и пояснил:

— Я победил тебя на фехтовальной дорожке. Разве то же самое не может случиться в космосе?

Лорка со сдержанным любопытством разглядывал своего фехтовального противника. Хельг открыто улыбался, но Лорка остался серьезным.

— Разве мы летим на Кикку драться?

Тень смущения пробежала по лицу Виктора и пропала.

— Нет, не драться. Но соперничество возможно не только на фехтовальной дорожке.

Лорка кивнул, соглашаясь, и поинтересовался:

— Ты считаешь свое участие в разведке Кики решенным делом?

— А почему бы и нет?

Лорка усмехнулся. Виктор помолчал, ожидая его реплики, но, так как Федор и не думал открывать рта, заговорил сам, постепенно накаляясь:

— Что мне может помешать? Если откажешь ты, я обращусь прямо в Совет космонавтики. Я годен для разведки по всем статьям. Только ты мне можешь помешать. Но как? Расскажешь, как проиграл мне на дорожке?

— Далась тебе эта дорожка, — сказал Лорка спокойно, даже добродушно, — разве это настоящая схватка? Игра, театральное представление.

Виктор, закусивший удила, холодно сказал:

— Если хочешь, мы можем сделать этот бой настоящим. — И, расстегнув «молнию» защитного трико, достал из внутреннего кармашка пурпурный боевой разрядник.

Лорка, не торопясь, достал точно такой же.

— И это, конечно, не настоящий бой, но уже ближе к истине. — Он повернул застрекотавшее регулировочное кольцо до упора, пока на основании разрядника не засветилась оранжевая кайма. Потом все так же неторопливо снял со стойки свою шпагу и аккуратно надел на ее пуандару наконечник. Только после этого он перевел взгляд на Хельга, который пристально и несколько недоуменно смотрел на него.

— За чем задержка? — весело спросил Лорка, поднимаясь из кресла.

Виктор встал вслед за ним и вместо ответа спросил:

— Ты хочешь работать на «сотке»?

— Конечно! Бой так бой.

— У тебя же нет никаких шансов, Федор, — задумчиво сказал Виктор.

Лорка засмеялся.

— Вот это меня и вдохновляет!

— У тебя нет никаких шансов, — настойчиво повторил Хельг, — и ты это знаешь. Почему же «сотка»?

— Для остроты блюда, — Лорка мазнул взглядом по собеседнику, — уж не испугался ли ты?

Виктор насмешливо передернул плечами, вывел свой разрядник на «сотку», надел его на пуандару и таким рыцарски-галантным жестом пригласил соперника на боевую дорожку. Она очень кстати оказалась свободной; судья-тренер вместо своей основной работы просматривал видеозапись контрольного автомата.

Иван Франкетти, заметив колоритную пару Лорка — Хельг, разом оживился, но чуть позже обратил внимание на ярко-оранжевую кайму на болевых разрядниках, и лицо его вытянулось. Бормоча: «Проклятый рыжий упрямец!» — Франкетти поспешил было к фехтовальной дорожке, чтобы помешать этому нелепому неравному бою на «сотке», который, он в этом ни секунды не сомневался, спровоцировал Лорка — страшный любитель та-

кого рода экспериментов. Но, вдруг приостановившись, он пожал плечами и, с удовольствием мысленно констатировал: «Не тому, так другому это будет очень полезно», заторопился на антресоли посмотреть это увлекательное представление глазами специалиста и по-зрительски «поболеть» за Лорку, которому он уже давно отдал свое яростное спортивное сердце.

Когда он занял кресло, бой уже начался. Стремясь разом закончить бой, Виктор без подготовки молниеносно флешировал, Лорка перехватил, но встретить не успел — Виктор легко, без усилия разорвал дистанцию. Теперь соперники лениво, будто нехотя двигались по дорожке: тяжеловато, но с мягкой кошачьей грацией — Лорка и легко, словно танцуя, — Виктор. Они были совсем разными: один смуглый и черный, другой рыжий, зеленоглазый; один сухой — ни грамма лишнего веса, другой массивный, отягощенный развитыми мышцами; один озорной, с улыбкой на губах, другой спокойный, даже флегматичный. И в то же время они были странно похожи, похожи уверенной, сдержанной силой, непринужденностью своих таких разных движений, всем своим обликом гомо сапиенсов двадцать третьего века.

— Тигр и пантера, — вполголоса сказал сзади Франкетти.

— И пантера выиграет. Лорка явно тяжеловат, — ответили ему.

Иван, не оборачиваясь, скороговоркой бросил:

— Вес шпажисту не помеха, носили бы ноги.

— Но есть и в классе разница, — возразил тот, первый, говоривший вполголоса.

— Есть, когда этих боев десять, а когда один бой — Лорка не хуже самого...

Кого самого, Иван договорить не успел: Виктор снова провел неотразимую атаку стрелой. Казалось, все кончено, лишь в самое последнее мгновение Лорка каким-то чудом успел взять четвертую защиту. И снова движение по дорожке, похожее на замысловатый танец, составленный из самых разных, казалось бы, не вяжущихся между собой па: стремительные атаки Виктора и несколько тяжеловатая, но уверенная защита Лорки.

Теперь в спортзале вела только эта пара — Хельг и Лорка, остальные шпажисты превратились в зрителей. Тот и другой были хорошо известны, к тому же мало того, что они работали в болевом варианте, так еще и на «сотке». А здесь, в спортивной среде, знали, а если и не знали, то отлично представляли, что такое болевой укол полной мощности. Сторонников Виктора и Лорки было примерно поровну. За Лорку «болели» преимущественно «старики», которые знали его с той поры, когда Виктор еще и не появлялся на дорожке, и которым теперь порядком доставалось от этой восходящей звезды фехтования. Ну а Виктор был признанным кумиром молодежи.

Картина боя между тем прояснилась: Хельг нападал, Лорка защищался.

— Правильно, Федор, — бормотал Франкетти, захваченный боем, — умница. Контратака — твой единственный шанс. Но надо потоньше, потоньше!

Лорка ясно показывал, что на всякую попытку уколоть он будет делать спасительный «круг шесть». Показал это раз, дру-

гой, третий, но не было в его показе непосредственности, и Виктор не шел на эту ловушку. Так долго продолжаться не могло. Виктор вел бой легко, с запасом, а Федор — к сожалению, это было видно очень хорошо — работал на пределе, выкладываясь полностью. Несколько раз от укола его отделяла тончайшая, едва уловимая грань; тогда нешумно, но темпераментно «болевший» зал дружно ахал. Однажды показалось, что шпага-молния Хельга, встретив вместо груди Лорки пустоту, на излете все-таки коснулась его руки. Во всяком случае, рука эта бессильно упала, а Лорка приостановился, даже не попытавшись достать Виктора, разрывавшего дистанцию. Видимо, Хельг мог в этот миг решить бой в свою пользу, но он промедлил. Может быть, решил, что бой уже закончен, может быть, попросту пожалел Лорку, а может быть, поопасался, что Лорка блефует — удар был скользким. Виктор вовсе не был уверен, сработал ли болевой разрядник, зато хорошо знал, что если и сработал, то далеко не на все сто процентов. Лицо Лорки не отражало ничего, кроме угрюмой решимости и усталости, а «сотка», Виктор знал это наверняка, заставит дернуться человека, будь хоть у него стальные канаты вместо нервов! Как бы то ни было, бой продолжался.

— Молодец все-таки, рыжий черт, — бормотал Франкетти, делая в такт бою произвольные движения рукой, ногой, а то и корпусом, — держитесь! На пределе, на ниточке, но держитесь! И хитрит, проклятый!

Несмотря на страшное напряжение и растущее утомление, Лорка и в самом деле нашел в себе силы поиграть. Сквозь основной, в общем-то прямолинейный рисунок защиты опытный взгляд Ивана разглядел и другой, почти неуловимый, прописанный легчайшими, но четкими штрихами. Лорка теперь показывал, что его спасительный «круг шесть» блеф, обман, вызов, что на самом деле он ждет перевода в «четвертую защиту». И что все это стало прорисовываться потому, что он, Федор Лорка, устал и у него уже нет сил вести бой с прежним вдохновением. И Виктор решил эффектно закончить бой. Двойной перевод — первый обман — и вот он, Лорка, беззащитен! Но в самый-самый последний миг, почти в столкновении, вложившись в это движение целиком, без остатка, Лорка успел-таки взять свою спасительную «шестую». Укол!

Переломившись пополам от нестерпимой боли, Виктор с глухим стоном упал на колени. Зал дружно ахнул и взорвался хором нестройных выкриков, реплик и споров.

— Молодец! — крикнул Иван, размахивая над головой руками.

— Выиграл. А жаль, — задумчиво проговорили сзади.

— Молодец! — снова крикнул Франкетти и, только теперь осознав услышанную фразу, возмущенно обернулся: — Жаль! Это еще почему?

Но рядом никого уже не было.

Выпрямившись, Лорка устало, всей грудью вздохнул, взял шпагу под мышку, смахнул с головы защитный шлем и помог подняться на ноги Хельгу.

— Пусти. Я сам, — сквозь стиснутые зубы выдавил Виктор, но ноги еще не держали его.

— Не дури, — устало сказал Лорка, закинул руку Виктора себе на плечо и отвел его в кресло. Хельг глубоко дышал, понемногу приходя в себя, взгляд его обретал осмысленное выражение.

— Перехитрил, — выдохнул он, мельком взглядывая на Лорку.

— Перехитрил, — согласился тот, — переиграл. Но еще полминуты, и я бы не выстоял.

— Я чувствовал, что ты почти готов, — Виктор перевел дыхание и закончил с сожалением, — вот и заторопился.

— Это был мой единственный шанс, чтобы ты заторопился, — мягко сказал Лорка.

Виктор, уже пришедший в себя, рассеянно улыбнулся. Улыбка получилась напряженной. И это не потому, что у него все еще ныли мышцы и гудели кости после болевого удара. Его тревожило что-то другое, несравненно более глубокое, чем простая физическая боль. Это можно было понять по его пытливому, может быть, даже тревожному взгляду, который то и дело задерживался на Лорке.

— Скажи, Федор, — спросил он вдруг, — а почему все-таки «сотка»?

Лорка усмехнулся.

— Маленькая хитрость. В ситуации, когда обстановка накаляется на все сто процентов, я чувствую себя как рыба в воде. Может быть, — он пожал плечами, — отчасти в этом секрет моих удач?

— Ты решил меня запугать?

Лорка досадливо поморщился.

— Я знал, что тебя не запугаешь. Да и не в моих привычках запугивать. Но ожидание боли сковывает, — он мельком взглянул на Хельга и добавил: — ...почти всех.

— И меня? — быстро спросил Хельг.

— И тебя. Хотя, в общем-то, держался ты молодцом.

— А тебя?

Лорка промолчал и плутовато улыбнулся, щуря свои зеленые кошачьи глаза.

В продолжение этого разговора взгляд Виктора сохранял непонятную непривычную сосредоточенность. Лорка догадывался, что Виктор хочет спросить его о чем-то, скорее всего об экспедиции в космос, о разведке, но ошибся. Хельг спросил его совсем о другом.

— Скажи, Федор, — медленно проговорил он, — это не из-за Альты? Бой на «сотке»?

— Что?

Лорка удивился так откровенно, что Виктор сразу все понял и закусил губу.

— Она тебе ничего не говорила?

— Нет.

— Я тут ухаживал за ней, когда тебя не было. Мы с ней одногодки. Я знаю ее раньше тебя, еще по школе. Это давало мне право.

— Право на ухаживание есть у каждого, — перебил Лорка, успевший взять себя в руки. Заметив, что Виктор собирается сказать что-то, он быстро попросил: — Давай не будем гово-

речь об этом. Ухаживал так ухаживал. Это твое дело. Твое и Альты.

Упрямо хмуря брови, Виктор все-таки хотел сказать что-то, но Лорка повторил решительно и даже угрожающе:

— Прошу тебя, не будем.

Виктор заглянул в его зеленые холодные глаза и понял, что говорить действительно не стоит.

— Да, — заключил он после долгой паузы, — теперь ты меня определенно не возьмешь в напарники.

Лорка ответил не сразу. Видно было, что он не вдруг осознал фразу собеседника, хотя его память хранила ее звучание.

— Верно, Виктор, — проговорил он наконец, — не возьму. Хельг, как это и было в его характере, вспыхнул мгновенно.

— Почему? — спросил он очень воинственно.

— Рано тебе в космос командиром.

— Это мы еще посмотрим — рано или не рано.

— Понимаю, ты можешь обратиться прямо в совет. Но, — лицо Лорки посуровело, — я сделаю все, чтобы завалить твою кандидатуру. И завалю, будь уверен.

Щеки Виктора стали совсем пунцовыми.

— И ты имеешь на это право?

— Имею, — голос Лорки прозвучал теперь по-дружески, — не сердись, ты еще просто зелен для командира.

— А ты не был зелен, когда пошел первый раз командиром? Ты был моложе меня на три года!

— Верно, — с некоторым удивлением подтвердил Лорка, прикидывая в уме возраст Виктора, — даже на три с половиной.

Он вздохнул, точно сожалея об этом.

— Но, видишь ли, разные овощи хороши в разное время.

— Какие овощи?

— Разные, — с ноткой таинственности пояснил Лорка, — огурчик хорош совсем зелененький, дыня бесподобна в стадии полной зрелости, а помидоры я обожаю, когда они уже красные, но еще с прозеленью.

Виктор, накал которого постепенно спадал, не выдержал и засмеялся.

— Стало быть, ты огурчик?

— Был.

— А я дыня?

— Скорее всего помидор.

Хельг потянулся, разминая затекшие мышцы, и, с сомнением глядя на Лорку, протянул:

— Не очень-то меня убеждает эта кулинарная классификация.

— Можно и без кулинарии. — Лорка помолчал и вдруг, не глядя на Виктора, спросил: — Зачем ты собираешься в космос?

Хельг, явно не ожидавший такого вопроса, с детской непосредственностью спросил:

— А ты? Зачем ты летаешь в космос?

Лорка усмехнулся.

— Это у меня в крови — страсть к странствиям и приключениям — от моих дальних и ближних предков: пиратов, мореходов и капитанов космических кораблей.

Хельг упрямо сдвинул темные брови.

— Среди моих предков я не знаю ни пиратов, ни капитанов

космических кораблей. Но страсть, о которой ты говоришь, есть и в моей крови.

— Пожалуй, есть. Но что ее подогревает?

— Разве это так уж важно? Она может гореть и сама по себе.

— Может, — охотно согласился Лорка. — Во всяком случае, со мной так и было. Был я дурак дураком. Отправился в космос только потому, что надо было перебеситься.

— Почему же мне нельзя перебеситься?

— Потому что ты уже перебесился, — спокойно ответил Лорка.

Хельг взглянул на него удивленно и несколько растерянно.

— Да-да, — уверенно подтвердил Лорка, — ты собираешься в космос не просто так, не от одного избытка сил. Ты хочешь славы и бессмертия своего имени в грядущем.

Виктор молча смотрел на Лорку.

— Разве это не правда?

— А если правда, — Виктор проговорил это с видимым трудом, — разве это плохо — слава и бессмертие?

— Если за этим не стоит ничего другого — плохо.

— А что должно стоять? — быстро спросил Хельг.

— Добро, — просто ответил Лорка. — И не только абстрактное добро для человечества в целом. Добро для тех, кто рядом с тобой, кто слабее тебя душой и телом. В космосе иногда только от воли командира зависит, пойдут другие на смерть или нет. И если добро не стоит за его спиной, он может натворить страшные дела. Вот и скажи честно — готов ты быть командиром?

Хельг на секунду поднял глаза на Лорку и угрюмо ответил:

— Не знаю.

— Вот видишь. Командиром быть тебе рано. А вторые роли ты играть не захочешь, да и не сможешь.

— Можно попробовать.

— Попробуй это на земле, — мягко посоветовал Лорка, поднимаясь на ноги.

Виктор придержал его за руку и настойчиво, страстно заговорил:

— А ты? Ты служишь только добру? Оберегаешь слабых и презираешь личную славу?

— Во всяком случае, я стараюсь так делать, — он наклонился, взял свою шпагу на руку, придерживая за гарду, — и потом тут есть одна тайна. Я могу открыть ее тебе, если это останется между нами.

— Ну? — жадно спросил Хельг.

— Впрочем, если и не останется, тебе все равно никто не поверит, — Лорка улыбнулся, — мне не так уж и хочется идти в космос — я ведь уже перебесился. Но надо. Понимаешь? Надо!

6

Игорь Дюк встретил Лорку шумно, со свойственной ему чуть нарочитой непринужденностью, к которой Лорка, впрочем, быстро привыкал и переставал ее замечать. Игорь ничуть не изменился, как и прежде, был строен, гибок, изящен и похож на д'Артань-

яна, каким этот славный мушкетер рисовался в воображении Лорки. Но в его умных ироничных глазах Лорка разглядел легкую грустинку, которой не замечалось раньше. Игорь был чутким человеком и, видимо, догадался, что Лорка обнаружил в нем некие перемены, потому что спросил чуть насмешливо:

— Ну, каков я в новом амплуа — свободного от супружеских обязанностей мужчины?

Лорка легонько тронул его за плечо.

— Хорошо! Таким и полагается быть преуспевающему служителю науки.

Лорка хорошо знал, что в свободное время Игорь Дюк увлекался математикой и философией, отличаясь этим от большинства космонавтов-гиперсветовиков, предпочитавших хобби гуманитарного уклона. К тому же он успел заметить и портативный компьютер, и большой шкаф с микрофильмами, и электронную пишущую машинку — эти неперемменные атрибуты обстановки в квартире человека, занятого научной работой.

— Преуспевающему или нет — сказать пока трудно, но работаю у усердно. А главное — с увлечением!

Когда Лорка убирал с плеча Игоря руку, Дюк неожиданно молниеносным движением перехватил ее и попытался заломить Лорке за спину. Точным рывком, скорее машинально, чем сознательно, Федор высвободился.

— Не балуйся.

— Ах ты, рыжий черт! — с откровенной досадой сказал Игорь.

— Ангел, уважаемый Дюк, ангел. Рыжий ангел — скромно и оригинально, — поправил его Лорка и посочувствовал: — Вес у тебя маловат, милый.

— Маловат, — вздохнул Игорь, завистливо оглядывая могучий торс Федора, и добавил с досадой: — Ты бы хоть расслабился, что ли. Из уважения к хозяину.

— А ты предупреждай заранее.

Усаживая Лорку на диван и устраиваясь напротив него в кресло, Дюк ворчал:

— А все толкуем о равенстве. Я вот два месяца не выходил из спортивного зала, заработал кучу похвал за превосходную координацию движений и ловкость. Умудрился положить чемпиона нашего города. И вдруг является неотесанный дикарь из космических дебрей, который и понятия не имеет о тонкостях самбо, и стряхивает меня, как надоедливую муху.

— Каждому свое, — машинально ответил Лорка.

— Это верно, — охотно поддержал Игорь. — Пить-есть будешь?

Лорка замотал головой.

— Не время.

— Как знаешь. А насчет того, что каждому свое, согласен, думал об этом. Если хочешь, Федор, это главная проблема нашего времени — раскусить, что тебе дано. Понимаешь, раньше человек хватался за что угодно, лишь бы утолить голод, отхватить кусок удовольствий, разбогатеть, добиться власти и славы. Что осталось сейчас от этих стимулов? — Игорь иронично усмехнулся. — Разве что слава?

— Это ради славы ты шелестишь на машинке?

— А что? Если эта капризная особа обратит на меня свой благосклонный взор...

— А если не обратит?

— Ну и черт с ней! Перетерплю как-нибудь.

Они уж несколько раз обменивались пытливыми взглядами. Чуткий Дюк догадался, что Лорка зашел к нему неспроста, и ждал, а Федор все медлил, не решаясь начать.

— Наверное, уже виделся с Эллой? — довольно равнодушно спросил Игорь.

— Пока еще нет.

— Ты знаешь, — открыто глядя на Лорку, Игорь с некоторым недоумением пожал плечами, — я ведь доволен тем, что мы расстались с Эллой. Хотя это ее инициатива, а не моя.

— Доволен? — не поверил Лорка.

— Не пойми меня ложно. Конечно, это меня огорчило, к тому же отчислили из состава экспедиции. Но прошло время, и я понял, что разрыв был не только неизбежен, но и нужен.

— Почему?

Дюк внимательно взглянул на него.

— Экий ты сегодня настырный, все-то тебе нужно знать. Любовь бывает двух сортов, Федор. Одна помогает жить и трудиться, другая мешает. Хотя и та и другая любовь — настоящая, искренняя. — Он помолчал, пожал плечами. — У нас с Эллой была типично та самая любовь, которая мешает. Ты можешь не поверить, но всего за два месяца я сделал, — Дюк кивнул в сторону пишущей машинки, — раза в три больше, чем за предшествующие десять лет, проведенные рядом с Эллой. До работы ли, когда рядом такая женщина? То райское блаженство, то нестерпимый ад, то нежность, то озлобление, то ссора, то примирение, да такое, что весь мир готов бросить к ее ногам.

У Лорки постепенно складывалось мнение, что Игорь говорил не столько для собеседника, сколько для самого себя.

— В космосе я был многогранным человеком с широким кругозором, на Земле Элла заслоняла собой добрые полмира. Меня это не тяготило, мне это было любо, но не хватало времени оглянуться назад, подумать и выбрать дальнейший путь.

Лорка сдержал улыбку. Игорь Дюк играл, играл без нажима, почти незаметно, но играл. Небрежная поза, изящные, чуть ослабленные движения, легкая грусть во взоре, ироническая усмешка на губах — прямо-таки сноб, явившийся сюда из далекого прошлого. Игорь всегда принимался играть какую-нибудь роль, когда начинал откровенничать. Игра служила ему своеобразным щитом против психологических царапин.

— А теперь я осмотрелся, — продолжал Игорь. — Черт побери! Как слабо мы продвинулись вперед в овладении личным счастьем, хотя ради человечества в целом перевернули вверх дном кучу чужих миров.

— А может быть, это хорошо, что не для себя, а для человечества? — поддразнил Лорка.

— Я допускаю, лозунг «Общество прежде всего» был правомерен, когда боролись с эксплуатацией, голодом, расизмом. Но теперь, когда построен коммунизм? Не пора ли всерьез, на

самом высшем научном уровне, заняться каждым отдельным человеком?

Он покосился на Лорку.

— Мне иногда кажется, Федор, что счастливым сейчас стать труднее, чем в каменном веке. Как тогда все было просто! Огонь в очаге, много жирного прожаренного мяса, безопасная пещера и женщина на звериных шкурах, жаждущая твоей ласки. Вот и счастье! А теперь? — Игорь скептически поморщился и махнул рукой.

— Кто спорит с тем, что счастливым сейчас стать труднее, чем в каменном веке, — тихо заметил Лорка.

— Тогда зачем все это? — сурово спросил Дюк, кивая головой на окно, за которым редкими иглами вздымались в небо многокилометровые здания.

И Лорка посмотрел в широкое окно.

— Счастье стало недоступнее, это правда, но оно и выше. Как эти дома выше средневековых хижин.

— Выше еще не значит лучше, — буркнул Игорь.

Лорка, приглядываясь к нему, засмеялся:

— Тебя бы на недельку в каменоломни, в Древний Рим или Египет.

— Ну а если без каменоломен и без рабов?

— Можно и без каменоломни. Коммунизм дает нам социальное и экономическое равенство, а вовсе не личное счастье. Любимая работа, хороший отдых, истинная свобода — разве это не полноценный фундамент для счастья?

— То-то и оно, что фундамент.

— А ты думал, счастье принесут тебе на блюдечке? Кому оно нужно такое, дареное? Настоящее счастье надо выстрадать, милый Дюк.

Игорь вдруг засмеялся.

— Вот уж куда-куда, а в страдальцы я не гожусь. — И с неожиданной пронзительностью добавил: — Ну его к черту, это личное счастье. Скажи мне, рыжий ангел, почему ты смотришь на меня так испытующе? И о чем хочешь спросить, да никак не решаешься?

— Все боюсь потревожить твой душевный покой.

— А ты не бойся.

Лорка внимательно взглянул на него и деловито спросил:

— Перед тем как произошел окончательный разрыв с Элой, — Федор сделал неопределенный жест рукой в воздухе, — с вами ничего необычного не происходило?

Дюк, присматриваясь к Лорке, усмехнулся.

— Не видели ли мы вещей снов и небесных знамений? Не сходила ли на нас божья благодать или, наоборот, не являлся ли к нам Вельзевул с предложением пожертвовать наши грешные души в фонд безработных, голодающих бесов?

Лорка, любовно смотревший на Игоря, мягко попросил:

— Не дури. Необычное запоминается само собой.

— Да нет, ничего необычного, — Игорь пожал плечами, — разве что были накануне в гостях у Теодорыча и пробовали его самодельное вино.

— И как, понравилось? — с любопытством спросил Лорка.

— Так себе. А вот Элке понравилось, она ведь страшная любительница всякой экзотики.

— Это верно, так себе, — проговорил про себя Лорка и поднял глаза на товарища, — ты меня прости, но еще один вопрос на ту же тему. Как у вас все-таки произошел с Эллой разрыв? Ведь обычно бывают не только причины, но и поводы.

Игорь с некоторым удивлением взглянул на Лорку, Федору вовсе не было свойственно копаться в интимной жизни своих друзей и товарищей. Да и вообще такое не было приятно!

— Появился у нее близкий друг, — неохотно сказал он вслух. — Уж есть у них любовь или нет — не знаю, но влияние он на нее имеет большое.

— Любопытно, — пробормотал Лорка.

Игорь Дюк смотрел на него с недоумением.

— Федор, — сказал он просительно, — ну зачем тебе копаться во всем этом?

Лорка мельком взглянул на него.

— Тим погиб, Игорь.

— Что? — шепотом спросил Дюк.

Лорка не удостоил его ответом, так и остался сидеть с опущенной головой.

— Тим? — Дюк неловко поднялся из кресла, оно упало. — Я думал, такие не погибают.

— Погибают.

Игорь поколебался, потом поднял кресло и пнул его ногой.

— Почему не сказал сразу? — спросил он, свирелея.

— Есть причина, — Лорка кивнул на кресло. — Садись. Да садись же и выслушай меня.

Лорка рассказывал не очень связно, а поэтому долго. Искреннее огорчение Дюка заставило его еще раз заново почувствовать всю нелепость и неотвратимость гибели друга. Рассказывая, он понемногу успокаивался и приходил в себя. Дюк, ошарашенный неожиданным известием и поглощенный собой, сначала слушал Лорку вполуха, но потом как-то вдруг он уловил странную и страшноватую логику цепочки несчастий и неудач, преследовавших руководителей кикианской экспедиции.

— Погоди, погоди, — перебил он Лорку, хмуря брови, — ты подозреваешь, что Тима попросту убили?

— Нет, — сказал Лорка, — я не думаю столь прямолинейно. Возможно, его хотели просто вывести из строя, как вывели тебя, Барму, Сомова, и переборщили.

— Кому и на кой черт это могло понадобиться?

Лорка помолчал и теперь уже неторопливо и очень четко рассказал о всех соображениях Соколова. О его консультации с ГКЗ и о том, что компьютер допустил возможность существования тайной организации, противопоставляющей свои интересы интересам человечества в целом. О подростковой автономии и о том, какую странную, жестокую роль могли сыграть эти подростки в период подготовки кикианской экспедиции. Рассказывая, Лорка с неприятным чувством отметил, что импульсивный Дюк как-то уж очень легко забыл о гибели товарища и слушал Федора со все более возрастающим интересом. Он даже поднялся из кресла и принялся ходить по кабинету.

— Соколов почти убедил меня, что все дело в Викторе Хельге

и что ребята, решив восстановить справедливость, наделали непоправимых глупостей. Но оказалось, что все это ерунда и бред собачий.

— Так уж и бред? — несколько рассеянно спросил Игорь, думавший о чем-то своем.

— Бред, — со вздохом, но очень уверенно ответил Лорка. — Конечно, Виктор болен славой, но он чист и честен, он не способен на подлость и фальшь, ручаюсь головой.

— А если Виктор ничего и не подозревает о кознях своих обожателей?

Лорка усмехнулся.

— Маловероятно. Виктор общается со школьниками чуть ли не каждый день, человек он умный и чуткий. Он просто обязан был догадаться о фокусах ребят. Но я проверил и такую возможность — поговорил с юнцами, не в лоб, конечно, а обиняком. Там все чисто, можешь быть уверен. Я ведь тоже в некотором роде ребячий фаворит, мне они врать не станут. Так что, — Федор развел руками, — концепция о тайной организации лопнула с треском.

Игорь Дюк остановился прямо перед Лоркой и, глядя на него, спросил со скрытым вызовом:

— А если с треском да не лопнула, а родилась?

Сразу подобравшись, Лорка остро взглянул на товарища.

— У тебя есть какая-то идея?

— У меня есть десятки и сотни идей, — Игорь снова слегка играл, и в его тоне звучала снисходительность, — но я тебе подарю лишь одну из них, самую красивую и вдохновляющую.

Он подтащил ногой стул и сел напротив Лорки.

— А что, если мы имеем дело со скрытым сопротивлением некой неземной цивилизации?

Лорка, с острым интересом ждавший «красивой и вдохновляющей» идеи товарища, не мог скрыть своего разочарования. Чуткий Игорь, конечно же, сразу заметил это и рассердился.

— Ты что же, не допускаешь возможности контактов с инопланетянами?

— Почему же? У нас бывали встречи.

— Я имею в виду не дальний космос и не чужие планеты, консерватор! Я говорю о контактах прямо здесь, на Земле.

— Что-то вроде визита на чашку чаю? Или явления Христа народу? — флегматично уточнил Лорка. — Думаю, что всемирное бюро информации уведомило бы нас о таком эпохальном событии.

— Нет, мой милый. Я имею в виду контакты односторонние: в виде скрытого сбора информации о землянах или активного, но тайного вмешательства в наши земные дела.

— В принципе возможно и такое, — Лорка не скрывал своего скептицизма. — Но уж очень все это легковесно, как в детском приключенческом фильме. Агенты инопланетной цивилизации на Земле! Под каким соусом и в каком облике, Игорек? Любая подделка под человека, будь то чистый робот, биомех или что-нибудь иное, саморазоблачит себя за несколько часов контакта.

— Это второй вопрос, — нетерпеливо перебил Дюк.

— Допустим. Итак, тайные агенты на Земле, а мы об этом

не подозреваем. И чем же они занимаются? Я бы поверил в их существование, если бы они скопировали записи центрального информатория, взяли на бордаж и угнали бы наш лучший галактический корабль или поставили несколько хитрых экспериментов, чтобы определить характер и цели нашей цивилизации. А инопланетяне, видите ли, не нашли ничего лучшего, как потихоньку, но целеустремленно изводить одного кандидата в командиры кикианской экспедиции за другим. Зачем?

— Очень просто — они хотят сорвать нашу экспедицию на Кикю! Может быть, не сорвать, а просто задержать; кто знает, вдруг у них на Кике собственные интересы? А может быть, они хотят, чтобы экспедицией командовал чем-то удобный для них человек, к которому они успели подобрать некие ключики.

Пожалуй, впервые за время разговора об инопланетянах на лице Лорки вместо скепсиса и иронии появилось выражение серьезного раздумья. Дик немедленно заметил это.

— Хочешь, я объясню, почему тебя так шокирует идея об инопланетном вмешательстве в земные дела? Все дело в боге.

— В боге? В каком боге? — удивился Лорка.

— В самом обыкновенном. В том самом бородатом старике, который, сидя на облаках, за шесть дней сотворил целый мир, а потом время от времени считал нужным совать нос в земные дела, хотя его никто не просил об этом.

— Положим, — возразил Лорка, помимо воли увлекаясь этой интеллектуальной игрой, — до сотворения мира и облаков не было.

— Это детали, — отмахнулся Дюк. — Ты лучше вспомни, сколько тысячелетий человечество было задавлено богами. Богам строили храмы и приносили жертвы, во имя богов отказывались от радостей жизни и сдерживали жажду познаний. В конце концов бога сбросили с его облачного трона, но упрямый старикашка дядя не сразу. Он еще долго, как таракан, прятался по темным щелям познания и исподтишка пакостил человечеству, появляясь в науке в самых непостижимых и несхожих обликах. Наконец полностью восторжествовал материализм, со старикашкой вовсе перестали считаться. Но осталось наследие прошлого! Подсознательная память о былом рабстве духа, инстинктивный страх перед новым порабощением, что-то вроде клаустрофобии, или боязни темноты. И как только заходит речь о возможности вмешательства инопланетян в земные дела или о космическом разуме, мы немедленно встаем на дыбы! Не новые ли это происки хитрого бородатого старикашки?

— Да, — рассеянно сказал Лорка, думая о своем, — в космическом разуме есть что-то от бога.

— И ты туда же, несчастный антропоцентрист! — с досадой сказал Дюк. — Вдумайся, вселенная не имеет ни начала, ни конца, она существует вечно! Миллиард веков миллиард раз возведенный в миллиардную степень — ничтожный миг по сравнению с ней. Ты ощущаешь это?

— Да, — с легкой улыбкой ответил Лорка, — у вечности довольно острый аромат.

Но увлеченный Дюк уже не обращал внимания на шутки.

— Теперь подумай, как мы бесцеремонно обращаемся с этим колоссом. В бесконечной веренице времени мы выбираем кро-

хотную точку — те самые двадцать-тридцать миллиардов лет, в течение которых существует Галактика, звезды, планеты, — и именно этому мгновению приписываем право на разум. Вот ведь какое нахальство и самонадеянность! А жалкий отрезок нашей звездно-галактической эпохи ничем не лучше и не хуже любого другого, до сегодняшнего восхода солнца таких отрезков пролетело бесчисленное множество. Почему мы им отказываем в праве на разум?

— Мы не отказываем, — возразил Лорка.

— Ах, не отказываем, — сейчас же уцепился за эту фразу Дюк. — Но, кроме того, мы должны отдавать себе отчет, что по мере своего развития сообщество разумных постепенно приобретает все большую власть над природой и наконец перестает зависеть от нее совершенно. Такое сообщество приобретает право на неограниченное существование. Разве человечество не живой пример этому?

— Допустим.

— Ловлю тебя на слове. Сколько же таких могучих цивилизаций возникло в ходе вечного существования вселенной? И разве они не должны рано или поздно найти друг друга и объединиться?

Лорка и не думал возражать, он просто спросил с оттенком грусти:

— Почему же мы так одиноки среди звездных дорог?

— Может быть, мы просто не доросли до этого суперобщества разумных. Не принимают же подростков в общество космонавтов или в члены Академии наук. А может быть, — по губам Дюка скользнула легкая усмешка, — наша Галактика — своеобразный заповедник, за которым пристально наблюдают мириады мудрых глаз. Мы же создали на Земле такие заповедники для диких зверей и стараемся как можно меньше вмешиваться в их внутренние дела.

Игорь Дюк тихонько засмеялся, поглядывая на задумчивое лицо товарища.

— Я убежден, Федор, разум вечен, как и сама материя. И наверное, все, что мы видим вокруг себя и близко и далеко, так или иначе связано с ним. А если космическое сообщество разумных существует, оно просто обязано присматривать за человечеством, если не явно, то тайно. Ведь мы мужаем, набираемся сил, все дальше и дальше проникаем в космос. И чем активнее мы становимся, тем жестче должен быть контроль за нами. Резвящийся лыенок — это лыенок, способный лишь на озорство: царяпины на руке хозяина, разбитая ваза, разорванная подушка. Если же расшалится молодой, но уже полный сил лев, можно ждать настоящей беды.

— А факты? Есть у тебя конкретные факты этих тайных или явных контактов с инопланетянами здесь, на Земле?

Игорь снисходительно пояснил:

— Я философ, а не статистик. Я занимаюсь проблемами вселенского масштаба. Что мне маленькая старушка Земля?

— Маленькая старушка Земля, — с оттенком горечи повторил Лорка и суховатым добавил: — Тим погиб именно здесь, на Земле, Игорь.

Секунду помолчав, Дюк грустно и удивленно согласился:

— Да, гиперсветовик Тим Корсаков погиб на Земле, — он вздохнул и виновато пробормотал: — Слаб человек. Тима нет в живых, а я уже забыл об этом. Но что тут поделаешь?

Он несколько театрально склонил свою красивую интеллигентную голову и, постепенно оживляясь, заговорил снова:

— Ты говоришь — факты. А ведь нет ничего глупее факта. Глупо, как факт! Не помню, кто первым сказал это, кажется, Лаплас. Чтобы разглядеть в облачке факта его суть, нужно не только зрение, но и знание. Люди ежедневно видят восход солнца, но прошли долгие тысячелетия, прежде чем они поняли, что это следствие вращения Земли. Так и контакты с инопланетянами — надо острее, глубже глядеть вокруг себя.

Игорь вдруг оборвал свою мысль, присматриваясь к изменившемуся, похолодевшему лицу Лорки.

— Что с тобой, Федор? — участливо спросил он.

— Ничего, — не сразу, но очень спокойно ответил Лорка. Но это была неправда. Слушая Игоря, Лорка вдруг вспомнил свой глупый прыжок в овраг, заполненный туманом. И сломанное дерево-рогатину, направленное острием вверх.

7

Лорка пошел в павильон не только потому, что ему захотелось пить, — просто ему нужно было где-то собраться с мыслями и подумать.

Войдя в обширный полуоткрытый и полный света вестибюль, Лорка отметил любопытную новинку: внутренняя лицевая стена его, обычно занятая картинами, рельефами, скульптурами, вазами и другими предметами чистого и декоративного искусства, изготовленными городскими умельцами, сейчас была превращена в стереоэкспозицию. Это было яркое светозвуковое окно в северный осенний мир, окруживший город: еще зеленые, но уже с прожелтью холмы, серые облака с ярчайшими голубыми пятнами небесных прогалин, сколки деревьев — скромной желтой березы, горящей рябины и хмурых темно-зеленых елей. На переднем плане экспозиции ручей, кустарник, над которым порхали и звенели птицы, кажется, трясогозки или зимородки — Лорка не был силен в орнитологии.

Федор одобрил новинку, одобрил и некоторую искусственность, избыточную красочность пейзажа по сравнению с тем, что было за чертой городского купола. Лорке захотелось узнать фамилии авторов экспозиции, он подошел ближе и невольно поразился реальности этого мира, созданного воображением человека и его умелыми руками. Ручей был рядом — вот он, хотелось сделать еще шага два вперед, нагнуться и опустить руку в студеную прозрачную воду. С березы, кружась и покачиваясь, неторопливо падал лист. Вдоль ручья пробежалась трясогозка, остановилась и покачала хвостиком, кося на Лорку любопытными глазами-бусинками.

А вот фамилий авторов экспозиции, как это нередко случалось, нигде не значилось — они пожелали остаться неизвестными. Только в самом углу экспозиции на высоте груди Лорка обнаружил как бы парящий в воздухе авторский знак — вензель из нескольких затейливо переплетенных букв. Кто знает, поже-

лает ли когда-нибудь раскрыть свое инкогнито коллектив художников и инженеров?!

Во всем остальном павильон сохранил свою типичность: слева — пища земная, справа — духовная. Посредине павильона — скромный, стеклянно звенящий фонтан, вокруг него неширокая полоса шелковистой травы и луговых цветов. В правом холле почти все посетители были в больших темных очках, они сидели в креслах, на диванах, за маленькими столиками, рассчитанными на одного человека, в самых разных позах, которые только может принять человеческое тело в состоянии физического покоя, интеллектуальной сосредоточенности и эмоциональности. Некоторые рассеянно прихлебывали или тянули через соломинку напитки.

Лорка вспомнил хроникальный фильм-очерк о прошлом, который он видел несколько дней назад, и усмехнулся. В этом фильме добрая половина людей была в больших темных очках. Как пояснил, вызвав общее оживление консультант, эти очки прошлого вовсе не были кинозвукоскопировщиками, в стеклах кассеты которых вставлялись материалы хроники, произведения литературы, искусства и научные материалы — все то, что заменило объемистые книги прошлого. Оказывается, тогда очки носили либо те, кто страдал недостатками зрения — медицина еще не додумалась, что их можно исправлять, либо те, кто попросту не хотел щуриться от яркого света, дабы не испортить морщинами гладкое, будто заглянцованное лицо. Эти невыразительные лица тогда почитались эталоном красоты. Будто и не было великих творений Леонардо, Рембрандта, Родена!

Левый холл бы еще просторнее. Вдоль стен тянулись витрины — консерваторы-раздаточные, а само помещение было занято столиками и столами, рассчитанными на одного, двух и больше человек. Блюды и напитки, выставленные в витринах, было предостаточно, чтобы удовлетворить даже капризного гурмана прошлого. Но почти все они, если говорить о мясе, рыбе, дичи и деликатесах, были синтетиками или композитами. Только две большие витрины были заняты натуральными блюдами, но людей возле этих витрин было совсем немного: существовал негласный этический закон, по которому этими блюдами пользовались лишь по предписанию врача и в особых случаях. Например, если у тебя день рождения, годовщина первого выхода в космос или если уж очень захотелось вцепиться зубами в сочный, еще дымящийся, в меру прожаренный бифштекс. Была и еще одна особая витрина, маленькая, — «Натуральные деликатесы». В различных павильонах эти деликатесы были разными: в этом — черная осетровая икра. Мимо этой витрины проходило много народа, но брали редко, больше просто любопытствовали — недаром здесь было много детей с родителями. Эта сдержанность потребления объяснялась и этикой, и тем простым фактом, что рядом, в соседней витрине, было сколько угодно точно такой же синтетикры, отличить которую от натуральной было совершенно невозможно. Прошел мимо деликатесной витрины и Лорка, он, как гиперсветолик, имел моральное право брать все, что вздумается, но никогда этим правом не пользовался. На секунду он все-таки задержался. Как же, икра! А что икра? Слизь, черненькие шарики, а внутри этих шариков

варварски убитые, насмерть замученные в крепком рассоле существа-зародыши, из которых могли бы получиться велико-лепнейшие рыбищи — осетры!

С бутылкой ледяной минеральной воды Лорка шел к свободному столику, когда почувствовал прикосновение к своей руке.
— Федор!

Лорка обернулся и увидел Соколова. Перед ним на столе был ополовиненный бокал томатного сока и тарелка малюсеньких бутербродов с самой разной снедью.

— Здравствуйте, Александр Сергеевич, — Лорка присел рядом.

— На ловца и зверь бежит, — не совсем внятно проговорил Соколов, рот у него был набит, отпил солидный глоток сока и уже членораздельнее пояснил: — Мне как раз надо видеть вас. Есть новости.

Лорка откупорил бутылку и сразу же, чтобы не терять газа, наполнил стакан. Отпил несколько глотков острого морозного напитка и, глядя на веселые пузырьки газа, рвущиеся вверх, сказал:

— У меня тоже есть.

— М-м? Отлично!

У Соколова был благодушный вид, лицо и вовсе порозовело, на лбу выступили бисеринки пота. Больше, чем когда-нибудь, он был сейчас похож на очарованного процессом еды поросеночка. Челюсти у него работали неторопливо, но методично и очень эффективно — бутербродики волшебным образом исчезали с тарелки один за другим. Лорка не успел прикончить бутылку, как с едой было покончено. Соколов вытер салфеткой губы, потом платком лицо и улыбочиво взглянул на Лорку своими голубыми глазами.

— Кто же первый выложит новости? — благодушно полюбопытствовал он.

Эта улыбочивость и благодушие были Лорке не совсем понятны. Соколов знал, что его гипотеза о подростковом вмешательстве в дела взрослых рухнула окончательно и безвозвратно. Они долго обсуждали это по видеофону, Соколов выглядел тогда раздосадованным и огорченным — как и любой одержимый, он был очень откровенен и непосредствен в своих эмоциях. И вдруг такая метаморфоза настроения!

— Могу начать, — вслух сказал Лорка.

— Слушаю.

Слушал Соколов внимательно, он вообще был превосходным слушателем — наверное, без этого качества просто невозможно быть профессиональным экспертом-социологом. Сначала на его лице был написан живой интерес, его сменило недоумение, а потом и растерянность. Вдруг полные, бантиком губы Соколова дрогнули раз, другой, и он захохотал. Захохотал беззвучно, но от всей души, содрогаясь всем своим плотным литым телом, вытирая платком слезы, выступившие в уголках глаз. Лорка хотел было рассердиться, но, вспомнив свою собственную реакцию на предположение Игоря Дюка об иноземном вмешательстве, только усмехнулся.

— Простите, — с трудом выговорил Соколов, постепенно успокаиваясь. — Уж очень это неожиданно и забавно.

— Что вас забавляет? — сухо спросил Лорка.

Соколов заглянул в его похолодевшие глаза и поежился.

— Простите, — теперь уже покаянно повторил он. — Не считайте меня бессердечным. Но я эксперт и порой увлекаюсь делом больше, чем нужно.

«Да, ты профессионал», — с горечью и уважением подумал Лорка, постепенно оттаивая. Видимо, Соколов заметил это. Он помолчал, постукивая короткими сильными пальцами по столу, и уже рассудительно и деловито продолжал:

— Знаете, уж очень мудрена ваша инопланетная версия. Тайные галактические агенты на Земле, а мы не догадываемся об этом! Кто они — невидимки, бесплотные духи? И решают они, вы уж простите, слишком малокалиберные задачи.

Лорка не сдержал улыбки — Соколов говорил ему почти то же самое, что в свое время сам Лорка говорил Игорю Дюку. Соколов же, подавшись вперед, осторожно спросил:

— А что, если во всей этой кикианской истории нет ни мудреной тайны, ни замысловатости, ни происков инопланетной цивилизации, а одна только пошлость и мещанство?

— Не совсем понимаю.

Некоторое время Соколов молча смотрел на Лорку, поджав губки и хитровато щуря голубые глазки. И вдруг сказал:

— Совет рекомендовал вам нового напарника вместо Тимура. Знаете об этом?

— Не знаю, — медленно ответил Лорка. Ему не хотелось показывать, как больно резанул его этот простой вопрос, как бы ставивший точку над гибелью друга. — Кто он?

— Виктор Хельг. Рекомендация мягкая: вы сами должны решить — годится он в помощники и содрузи командира экспедиции или нет. Но рекомендация есть рекомендация.

— Все-таки Виктор, — в глубоком раздумье повторил Лорка и поднял глаза на эксперта. — Наверное, вы решили воскресить подростковый вариант?

Словно защищаясь, Соколов выставил перед собой маленькие сильные ладошки.

— О нет! Ту версию мы похоронили окончательно. Но когда кандидатура Хельга упрямо и уже явно всплыла снова, мне пришла в голову интересная мысль, — маленькие глазки Соколова обрели мечтательное выражение. — Такие таинственные и вместе с тем перспективные, многообещающие планеты, как Кика, открываются раз в столетие, не чаще.

— Ну и что?

Соколов снисходительно улыбнулся.

— А то, что командиру кикианской экспедиции да и его помощнику в случае удачи уготована вечная слава — бессмертие в человеческой истории. Как Христофору Колумбу, Юрию Гагарину, Ростиславу Лодыгину или Ивану Лобову.

— Что из того? — Лорка был само терпение.

Соколов вздохнул. Он посмотрел на космонавта со странным, непривычным для себя выражением — почти любовно и вместе с тем с сожалением.

— Добры вы слишком, Федор, а потому, вы уж простите меня, в чем-то наивны. Будете постарше — почерствеете.

Лорка усмехнулся, а Соколов продолжал:

— Вы же сами говорили, что Виктор Хельг болен славой.

А ведь в этой болезни есть что-то древнее, мещанское. Если настоящий человек ждет славу спокойно, как естественную благодарность других людей, то мещанин этой славы жаждет, активно ее домогается, а уж заслужил он это право или нет — дело десятое. И вдруг такая возможность — Кика! Для мещанина упустить такую возможность — значит стать несчастным, казнить и скрипеть зубами от досады всю остальную жизнь. Он постарается сделать все возможное и невозможное, чтобы хватить капризную фортуна за хвост.

Соколов умолк, ожидая реплики, но и Лорка молчал. Странно, он думал сейчас не о своем друге Тимуре, не о Викторе и даже не об экспедиции на Кику. Он думал о том, что прожил длинную — ему ведь уже сорок, — интересную, богатую приключениями жизнь, а ни разу всерьез не задумался о вечной проблеме мещанства. Конечно, классический махровый мещанин в эпоху коммунизма редчайшее исключение. Но разве иногда и при определенных условиях мещанство не бросает свои блеклые тени на мысли, чаяния и поступки даже очень хороших людей? Мещанство именно тень, которая тайно сопутствует всему истинно великому и забывает о том, что она тень, и ничего больше. Самолюбие и себялюбие, скромность и трусость, мужество и показное геройство, любовь и интрижка, гордость и высокомерие — несть числа этим таким разным внутренне и так иной раз похожим внешне понятиям. Да, рядом с истинными идеалами человека и человечности неизменно следуют их мишурные, яркие, но трухлявые и мерзостные двойники. Подобно тому как с благородным шампиньоном соседствует лжешампиньон — смертельно ядовитая бледная поганка. Удивительно живуча эта ядовитая мишура, даже в коммунизм исхитрились тайно прорасти отдельные корешки мещанства.

— Что же вы мне ответите?

Лорка не сразу оторвался от своих мыслей.

— Я могу только повториться. Да, Виктор Хельг болен славой. Но он прямой, честный парень. Я не думаю, что он способен на двурушничество, а тем более на подлость.

На круглом розовом лице Соколова ясно отразилось недоумение.

— Вот видите, вы не думаете, — пробормотал он, хмуря свои редкие белесые брови. — А есть у вас стопроцентная уверенность?

Лорка иронично полюбопытствовал:

— А вы сами можете быть уверены на сто процентов в том, что касается человеческих взаимоотношений?

— Вот видите, — будто и не слыша Лорки, недовольно повторил Соколов. — И потом вы говорите, что Хельг не способен на подлость. Охотно допускаю, что на прямую подлость такой парень действительно не способен. Но он может быть косвенно к ней причастен.

— Не совсем понимаю.

Соколов вздохнул, в его голосе послышались менторские нотки:

— Вы знаете, что такое протекционизм? Здоровый, принципиальный протекционизм — явление не только неизбежное, но и нужное — например, за вас горой стоит Ревский. Он готов от-

ставать вашу кандидатуру где угодно и перед кем угодно. И это прекрасно!

Соколов передохнул.

— Но есть и двуличный, мещанский протекционизм. Это когда папы, мамы, друзья и близкие готовы лопнуть, но помочь своему протеже, а уж заслуживает он протекции или нет — дело десятое.

Видя, что Лорка собирается возразить, Соколов замотал головой, на его румяном лице отобразилось страдальческое выражение.

— Знаю, знаю! Такие случаи редки, даже исключительны. Но ведь исключительна и цепочка несчастий с кандидатами в экспедицию на Кику! Мы не можем, не имеем права упускать из виду такую возможность. Разве есть, например, гарантия, что некто без ведома Виктора Хельга или при его молчаливом попустительстве не попытается протащить его в экспедицию ради грядущей славы, которой он так жаждет?

— Кто? — устало спросил Лорка. — У Виктора нет ни отца, ни матери, они погибли, когда он был еще мальчишкой.

В голубых глазах Соколова появилось хитроватое выражение.

— А вы знаете, что Виктор очень дружен с Эллой Дюк?

— Что? Да она лет на двадцать его старше!

Соколов сокрушенно вздохнул.

— Бог мой! Элла женщина без возраста, неужели это не понятно?

Это была правда, и Лорка невольно призадумался.

— А почему между вашим другом Игорем и Эллой вдруг произошел разрыв? — вкрадчиво спросил он. — Ведь они по-своему крепко любили друг друга. А если говорить честно, я не встречал женщины умнее Эллы Дюк. Она одна стоит целой тайной организации! И уж если такая женщина поставит себе задачу протащить возлюбленного в экспедицию, никакие препятствия ее не остановят.

— Будет вам фантазировать, — добродушно сказал Лорка.

— Так уж и фантазировать? Вы же любите и знаете мировую литературу и историю, Федор. Вспомните леди Макбет и госпожу Помпадур, вспомните о вековой загадке женской натуры. Да, сейчас этот женский комплекс в полной мере проявляется редко: не та жизнь, нет стимулов и экстремальных обстоятельств. Но в определенных условиях этот бесовский синдром может и нынче вспыхнуть со страшной силой.

Лорка смотрел на эксперта с некоторым удивлением, он еще не видел его таким. Наверное, Соколов почувствовал его взгляд, а потому без паузы перешел на деловой тон:

— Пусть это звучит напыщенно, но мы с вами, Федор, стоим на страже устоев коммунистической морали. Мы должны быть бдительны, дотошны, а если нужно — беспощадны.

— А равно умны и деликатны, — философски добавил Лорка.

— Это само собой разумеется, — отмахнулся Соколов. — Вам нужно обязательно встретиться с Эллой Дюк, на вас вся надежда, Федор. Я, грешный, пробовал говорить с ней, но вся моя дипломатия разбилась о нее как о скалу.

Он мельком взглянул на Лорку и медленно поднялся на ноги.

— У меня есть для вас еще одна новость. Я расскажу по пути.

По широкой пологой лестнице они спустились к эскалатору, и здесь, под старой липой, Соколов приостановился.

— Тело Тимура найдено, Федор, — сказал он, не глядя на Лорку.

Федор молчал, хмурия брови. Соколов мельком взглянул на него, вздохнул и вдруг, хлопнув себя по бедру, убежденно проговорил:

— И что-то тут не то!

Лорка мгновенно насторожился.

— Вы о чем?

— Я о Тимуре. Что-то они темнят.

— Кто они?

Под холодным, «тигриным» взглядом Лорки Соколов пожегся.

— Врачи. Чего-то они недоговаривают.

— Что они могут недоговаривать?

— Откуда я могу знать? — вдруг рассердился Соколов. — Но недоговаривают, это точно. Я, знаете, очень чуток на фальшь, на полуправду, на умолчание.

Он взглянул на Лорку и хитренько улыбнулся.

— Вот и вы что-то недоговариваете, верно?

Лорка припомнил терпковатое вино Ревского, свой глупый прыжок в овраг, древо-рогатину, с любопытством заглянул в простодушные голубые глазки Соколова.

— Да неужели?

— Представьте себе. Таите что-то, убежден. Голову готов положить на плаху, как говаривали в старину.

— Таить можно не только плохое, — мягко заметил Лорка.

— Верно! Но почему бы вам не поделиться со мной — хорошим или плохим — какая разница? — Соколов говорил просительно, даже заискивающе. — Любая тайна — тяжесть на душе. Откройте, и легче будет.

— Экий вы дипломат, Александр Сергеевич.

Соколов грустно взглянул на него.

— Уж какой я дипломат, — он достал большой платок и аккуратно вытер лицо и шею, — эксперт. Да еще профессиональный.

8

Сначала Лорка хотел договориться о встрече с Эллой зараннее, но, хорошенько подумав, отказался от этой мысли. Конечно же, Элла начнет гадать, зачем Федору понадобилась эта встреча, выберет для себя определенную роль и будет ее разыгрывать с таким увлечением и искренностью, что разобраться, где правда, а где вымысел, будет совершенно невозможно.

А «случайно» встретиться с Эллой было совсем нетрудно. Она жестко выдерживала трудовую дисциплину, заканчивая свой рабочий день в один и тот же час. И все-таки встреча едва не сорвалась. Хотя Лорка заблаговременно подошел к институту энергопроблем, его отвлек разговором знакомый, и Федор заметил Эллу в самый последний момент, когда она уже скрыва-

лась за поворотом аллеи. Но узнал ее Лорка сразу: тонкая точеная фигура, туго обтянутая мягкой тканью, небольшая голова, гордо посаженная на длинную шею, легкая походка, которую вовсе не портила едва уловимая нарочитость движений бедер и кистей рук. Походка у Эллы, как и многое другое, была глубоко продумана, многократно примерена и тщательно отрепетирована.

Лорка извинился перед знакомым, прибавил шагу, легко догнал ее и, поравнявшись, сказал приветливо:

— Здравствуй, Элла.

— Лорка! — она привычно, ослепительно улыбнулась. — Рада тебя видеть.

Наверное, она и правда была рада встретить его. Их связывали добрые отношения, что было совершенно естественно, ведь речь шла об отношениях с женой товарища по космической работе.

У Эллы были нежные, но определенные, будто выгравированные черты лица, большие удлинненные глаза, тонкие брови. В пышных вьющихся каштановых волосах — крупный изумруд, привезенный со Стикса, — подарок Игоря. Лорка невольно задержал на нем взгляд. Элла сразу заметила это и погрузилась.

— Вот так, Федор, — сказала она философски-меланхолично своим хорошо поставленным голосом. И легко коснулась густозеленого камня кончиками длинных пальцев. Как и все движения Эллы, это движение рукой было закончено, изящно и чуточку нарочито.

Лорка подумал, что если он сейчас заговорит об Игоре, то скорее всего Элла продолжит развивать философско-меланхолическую линию, ей нравилась эта роль — об этом красноречиво говорил зеленый камень, и откровенности не получится. Поэтому он отложил разговор и попросил:

— Можно я провожу тебя?

Почти не поворачивая головы, она провела по нему взглядом.

— Проводи.

— Может быть, перекусим?

— Что ты! На кого я стану похожа, если буду трапезничать по пять раз в день? Если не возражаешь, давай просто посидим.

— А почему я должен возражать? — Лорка оглянулся в поисках скамьи, но Элла, притронувшись к его руке, предложила:

— Спустимся к озеру, там прохладнее.

Этот парк, прилегающий к институту, был, конечно же, хорошо знаком Элле. Она свернула с аллеи, пересекла ленту эскалатора и вывела Лорку на крутую тропу, выбитую прямо в земле. Федор галантно предложил ей руку, но Элла шлепнула по его широкой ладони и легко сбежала вниз. Она бежала то прямо, то левым боком, то правым, удерживая равновесие раскинутыми в стороны руками, это был даже не бег, а непринужденный танец-импровизация.

В черную прозрачную воду озера грустно смотрелись старые-престарые желтеющие ветлы. На воде застыли увядшие листья и лебеди, белизна которых по контрасту с водой казалась до оскомины режущей. Двигалось, устало плыло куда-то лишь отраженное, а поэтому тусклое, стертное небо.

— Садись, — сказала Элла, взглядом показывая на место рядом с собой на скамье. И спросила: — Нравится?

— Жуть! Вот только замка не хватает. И чтоб в окошке юная дева с распущенными волосами.

— Верно, замок был бы к месту, — равнодушно сказала Элла. — Банально. Но ведь и в банальности есть своя красота.

Лорка ничего не ответил, только усмехнулся, может быть, поэтому в тоне Эллы появились сердитые нотки.

— Все канонизированное банально. Банальны египетские пирамиды, Исаакиевский собор, роденовский мыслитель, улыбка Джоконды и Дворец Труда. Привыкнуть можно к чему угодно.

Лорка слушал ее не без интереса, Элла была в чем-то права.

Наверное, Элла уловила перемену его настроения, потому что покосилась на него уже с улыбкой.

— Вот я банально красива, а разве это плохо?

— Да, — рассудительно согласился Лорка, — но ты ведь не египетская пирамида. И даже не статуя.

Элла рассмеялась и деловито спросила:

— Ты уже виделся с Игорем?

— Виделся, — коротко ответил Лорка, выдерживая ее испытующий взгляд.

Элла была человеком без возраста. Сколько знал ее Лорка, она всегда выглядела одинаково: ослепительно, холодновато и молодо, но за этой молодостью опытный взгляд безошибочно угадывал и прожитые годы, и дисциплинированный недюжин-

ный интеллект. Элла была талантливым физиком, вела отдел в институте энергетических проблем, а в свободное время увлеклась ваянием, художественной гимнастикой и танцами. У них с Игорем была шестнадцатилетняя дочь. Воспитывалась она в интернате, но дни отдыха регулярно проводила в семье. Дочь обожала свою мать, на которую была очень похожа, а к отцу относилась со снисходительным дружелюбием.

— Осуждаешь меня?

— Почему тебя? Вас обоих.

Элла ответила ему привычно ослепительной, но все-таки благодарной улыбкой. И деловито сообщила:

— Это было неизбежно, Федор. На одной любви далеко не укачешься.

Видя, что Лорка не понял ее, она пояснила:

— Знаешь, что такое жизнь? Болото, где по трясине раскинуты более или менее надежные кочки. Проехать можно или галопом, напролом, или шагом, хорошенько выбирая дорогу. А стоит перейти на рысь, как непременно увязнешь и выпачкаешься в грязи.

Она пожалала плечами удивленно, без сожаления.

— Мы ведь никогда не были с Игорьком друзьями. У него своя жизнь, у меня своя, у него космос, у меня Земля; у меня одни идеалы, у него другие. Мы были любовниками, Федор. Искренними и пылкими любовниками, но не единомышленниками. Когда мы неслись вскачь и в ушах свистел ветер, все было хорошо. Но стоило сбавить ход, как мы начинали тонуть в трясине будней.

Элла говорила искренне, мало того — искренне ведь и лгут — она говорила сущую и горькую правду, хотя в ее голосе не было и намека на горечь, разве что самая легкая ирония. Она ухитрилась прожить с Игорем семнадцать лет, но это были годы длинных разлук и коротких встреч-праздников, когда жизнь у них действительно неслась вскачь.

И стоило очередной такой встрече затянуться, как начинались, казалось бы, необъяснимые ссоры: из-за того, что пить утром — чай или кофе, куда идти — на стадион или в цирк, с кем танцевать и с кем и как разговаривать. Об этих ссорах знали все их друзья, у всех они вызывали лишь улыбку: милые бранятся — только тешатся.

— Кто же мешал вам стать друзьями, единомышленниками? — подумал вслух Лорка.

— Мы сами. В дружбе всегда кто-то уступает, а мы оба гордецы.

— А если уступают оба?

Элла взглянула на него с сожалением.

— Ты все-таки немножко рыба, Федор. Большая, ловкая, но хладнокровная рыба.

— А может быть, я просто человек?

Элла холодно взглянула на него.

— Ты хочешь сказать, что я не совсем человек? Не извиняйся, бога ради, ты сказал мне комплимент. Да, я не просто человек, я женщина. Женщина с большой буквы, потому что женского во мне больше, чем абстрактно-человеческого.

Может быть, ее все-таки обидела реплика Лорки или тема

разговора волновала, но щеки Эллы порозовели, глаза заблестели, она стала чудо как хороша.

— Вот этого-то не хотел или не мог понять Игорь! Он все время пытался вести себя со мной как с напарником в ходовой рубке или с коллегой по эксперименту. А я женщина! Я люблю поклонение, ухаживание, рыцарство во всех его формах. Я люблю вертеться перед зеркалом и украшать себя, обожаю кокетничать. Мне забавно и приятно видеть, как по моей прихоти из полубога, воспарившего к звездам познания, вдруг выглядит обычный нетерпеливый мужчина.

Она и теперь говорила правду, но не всю правду. Элла любила не только пококетничать, ее увлечения были много глубже, впрочем, верней было говорить не о глубине, а о бурности. Некий зрелый, но невротический мужчина, один из немногих ваятелей-профессионалов, пытался покончить из-за нее жизнь самоубийством, хотя, судя по всему, делалось это театрально, дабы произвести впечатление на ветреную красавицу. А один юноша явился к Игорю для мужского разговора — он был твердо убежден, что Элла искренне любит его и что ее удерживает возле Игоря лишь чувство долга. Юноша полагал, что Эллы не было дома, но жестоко ошибся. Элла была и, конечно же, не преминула полюбопытствовать, о чем идет разговор. Юноша был изгнан с превеликим позором, Элла даже не удостоила его пощечины, удовольствовавшись подзатыльником. Лорка застал самый финал этой истории. Он пришел, когда Игорь еще помирал в кресле от смеха, а Элла расхаживала по комнате, разгоряченная, злая и, судя по всему, счастливая.

Игорь вообще очень легко относился к увлечениям своей жены. Лорка догадывался о причинах этой снисходительности, он и сам не терял уважения к Элле по той же самой причине. Элла позволяла себе увлекаться другими только тогда, когда Игоря не было на Земле. Стоило его ноге коснуться матушки-планеты, как для Эллы оставался на всем свете один-единственный мужчина — Игорь. Если она и кокетничала с кем-нибудь в это время, то просто по привычке или чаще всего, чтобы позлить Игоря. И за это, за своеобразную, небезжертвенную верность, Лорка охотно прощал Элле тысячи других грехов. С улыбкой глядя на нее, он искренне сказал:

— Никак не могу понять, как ты управляешься со своим делом в институте.

Она поскущела.

— На работе я не женщина, а человек. Тот самый абстрактный человек, который так мил твоему сердцу. Мне стоило немало сил и нервов убедить в этом своих научных коллег, но я убедила.

Лорку поразило, как изменилось ее лицо за те немногие секунды, в которые она произнесла эту фразу. Оно осталось тем же самым холодно-красивым лицом с тонкими, гравированными чертами, но стало суше, законченнее, будто его осветило резким боковым светом. Но в то же время оно стало человечнее, добрее; слегка прищурились глаза, и поэтому на атласной холерной коже в самых уголках глаз появились легкие морщины.

— Почему бы тебе не послать эту надоевшую работу к черту? — вдруг сказал Лорка совсем не то, что ему хотелось. А ему

хотелось сказать, что, если бы Элла тратила меньше сил и нервов на работе, она бы отлично ладила с Игорем и вообще была бы счастливее.

Она провела по нему взглядом.

— Надоевшую? — брови ее хотели нахмуриться, но сработал самоконтроль, и лоб снова стал чистым, атласным лбом.

— Если я и уважаю что-нибудь по-настоящему в этом мире, так это труд, — голос ее звучал сухо, без следов эмоций. — Если у меня отнять мою работу, я стану настоящей стервой, Федор.

Она вздохнула.

— Труд создал человека, труд и позволяет оставаться ему человеком. — Она покосилась на молчавшего Лорку и спросила: — Разве это не так?

Лорка подобрал плоский камешек и швырнул в темную воду. Оставляя после себя пухнувшие блинчики, камешек весело поскакал по озерной глади. Удивленно кувыркнулись и растеклись на пятна отраженные облака. Лебедь расправил и несколько раз лениво взмахнул крыльями, отчего стал похож сразу и на скалочную, диковинную лодку, и на неуклюжий самолет.

— Может быть, и так, — нехотя согласился он, — только уж больно все это скучно.

У него и правда было скучное лицо, даже озорная зелень в глазах точно выцвела, завяла. Элла легонько прикоснулась к его руке кончиками пальцев.

— Что с тобой, Федор?

Он пожал плечами.

— Так, легкий приступ меланхолии.

Элла тихонько засмеялась.

— Лорка и меланхолия! Это что-то новое.

Судя по всему, она была и удивлена и довольна тем, что Лорка может пребывать в таком состоянии.

— Меланхолия — сестра разума, — Лорка поднял глаза на Эллу и серьезно спросил: — Ты когда-нибудь видела меланхолических зверей, Элла?

Она подумала и ответила:

— Видела.

— В зоопарке, — уверенно уточнил Лорка, — а если на воле, то это были больные или ущербные звери. Свободные здоровые звери — существа жизнерадостные и веселые. Для них жизнь — это игра. Они играют, ухаживая друг за другом в пору любви, играют, скрадывая добычу, играют, удирая от врага.

— Хм!

— А ты вспомни, как танцуют влюбленные журавли, как кошки играют с пойманной мышью и с каким азартом под самым носом сытого льва танцуют зебры и антилопы.

Элла не без труда разглядела в глубине Лоркиных глаз лукавинку и покачала головой.

— Ничего-то для тебя нет святого! — но в тоне ее слышалось не осуждение, а интерес.

— Да, — упрямо повторил Лорка, — звери — счастливые существа. А вот неуклюжий предок человека, неудачник-меланхолик, которому недоставало ловкости жить на деревьях, в минуту озарения изобрел труд, отделив его от игры.

— Тот самый труд, который создал человека, — проговорила она.

— Верно. Но он отделил человека от природы, лишил его первозданного счастья бытия. А ты подумай, с каким наслаждением со всеми тайниками своей многогранной души человек окунается в природу: в морские волны, степное разноцветье или любовную игру!

Элла будто вновь разглядывала литые мышцы Лорки, его сурмачное лицо и лукавые глаза. Но ее дисциплинированный интеллект между тем работал холодно и логично.

— Да, Федор, слияние с природой — это счастье. Но ведь мы не журавли, не кошки и не зебры, нам этого мало. У нас есть и другое счастье, — глаза Эллы похолодели, а голова гордо вскинулась, — власть над природой! Разгадка самых зачатых ее тайн, движение в ширь и в глубь вселенной.

— Да, труд вознес человека так высоко, что кружится голова, — Лорка пылливо взглянул на женщину, сидевшую рядом с ним, — но сделал ли он его счастливым?

— Разве сам труд не счастье? — быстро спросила она.

— В дальнем пути саму дорогу не так уж трудно принять за цель путешествия.

— Значит, долой труд и да здравствует природа? Голый, счастливый человек на первозданной земле? — Элла вдруг засмеялась. — В принципе я не прочь попробовать. Боюсь только, что быстро надоест.

— Я хаю не всякий труд, Элла, а тяжкий труд.

— А если он служит великой цели?

— Цель у нас одна — сам человек, все остальное — от лукавого. А тяжкий труд, какой бы великой цели он ни служил, деревенит человеческое тело, сковывает разум, а самое худшее — сушит душу. И этому нет оправдания.

Разглядывая вдруг помрачневшее лицо Лорки, Элла с неожиданным, но так понятным для женщины ее склада прозрением поняла наконец ход его мыслей.

— Ты мечтаешь о том, чтобы превратить труд в увлекательную игру? Это было бы прекрасно! Иногда труд и игра похожи, как близнецы, но, по существу, их всегда разделяет бездонная пропасть.

— Все-таки, — с мягкой убежденностью возразил Лорка, — эта пропасть иногда исчезает. Тогда труд и игра сливаются вместе, образуя гармоничное целое. Тогда говорят об озарении, о звездных часах бытия, о постижении тайн мироздания не только разумом, но и каждой клеточкой тела. Труд — наслаждение, труд — радость, а не просто привычка или потребность...

Наступила минута молчания. Заходящее солнце, прорвавшись сквозь поредевшую листву старой ветлы, брызнуло в лицо Эллы горстью света.

— Никогда не думала, что у нас получится такой разговор, Федор.

— И я не думал, — откровенно признался Лорка, возвращаясь к действительности. — Скажи, Элла, ты веришь, что я, может быть, и не очень близкий, но все-таки настоящий друг тебе и Игорю?

— Игорю да, — Элла привычно и холодно улыбнулась. —

Хотя бы потому, что ты один из немногих, кто видел во мне прежде всего человека, а не женщину, за которой любопытно поухаживать.

— Тогда скажи, почему у вас произошел разрыв? — Лорка заметил, что она начинает раздражаться, и поторопился добавить: — Я понимаю, дело это сложное, интимное...

— Вот именно, интимное, — перебила его Элла, — и мне не совсем понятно, почему им интересуется так много посторонних людей.

Она разглядывала Лорку, почти не поворачивая головы, лишь скосив глаза и чуть приподняв брови не удивленно, а снисходительно и, может быть, брезгливо. Лорка вдруг и очень ясно понял, что никакие дипломатические хитрости с такой женщиной, как Элла, не помогут. Стоит ей почувствовать неискренность, даже недоговоренность, а Элла, безусловно, уже почувствовала это, как она замкнется и откроет лишь тот минимум, к которому обязывает ее простая вежливость и старая дружба, не больше. Если он, Лорка, хочет узнать ее настоящие, истинные мысли, помочь ему может только откровенность. Лорка провел ладонью по лицу и сказал негромко, без всякой эффектации:

— Тим погиб, Элла.

— Тим? — не поверила она.

Лорка скупо рассказал ей о том, что случилось с Тимуром. Лицо Эллы постепенно мягчело, на нем отразилось раздумье и печаль.

— Тим погиб, — спокойно повторила она, но это было не равнодушие, а сдержанность человека сильной воли. — Какая нелепость! Прими мое сочувствие, Федор.

Лорка помолчал, а когда хотел заговорить, перехватил взгляд Эллы, это был необычный, несвойственный ей взгляд — в нем было нечто материнское. И Лорка сжал челюсти, снова опуская голову. Он не рисовался, ему вообще были чужды поза и рисовка, он и правда никак не мог привыкнуть к тому, что его друга Тима нет в живых.

— Хуже всего, — проговорил Лорка после долгой паузы, — может быть, это не простая смерть, а убийство.

По лицу Эллы пробежала тень изумления.

— Это несерьезно, Федор.

— Это серьезно, — возразил он упрямо и рассказал Элле все от начала до конца, он умолчал только о своем дурацком прыжке в овраг. Элла почти не перебивала его, она умела слушать, когда считала это нужным.

— Я помню Соколова, — сказала она с ноткой насмешки, — такой розовый поросенок, который, набив желудок, пришел в бодрое настроение и задумался над тайнами мироздания.

— Соколов хороший, принципиальный человек, — Лорка улыбнулся, — разве что несколько фанатичен, чрезмерно углублен в свою профессию.

— Фанатизм — это всегда плохо, — Элла холодно и ослепительно улыбнулась, как бы подводя итог предшествовавшему разговору и начиная новый. — Итак, многоуважаемый эксперт-социолог решил, что, влюбившись в красавца Хельга, Элла Дюк

потеряла голову и решила огнем и мечом проложить ему путь к славе. — Элла помолчала и вдруг резко спросила: — Ты знаешь, что я довольно стара?

— Не знаю, — не совсем искренне ответил Лорка.

— Но догадываешься, — спокойно закончила она за него, — я почти на десять лет старше Игоря, Федор. Еще несколько лет, и я начну стремительно увядать. Я уже не смогу быть для него возлюбленной, к ногам которой готовы бросить весь мир. А я женщина, Федор, прежде всего женщина, другая роль меня не устраивает. Я не хочу ни жалости, ни восхваляемой тобой дружбы взамен любви. Я хочу, чтобы по мне сошли и сходили с ума. И наплевать, что они, эти сохнувшие, старше и хуже Игоря.

Она помолчала и повторила насмешливо:

— Старше Игоря. А Виктор Хедьг моложе его на добрый десяток лет. Тебе интересно, кто он, мой старый друг?

— Для дела интересно.

— Ты его прекрасно знаешь. Известнейший психиатр и психолог, референт и эксперт совета космонавтики, член медкомиссии по отбору космонавтов Сорокин Герман Петрович. Кстати, родной дядя Виктора Хельга.

Пока Лорка переваривал услышанное, Элла продолжала:

— Вот кто любит меня покорно и беззаветно. Пожелай я, — в голосе Эллы послышалась усмешка, — и Герман не только сорвал бы экспедицию на Кику, но и вообще разрушил бы космодром вместе с корабельными эллингами. Но мне незачем желать этого, милый Лорка.

Элла тихонько засмеялась.

— Кстати, Герман горячий сторонник участия Виктора Хельга в кикианской экспедиции. И не только потому, что уверен в его превосходных качествах. Он готов сплавить его куда угодно, потому что ужасно ревнует ко мне. Я ведь отчаянно флиртую с Виктором, — Элла легонько потянулась плечами и грудью, — мне любопытно проверить, не угасли ли мои чары, а попутно позлить Германа и Игоря.

Она встретила холодный взгляд Лорки и ослепительно улыбнулась.

— Я тебе не нравлюсь?

— Не нравишься, — откровенно сказал Лорка, отвел взгляд и добавил грустно: — Зачем тебе все это? С твоим-то умом и красотой! Родиться бы тебе лет на полтысячи позже.

— А почему не на полтысячи раньше? Красивым да умным женщинам всегда жилось хорошо, даже в самые мрачные периоды человеческой истории. Всегда они были своеобразны и капризны, такими сны и останутся на веки вечные.

— Стоит ли тогда жадать будущего? — философски заметил Лорка, настраиваясь на шуточный лад.

— Рядом с мной? Конечно, не стоит, — в том же тоне ответила Элла.

Вот тут-то, во время шуточной близости и понимания, Лорка и решил задать свой главный вопрос:

— Скажи, Элла, как вы порвали с Игорем? Ведь бывают не только причины, но и поводы. Предшествовало этому что-нибудь необычное? Поверь, это не праздное любопытство.

Ясные глаза женщины испытующе смотрели на него.

— А что же это?

— Я объясню потом, обещаю. А пока поверь мне на слово. Элла отвела взгляд.

— Хорошо, поверю, — она на секунду задумалась, — говоришь, необычное? Накануне мы были у Ревского, очень мило провели время, пили превосходное вино.

— А еще, непосредственно перед ссорой? — допытывался Лорка.

— Никакой ссоры не было, просто я вдруг отчетливо понял всю бессмысленность нашей дальнейшей жизни и очень логично, убедительно растолковала это Игорю.

Она вдруг нахмурила брови, припоминая что-то.

— А перед этим меня укусила в шею муха, а может быть, пчела или оса, в общем, что-то крылатое. Было не так уж больно, но образовалась припухлость. Разглядывая ее в зеркало, я злилась на муху, на себя, на весь мир. Тут на меня и снизошла ясность мысли. Это ведь довольно необычно, правда?

— Правда, — подтвердил Лорка, не поднимая глаз.

Он был уверен, что на вершине оврага пчелы или осы его не кусали. А вот мухи и комары? Он никогда не обращал внимания на такие пустяки, особенно в те минуты, когда рядом с ним была Альта.

Ночью над побережьем пронесся шквал с сильнейшим ливнем. Садовые дорожки усыпали сорванные листья, веточки, разноцветные лепестки роз. Дождь не унимался, но он уже не буйствовал, не лил, как из ведра, сеял и сеял с флегматичной настойчивостью.

Оглядывая поутру растрепанный сад, Лорка с удовольствием потягивал обжигающий губы черный кофе.

— Разбой и беспорядок, — благодушно проговорил он.

— Беспорядок, — со вздохом согласился Ревский, сидевший на открытой террасе своего дома напротив дома Лорки, и вдруг спохватился: — Ты о чем?

Лорка с улыбкой взглянул на старшего товарища.

— Я о саде.

— А я о вине, — буркнул Ревский.

Сразу после разговора с Игорем Дюком Лорка встретился с Ревским и выяснил, что в общем-то все кандидаты в командиры кикианской экспедиции побывали у него в саду и всех он почел нужным своим знаменитым вином, завоевавшим гран-при. Лорка откровенно поделился с Ревским своими сомнениями, не забыв красочно расписать приключения в овраге, — уж кому-кому, а Теодорычу он доверял безусловно и до конца. Ревский посмеялся над его подозрительностью, но пообещал произвести самый тщательный биохимический анализ своего призового напитка. Результат оказался неожиданным во всех отношениях. В вине обнаружили сложное органическое соединение, родственное рибонуклеиновым кислотам. Главный компьютер установил: вещество неизвестно науке, и занес его в каталог под названием Н-РНК, приписав его открытие Ивану Теодоровичу Ревскому.

— Вот ты и прославил свое имя не только в космонавтике, но и в биохимии, — сказал по этому поводу Лорка с нарочитой серьезностью.

Ревский зыркнул на него:

— Нужна мне эта честь!

Ревский развил бурную деятельность. В результате сотен контрольных опытов установили, что Н-РНК присутствует только и исключительно в том самом вине, которое завоевало гран-при и которым гостеприимный Ревский так усердно потчевал своих гостей-космонавтов. Длинная серия других контрольных опытов позволила выяснить, что Н-РНК в тех дозах, в которых она присутствует в вине, оказывает на психику человека лишь слабо выраженное наркотическое, нейростимулирующее действие, сходное с воздействием экстрактов коки. Вызвать какие-либо реакции, опасные для человека в физиологическом или психологическом плане, Н-РНК не в состоянии, если даже увеличить дозы его приема десятикратно. Этот успокаивающий вывод несколько портила маленькая приписка, уведомлявшая о том, что воздействие Н-РНК на человеческий организм тонко, многопланово и что исследования еще продолжают.

— Перестраховщики, — ворчал Ревский, — надо же так написать — «мно-го-пла-но-во»! Это значит ничего не сказать.

— Но они едят и другое — «тонко», — успокаивал его Лорка.

Лорка шутил потому, что таковы вековые традиции космонавтов, шутил потому, что не знал, как иначе успокоить Ревского, разрядить его напряжение. Всю свою жизнь Теодорыч отдал дальним полетам в космос и воспитанию молодежи. Мысль о том, что он собственными руками мог нанести хоть самый малый вред своим питомцам, жгла его и приводила в неистовство. Внешне, правда, кроме брюзжания по поводу и без повода, это никак не выражалось, Ревский оставался обычным скульптурным Ревским, точно вырубленным из сухого дерева. Но Лорку обмануть трудно, и он, докапываясь до истины, попутно старался сыграть роль своеобразного амортизатора.

Каким образом Н-РНК оказалась в вине, выяснить не удалось, точнее, таких путей было несколько, и ни одному из них не было оснований отдать предпочтение. Рибонуклеид мог попасть в вино совершенно естественно, вместе с виноградным соком. Правда, анализ этого сорта винограда не выявил в составе ягод ничего похожего на Н-РНК, но это ничего не значило: вино было семилетней выдержки. Оно хранилось открыто, и если кому-нибудь — злоумышленнику или шутнику, землянину или инопланетянину — вздумалось бы туда что-нибудь подсыпать или подлить, он мог сделать это без малейших затруднений. Кроме того, для улучшения букета Ревский добавлял в вино некоторые посторонние ингредиенты: мед и тонкие пряности. Он даже и сам не смог бы дать их полный перечень, делал смесь на вкус, по наитию.

— Теодорыч, — просительно проговорил Лорка, бережно ставя на стол чашку из нежнейшего фарфора, — давай на время забудем об этом проклятом рибонуклеиде и решим, что же все-таки предпринять дальше?

— Нечего и думать, — без паузы ворчливо ответил Ревский. — Надо встретиться с Германом и прощупать его по всем правилам космической психологии.

Лорка вздохнул.

— Легко сказать. Сорокин не Игорь Дюк и не Виктор Хельг.

— У тебя есть какая-то альтернатива моему предложению? — сухо спросил Ревский.

— А вдруг вся эта цепочка несчастий, вплоть до Тима и меня, — все-таки случайность? Случайность, и ничего больше?

— А если не случайность? Что тогда? Сидеть и ждать заклания очередного агнца?

— То есть меня, — заметил Лорка.

Ревский бросил на него быстрый взгляд, мотнул головой и сухо усмехнулся — уж очень Лорка не походил на беззащитного агнца.

— Почему же обязательно тебя, — медленно проговорил он, сцепляя пальцы сухих сильных рук. — Удар может обрушиться и на тех, кто тебе особенно дорог.

Лорка взглянул на старого космонавта с молчаливым вопросом.

— А ты вспомни, как вывели из строя Игоря. — Ревский помолчал и уже совсем сердито спросил: — Сможешь ты пойти в космос, если с Альтой что-нибудь случится?

— С Альтой? — раздельно переспросил Лорка, пристально глядя на старого космонавта.

— Да, с Альтой, — подтвердил Ревский.

(Окончание в следующем выпуске)

ПЕРЕД ДАЛЬНОЙ ДОРОГОЙ

Фантастический роман

Когда Ревский заговорил об Альте, его, Федора, жене, Лорка отвел взгляд от старого космонавта, лицо его по-мрачнело.

Настырный дождь там и сям налил в саду большие лужи. Вода в них под каплями дрожала и рождала веселые пузыри, чем-то похожие на огромные лягушачьи глаза.

— Я как-то не думал об этом, — наконец невесело признался Лорка.

— То-то... Слишком мы стали благодушны и беспечны, избаловались. Как же, цари и господа всяя вселенной!

Уже хмуро он продолжал:

— Игорь прав. Чужой, могучий разум может пристально следить за нами и даже, по возможности незаметно, вмешиваться в наши дела. Конечно, необязательно такое вмешательство должно быть враждебным. Во всяком случае, встречи с сапиенсами на других планетах чаще всего проходили дружелюбно.

— Верно, — согласился Лорка и добавил сухо: — Но гиперсветовик Тимур Корсаков погиб не в космосе, а на Земле.

— Да, конечно, — задумчиво подтвердил Ревский. — Но, чтобы допустить земное присутствие инопланетян, не хватает фактов. Есть, конечно, кое-что, я копался в фильмотеке. В двадцатом веке гипотеза о пришельцах была довольно популярна, но аргументация разрознена, бессистемна, а порой наивна.

— А все-таки?

— Интерпретации библейских и шумерских легенд, загадочные рисунки и надписи, статуэтки, похожие на людей в скафандрах, неопознанные летающие объекты.

— Летающие тарелки? — усмехнулся Лорка.

— Они самые, — Ревский поморщился, — неубедительно. Особенно если говорить о тайных контактах и тайном вмешательстве. Эти экстравагантные тарелки сразу привлекли бы к себе всеобщее внимание. Какая уж тайна! Прошу предположить, что на Землю заброшены роботы — андроиды.

— Ничем это не лучше.

— Это почему же? Даже земная техника позволяет изготовить искусственную биомеханическую подделку под человека. Пообедаешь за одним столом и не отличишь. Такие опыты ставили, и чаще всего успешно.

Окончание. Начало в предыдущем выпуске «Искателя».

— За несколько минут, может быть, и не отличишь, — согласился Лорка. — Но что делает тайный агент за несколько минут? А за несколько часов, а тем более дней он саморазоблачит себя непременно. У нас ведь чудовищная тонкость восприятия всего человеческого, Теодорыч. Мы узнаем знакомых по силуэту или походке за сотни метров. Мы чувствуем настроение близких по выражению лица и тембру голоса. Как уж тут не распознать какую-то дурацкую подделку — робота?

Сохраняя суховатое выражение лица, Ревский внимательно слушал Лорку.

Под монотонный шум дождя хорошо думалось. Этот шум приглушал все остальные звуки, даже рокот взволнованного моря, даже остервенелый лягушачий концерт, звучавший сейчас в непривычной минорной тональности.

— Стало быть, тайная инопланетная агентура — идея несостоятельная? — спросил вслух Ревский.

— Почему же? — улыбнулся Лорка. — Я бы, например, решил эту задачу очень просто — воспользовался косвенно услугами наших меньших братьев, животных.

Он сделал паузу, с удовольствием наблюдая, как меняется лицо Ревского, и продолжал:

— Мы очень чутки ко всему человеческому, но разве к животным мы приглядываемся так внимательно? Если даже мы привязаны к своим собакам, кошкам или птицам, если даже любим их, то это любовь олимпийцев к простым смертным, ребенка к своей игрушке. Мы легко разоблачим человекоподобного робота, но разглядим ли мы робота под шкурой собаки или перьями сороки?

Лорка покосился на Ревского — не насмешничает ли, но космонавт слушал внимательно и с интересом.

— В детстве я одно время подозревал, что наш ленивый пушистый кот инопланетянин. Уж очень он любил во время наших семейных разговоров усесться где-нибудь в сторонке и тарачить свои желтые глаза то на одного, то на другого. Время от времени кот таинственно исчезал дня на два, на три, а потом являлся истощенный, грязный и очень ласковый. Мне думалось, что в эти дни кот бегаёт на свою тайную базу — сдавать собранную информацию.

— Итак, неземные коты-агенты? — с подчеркнутой серьёзностью уточнил Ревский.

— Почему же обязательно коты? Если ориентироваться на твоё вино, то это скорее птицы или муравьи. Котам вряд ли сподручно транспортировать рибонуклеиды.

Ревский прямо скривился, услышав про своё злополучное вино, и Лорка пожалел, что напомнил о нём.

— Ладно, — примирительно проговорил Ревский, — ты сам предлагал временно забыть о моем напитке. Вернемся к твоей инопланетной версии. Есть в ней какая-то изюминка. Чем черт не шутит, может быть, тот филин, что вылетел из оврага и до смерти напугал Альту, на самом деле замаскированный кикианин, пытавшийся нацепить тебя на рогатину! Но, видишь ли, чтобы проверить правильность твоей версии, надо перетряхнуть буквально все живое, что есть на Земле, а это задача нереальная.

Рисунки Ю. МАКАРОВА

— Зачем же так, в лобовую? Надо подставить этим проблематичным пришельцам какую-то приманку, ловушку, чтобы они сами туда полезли. Вот там-то их и прихлопнуть с поличным!

— Ну-ну, — поощрил старый космонавт, — у тебя есть что-то конкретное?

Лорка засмеялся:

— Ты слишком многого от меня хочешь, я ведь все-таки не специалист по отлову инопланетян. Подумать надо.

— Думай, — отрезал Ревский, — а пока думаешь, главная твоя задача — Соркин. Кстати, и при разработке инопланетной версии он может быть полезен. Голова у него светлая.

— Соркин так Соркин, — покладисто сказал Лорка, задумался и поскуцнел. — Хотя Тима всей этой мышиной возней не воскресишь.

— А если воскресишь? — буркнул Ревский, погруженный в свои мысли, и осекся под холодно блеснувшим взглядом Федора.

— Ты что сказал, Теодорыч? — тихо спросил Лорка.

— Я? Ничего. Так, подумал вслух.

— Теодорыч, ты не шути такими вещами, — еще тише сказал Лорка. — Что с Тимом?

— Мало ли что болтнешь иногда языком?
— Темнишь ты что-то, Теодорыч.
— Не мудрствуй, — отмахнулся Ревский и не совсем логично добавил: — А если и темню, так мне по штату положено. Я ведь председатель Совета, не забывай об этом, милый друг. Он помолчал и уже совсем серьезно добавил:
— Береги себя. И Альту. Где гарантия, что над вами не занесен незримый дамоклов меч?

10

Свежий ровный пассат все пытался сдуть жесткие кожистые кроны кокосовых пальм, словно это были пушистые головки одуванчиков.

— Доброе утро.

Лежащий в шезлонге Лорка повернул голову и увидел Соркина. Тот стоял с шезлонгом в руках — массивный, хорошо сохранившийся для своих лет. Длинные светлые волосы Германа Петровича струились по ветру. Здоровый бронзовый загар покрывал лицо.

— Доброе утро, Герман Петрович.

Соркин поставил шезлонг поудобнее.

— Не помешаю?

— Мешайте, — улыбнулся Лорка.

Шезлонг заскрипел, принимая на себя груз массивного тела.
— Люблю океан, — пробормотал Соркин, устраиваясь поудобнее.

Могучие водяные валы один за другим катились к берегу. Их прозрачные сине-зеленые тела венчала белая пена.

— Что вы сказали? — не расслышал Лорка.

Соркин искоса взглянул на него.

— Счастливый вы человек, Федор.

— Вы уверены?

— Уверенность — сестра ограниченности, — Соркин движением головы откинул волосы. — Сколько видели вы разных океанов? Тридцать, сорок?

— Я как-то не занимался такой статистикой. Но если включить в перечень океаны жидкого гелия, кипящие ртутные моря и прочую экзотику, то около сотни наберется.

— Вот видите. А я, прожив чуть ли не вдвое больше вашего, видел лишь земные океаны. Разве это справедливо? И разве вы не счастливее меня? — И, не давая Лорке ответить, добавил: — А у меня к вам деловой разговор, Федор.

— Вот совпадение! — удивился Лорка. — У меня тоже.

Соркин внимательно взглянул на него, но Лорка, закрыв глаза, мечтательно улыбался, подставляя лицо утреннему солнцу.

— Вам рекомендован новый напарник, — продолжал Соркин после паузы, — Виктор Хельг. Я прихожусь ему дядей и после гибели родителей Виктора в какой-то мере заменяю ему отца.

— Я знаю, — безмятежно сказал Лорка, не меняя позы. Но внутренне он весь подобрался.

— Рассказали бы вы мне про Кику, Федор. Интересно знать, куда забрасывает Виктора судьба, — он секунду помолчал и

добавил, словно оправдываясь: — Конечно, я знакомился с этой планетой по официальным документам, но одно дело сухой текст, и другое дело живой разговор с командиром экспедиции.

— А что вас интересует больше всего? — Лорка открыл глаза и повернул к Соркину голову. — Комплекс сведений о планете многообразен.

Лицо Соркина было сосредоточенно, даже сумрачно.

— Как вам сказать? Пожалуй, больше всего меня интересует, насколько опасна предстоящая экспедиция. По вашей личной оценке.

Конечно, вопрос Соркина выглядел вполне естественно.

— Трудно ответить однозначно, Герман Петрович. С одной стороны, Кика если не родная, то двоюродная сестра Земли. Там можно обходиться без скафандра, можно купаться в морях и озерах, есть многие овощи, фрукты и мясо зверей. Кика не Тертар и не Стикс с их экстремальными условиями.

— Именно это меня и успокаивает, — пробормотал Соркин.

— И напрасно, — жестко сказал Лорка. — Защититься от открытого удара куда проще, чем от удара в спину. На Стиксе человек все время находится в состоянии наивысшей готовности, на планетах типа Кики такое состояние поддерживать в себе очень трудно. Сбитый с толку сходством с Землей человек рано или поздно расслабляется. Это сходство коварное, оно похоже на провокацию. Образно говоря, под одной и той же вывеской на Земле может быть санаторий, а на сходной планете — ловушка. А человек очень часто действует по голым стереотипам и, случается, попадает в ситуацию, откуда нет выхода. — Лорка говорил неторопливо, спокойно, точно размышляя вслух. — Что произошло на Кике с поселянами и самим Петром Лагудой? Только ответив на этот вопрос, можно решать, насколько опасна или безопасна Кика.

— Есть официальное заключение о причинах их гибели, — заметил Соркин, — смерть от ужаса, от паралича сердца.

Лорка резко повернулся к нему.

— Петр Лагута, опытейший гиперсветовик, как ребенок, умер от страха? Чепуха!

— Несмотря на свою уникальную надежность, сердце — капризный механизм.

Лорка упрямо покачал головой.

— Дело не в капризах сердца. Кика хранит какую-то тайну. И может быть, разгадку ее стоит поискать на Земле.

Лорка сделал этот намек по наитию, без заранее обдуманного намерения. Но тут же осознал, как это своевременно, и с острым вниманием ждал реакции врача. К его удивлению, Соркин пропустил намек мимо ушей.

— Значит, Кика по-настоящему опасна, — Соркин обеими ладонями провел по лицу. — А тайна Кики крайне интересна прежде всего для меня, психолога и психиатра. Может, сойти с ума на старости лет и отправиться с вами? Вместо Виктора.

Это было полушутливое-полусерьезное предложение, но за шутливостью стояло напряжение и боль — Лорка почувствовал это сразу. Почувствовал и решил еще больше обострить ситуацию. Оглядев врача, он негромко, но уверенно сказал:

— Нельзя вам на Кику, Герман Петрович.

— Почему?

— Стары, — отрезал Лорка.

Соркин засмеялся открыто, но несколько принужденно, была в этом смехе и дань уважения за откровенность.

— Да вы и сами знаете об этом, — продолжал Лорка, — уже не та реакция, не та выносливость, настрой мыслей.

Соркин досадливо поморщился и снова провел ладонями по лицу.

— Федор, — в голосе врача звучали непривычные просительные нотки, — ведь от вас в конце концов зависит, пойдет Виктор в экспедицию или нет.

— Совершенно верно.

— Так вот, я прошу вас, убедительно прошу — откажите ему.

— Почему? — довольно резко спросил Лорка.

Соркин шумно вздохнул, очевидно подавляя внезапное раздражение.

— Все очень запутано. Просто я никогда не прошу себе, если с Виктором на Кике случится несчастье.

— Так, — жестко констатировал Лорка. — Стало быть, ради вашего спокойствия я должен покривить душой. Обеспечить Виктору спокойную жизнь на Земле, а вместо него на опасное дело взять другого?

Лорка ждал бурной реакции, но ошибся. На крупном лице Соркина появилось беспомощное, даже жалкое выражение.

— Все так запутано, — безнадежно повторил он. — Вы правы, Федор. Достаточно того, что я покривил душой, когда так настойчиво рекомендовал Виктора в экспедицию.

Скосив глаза, Лорка наблюдал за Соркиным. Тот сидел, откинув крупную голову. Его лицо казалось темным, почти черным.

— И все из-за Эллы? — негромко спросил Лорка.

— Да, — тяжело ответил Соркин, — она совсем смяла меня. Хотя я не устаю благодарить судьбу за встречу с ней.

Лорка подумал о том, как хитро все запутано в этом чудном и чудном мире. Как незаметно крохотная ложь оборачивается недоразумением, а недоразумение — драмой.

— Не терзайте себя понапрасну, — мягко сказал Лорка. — Если Виктор и не пойдет сейчас на Кику, он пойдет потом на другую, может быть, еще более опасную планету. Мир отваги, риска и удачи — его стихия, он рожден для него. А вот как сделать экспедицию на Кику более безопасной, стоит подумать всерьез. И тут, Герман Петрович, вы можете сказать очень веское слово.

— Слушаю вас, — без особого воодушевления ответил Соркин.

Лорка понимал, как трудно ему сразу перестроиться, отвлечься от тяжелых мыслей, поэтому вел свой рассказ неторопливо и очень пространно. Соркин довольно быстро «отошел» — сказывалась многолетняя тренировка — и активно заинтересовался странной судьбой кикианской экспедиции.

— Меня самого удивляла цепочка несчастий с кандидатами, — признался он, — но я считал это случайностью.

— На этот счет есть и другое мнение, — дипломатично не

останавливаясь на земной версии, Лорка со всех сторон обрисовал космическую. Соркин слушал внимательно, но без особого энтузиазма, отдавая традиционную дань скептицизму в отношении инопланетного вмешательства. Однако он мгновенно насторожился, как только Лорка упомянул о таинственном рибонуклеиде, найденном в вине.

— Я осведомлен о контрольных опытах, но и понятия не имел, откуда взялся этот странный стимулятор, — Соркин задумчиво поглаживал свой квадратный подбородок. — Все рибонуклеиды действуют мягко, я бы даже сказал — деликатно. Они могут обострить память, эмоции, лишить сна или, наоборот, усыпить, но заставить человека галлюцинировать, а тем более кинуться в бушующие волны или в овраг — это исключено.

Несмотря на безапелляционность заключения, Соркин еще не высказался до конца.

— Расскажите-ка мне еще раз, как вас угораздило нырнуть в овраг.

Он выслушал, не перебивая, и глубоко задумался.

— Так-так, — пробормотал он и вдруг спросил: — Вы очень любите летать?

Лорка усмехнулся.

— Если бы не любил, кой бы черт понес меня в космонавты?

Соркин покивал головой, но чувствовалось, что ответ его не удовлетворил. Он поиграл пальцами в воздухе, точно пытаясь поймать нечто невидимое.

— Я не о том. Я имею в виду первозданную жажду птичьего полета в голубом просторе.

— Понимаю, — вздохнул Лорка. — Какими только способами я не пробовал летать! Прыгал в воду как только мог, прыгал с обрывов на мягкие песчаные склоны. Но, увы, летать, как птица, мне удавалось лишь во сне.

Лорка покосился на Соркина. Тот слушал внимательно, терпеливо.

— Впечатления от этих волшебных полетов во сне были у меня пронзительно яркими. Наверно, моим дальним предком, архипрабабушкой, была сильная и ловкая обезьяна, как птица летавшая с дерева на дерево. Иначе откуда все это?

— Вот вам и объяснение, Федор. Рибонуклеид может сыграть роль превосходной смазки, растормаживающей родовую память. Мощная волна наследственных впечатлений на короткий срок может полностью затопить сознание.

— И заставить человека прыгнуть в овраг? — быстро спросил Лорка.

— И в овраг, и в море, и через расщелину, — уверенно ответил Соркин.

— Но почему же, — Лорка размышлял вслух, хмурия брови, — почему же я не начал взбрыкивать сразу после того, как выпил вина?

Соркин пожал плечами.

— Какое-то время нужно для усвоения. Не исключено, что у рибонуклеида длинная экспозиция. Кроме того, соединения типа РНК охотно вступают в реакции. А даже легкие трансфор-

мации таких соединений могут менять их активность в сотни и тысячи раз. Разумеется, это предположение, и только.

— Разумеется, — согласился Лорка, но сразу вспомнил Эллу. И ее рассказ о том, что ее укусила не то муха, не то пчела. Впрочем, эту проблему можно было отложить и на потом, чтобы обдумать и рассмотреть ее со всех сторон. Была другая, откладывая которую Лорка не хотел.

— Герман Петрович, — сказал он негромко, — вы врач, член комиссии по отбору космонавтов. Вы не можете не знать, что случилось с Тимуром Корсаковым. Что? Почему из его смерти делают тайну?

Соркин великолепно владел собой. В его лице ничего не изменилось, оно как было, так и осталось несколько сумрачным, четко вылепленным лицом. Но Лорка сейчас, когда он начал разговор о Тиме, был похож на тончайший психологический инструмент. Он сразу понял, что его сомнения имеют под собой какую-то почву.

— Герман Петрович, — он говорил теперь почти умоляюще, — Тимур был мне другом. Самым близким другом.

— Я могу сказать вам только одно, — проговорил Соркин, — не торопитесь с выводами. Подождите.

Лорка повернулся к нему так резко, что шезлонг покачнулся.

— Подождать? Чего?

— Просто подождать. Все разъяснится само собой.

— Вы что-то знаете, — уверенно сказал Лорка.

— Знаю, но это не моя тайна.

— Герман Петрович, я прошу вас!

— Это не моя тайна, — негромко, но твердо повторил он.

Шло время, и слышался шум волн.

— Все, что я могу для вас сделать, — вдруг нарушил затянувшееся молчание Соркин, — это дать один совет. Вы знаете, кто такой Латышев? Профессор Латышев?

— Геронтолог?

— Тот самый, — с легкой улыбкой подтвердил Соркин и, помолчав, раздельно сказал: — Так вот, мой совет — поговорите с ним о Тимуре.

Это было странное утро и странный разговор, полный неожиданных поворотов.

— Поговорите, — настойчиво повторил Соркин в ответ на молчаливое удивление Лорки, — это все, что я могу посоветовать. И поверьте — это много.

11

Труды и эксперименты Латышева в области геронтологии столь же оригинальны, сколько и популярны — не знать о них было просто невозможно. В отличие от классической школы геронтологии, которая видела свою задачу в своеобразной консервации дряхлеющего организма, Латышев разрабатывал сложнейшую систему юнизации — систему активного омолаживания, которая позволила бы самых дряхлых стариков превращать в молодых, полных сил и здоровья людей. Но какое отношение юнизация могла иметь к погибшему Тиму?

Прямо с пляжа Лорка отправился в фильмотеку, решив про-

смотреть о работах Латышева все, что было ему, неспециалисту, по зубам. Лорка шагал торопливо. В душе его теплился легкий огонек надежды, даже не самой надежды, а ее предтечи. Велики были возможности реанимационной техники двадцать третьего века, регенерации и восстановительной хирургии. Конечности, части лица и скелета, любые внутренние органы — все могло быть создано человеку заново. Все, за исключением мозга, средоточия человеческого чувства и разума, этой сложнейшей «машины» — результата миллиардолетней эволюции живой материи. Треть часа, двадцать минут — вот короткий, предельный срок, который отпустила врачам слепая природа для ремонта и восстановления этой «машины». Через двадцать минут, а иногда и раньше в высших отделах мозга, хранилищах мысли и разума, наступали необратимые изменения, человеческая личность гибла безвозвратно. Но, робко думал Лорка, ведь юнизация — это не только восстановление, но и коренная переделка всех живых тканей; может быть, это открыло перед врачами такие возможности, о которых они и не подозревали?

В фильмогеке Лорку ждало разочарование: гавайский курортный центр не специализировался по геронтологии, поэтому не удалось найти ни одной оригинальной работы Латышева. Популярной общедоступной полемики по проблемам юнизации было предостаточно. Идеями Латышева и восхищались, и критиковали их с самых разных позиций. Жизнь и смерть, говорили оппоненты Латышева, существуют в диалектическом единстве. Смерть является естественным и необходимым завершающим жизненным этапом. Борьбаться со смертью как таковой бессмысленно, ибо это борьба и против самой жизни.

Лорку интересовала не полемика, а сами идеи Латышева. Он было уже почти совсем отчаялся найти что-либо принадлежащее его перу, когда в отделе, весьма далеком от геронтологии, в отделе переписки, наткнулся на открытое письмо Латышева своим оппонентам.

«Я никогда не посягал на полное отрицание смерти, — писал Латышев, — я работаю над юнизацией организмов, а вовсе не над бессмертием. Любое живое существо, в том числе и якобы бессмертное, погибает самым вульгарным образом, если случайно упавшее дерево размозжит ему мозг. Я и не думал отрицать, что старение и старческая смерть являются естественными процессами; они столь же естественны, как зачатие, рождение и развитие. Могу признаться, наконец, я согласен и с тем, что смерть носит необходимый характер, хотя знаю, что это рассердит тех, кто приписывает мне противоположные взгляды. Однако в это бесспорное утверждение я вношу небольшую коррективу: необходимость смерти носит не общий, не философский, а частный, биологический характер. Естественное старение и смерть не фатальный процесс, изначально приущий живому, а всего лишь один из способов, с помощью которых увеличивается видовая жизнестойкость.

Зависимость между видом и особью сложна и противоречива. Известно, что короткоживущие, слабые, казалось бы, совершенно беззащитные существа могут образовывать процветающие виды поразительной жизнестойкости, а могучие гиганты,

которым, казалось бы, никто не страшен, бесследно вымирать. Очень часто видовая жизнестойкость достигается окольными путями: прямого или косвенного паразитизма, симбиоза и содружества, аномальной интенсификации размножения. Одним из таких древних, как и сама жизнь, способов является естественное ограничение продолжительности жизни отдельной особи для обеспечения процветания вида в целом.

В самом деле, чем короче жизнь отдельной особи, тем быстрее свершается смена поколений, тем быстрее совершенствуется и приспособляется к обстановке и вид в целом. Паразитарная жизнестойкость одноклеточных predeterminedена именно этим фактором. Однако, прежде чем сойти со сцены, старое поколение должно породить новое, защитить его в фазе становления, а иногда и воспитать. Нетрудно показать математически, что каждый вид живых существ в заданных экологических условиях имеет некоторую оптимальную продолжительность жизни отдельных особей. Она и закреплена естественным отбором.

Такова природа естественной смерти. Применимо ли все это к человеку? Да — к его истории, и нет — к настоящей его действительности. Развитие человеческой личности в наше время строится на принципах, которые страшно далеки от тех, что породили фатальную неизбежность смерти. В коммунистическом обществе смерть перестала быть необходимой, а поэтому с ней не только можно, но и должно бороться...»

Лорка снял микроочки, помассировал уставшие глаза и задумался. Все, что писал Латышев, было интересно, а замыслы юнизации просто фантастичны. Но, черт возьми, какое отношение имеет это к гибели Тима? Может быть, Латышев с согласия родных использует тело Тима для некоего эксперимента? Такое случается, но возможно ли, чтобы родные Тима не посоветовались с ним, с Лоркой? И вообще непонятна эта завеса молчания и тайны, которой посчитали нужным окутать смерть его друга.

Покинув фильмотеку, Лорка пошел сквером, чтобы выйти на радиальный экспресс-эскалатор, ведущий на стоянку аэротакси. Сквер был своеобразной рощей. В ней росли карликовые вековые деревья: дубы, сосны, кедры, кипарисы. И все тут было карликовым, вплоть до мостиков и переходов. Люди, ходившие здесь каждый день, наверное, привыкли к этому загадочному миру, сделанному по канонам древнего садоводческого японского искусства. Но Лорка, бывавший здесь редко, всегда испытывал странное ощущение сказочной двойственности рощи. То она представлялась ему настоящей рощей, в которой росли высокие раскидистые деревья. Тогда декоративный ручеек казался ему большой рекой, холмик — горой, а сам он, Лорка, — могучим былинным великаном. И вдруг из-за бабочки, перепорхнувшей на вершину дуба, иллюзия мгновенно исчезла. Мир, созданный усилиями садоводов-искусников, мгновенно приобретал реальные масштабы, и от этой молниеносной метаморфозы слегка кружилась голова.

— Лорка?

Он обернулся и увидел девушку, сидящую на скамье с аль-

бомом микроснимков на коленях; очки для их просмотра лежали рядом.

На ней была полуспортивная одежда: легкие туфли, плотно облегавшие ногу, длинные брюки из мягкой и тяжелой вязаной ткани и почти невесомая блузка, оставлявшая открытыми руки до самых плеч и шею, которая казалась особенно стройной из-за короткой стрижки.

Когда Лорка обернулся к ней, девушка медленно поднялась со скамьи и проговорила уже утвердительно, с нотой не то боязни, не то растерянности:

— Лорка.

Альбом соскользнул с ее колен и упал на песок. Лорка подошел, поднял его, положил на скамью и улыбнулся:

— Да, я Лорка. А что?

Она не ответила на улыбку. Просто стояла и смотрела на него большими и спокойными светло-кариими глазами. Это была совсем обыкновенная девушка, но чем больше Лорка смотрел на нее, тем больше им овладевало если не беспокойство, то неясное смущение. Девушка казалась не совсем реальной, двойственной, как рожица, окружившая их, — и маленькая и огромная в одно и то же время.

— Вы меня не узнаете? — спросила она после долгой паузы, как-то трудно, хотя совсем негромко выговаривая слова.

Вглядываясь в ее лицо, Лорка вдруг отдал себе отчет в том, что девушка очень красива. И тут же подумал, что, будь он не зрелым мужем, а юнцом, вряд ли бы он заметил эту неброскую, но законченную, в своем роде совершенную красоту.

— Знаете, на кого вы похожи? На Афину Лемнию.

Ее смугло-золотистые щеки чуть порозовели.

— Не надо придумывать, — с укоризной сказала девушка, но было видно, что она польщена таким сравнением.

Лорка смотрел на нее с возрастающей симпатией. Во-первых, она была знакома с древним и вечно юным искусством Эллады, которое любил и сам Лорка. А во-вторых, она действительно походила на эту юную богиню — олицетворение мысли и целомудрия.

— Вы меня так и не узнали, — в раздумье сказала она, и к Лорке тут же вернулось его странное беспокойство, похожее на смущение.

— Кто же вы?

— Я Ника, — сказала она.

Лорке стало немножко смешно, она сказала это с таким видом, будто все, а тем более Лорка, должны знать, кто скрывается под этим коротким именем.

— Ника? — с улыбкой переспросил он.

— Ника, — подтвердила она, по-прежнему не отвечая на его улыбку, — та самая Ника.

Лорка испытал мгновенное психологическое потрясение. Он перестал видеть город, небо, рощу и даже лицо Ники — он видел теперь только ее глаза.

— Так вот ты какая, — сказал он, беря ее за руки.

— Да.

Она сказала это с тенью гордости, гордости за то, что ей не стыдно показаться ему на глаза. А Лорка смотрел уже не

на нее, а мимо нее, в прошлое. Губы его плотно сжались, лоб прорезала глубокая морщина страдания, а на губах застыла улыбка. В душе Ники метнулся страх — однажды она уже видела это лицо. Ей тогда было всего пять лет.

Она поднимала мяч с зеленой травы, когда услышала какой-то гулкий выстрел. Она выпрямилась, не выпуская мяча из рук, и увидела над собой сказочного могучего гиганта. Лицо его было искажено тяжким страданием, мускулы вздулись резкими узлами и буграми. Он был так могуч, что казалось, мог удерживать само небо на плечах, как это делал Атлас. Но держал он совсем не небо, а какую-то нелепую громадину с металлическими полозьями, и эта громадина безжалостно гнула его мощное тело к земле.

— Вам тяжело, да? — спросила она с беспокойством и страхом.

Не отвечая, сказочный гигант грубо отшвырнул ее ногой, и Ника и рядом с ней мячик покатались по траве. Когда обиженная и возмущенная Ника приподнялась на локте, сказочный гигант уже лежал на спине. А на него валилась громадина. Это было нелепо и непонятно потому, что с голубого неба светило теплое солнце и зеленела трава. Раздался хруст костей. Солнечный воздух вдруг задрожал от чьего-то неистового крика. Но кричала не Ника. И не поверженный человек, он просто не мог кричать — так крепко были стиснуты его зубы. Металлический полоз громадины вонзился человеку в живот. А сама она ткнулась в землю, едва не задев голову человека, перевернулась раз, другой и застыла в тупом бессмысленном покое.

Ника хотела закричать, но не могла. Она вскочила на ноги, но земля и весь мир вдруг опрокинулись, синим озером блеснуло и разом погасло небо.

Это было тогда, а сейчас Лорка почувствовал, как отяжелели ее руки, заметил поблекшее лицо и прикрытые глаза.

— Что с тобой?

Ника со слабой улыбкой покачала головой.

— Ничего, сейчас пройдет.

Лорка бережно посадил ее на скамью. Он хорошо знал, что с ней — она вспомнила. Им недаром не рекомендовали видеться, воспоминание было безжалостно, ослепительно и ярко, как то солнечное утро одиннадцатилетней давности. Тогда беспечная пятнадцатилетняя девушка в погоне за непослушным мячом забежала в зону испытаний «катера невесомости». Произошла нелепая случайность — отказала основная энергосеть, ограждающий барьер переключался на резервный источник питания, и этой полсекунды оказалось достаточно, чтобы девочка беспрепятственно проникла туда, где находиться было совсем не безопасно.

«Катер невесомости» пользовался у детей огромной популярностью. Это вагончик, сделанный в форме космонавтики, катавшейся по рельсовой дороге с умопомрачительно сложным профилем. Перепады высот, эффектные закругления — все это известно издревле. Новым было то, что отдельные участки дороги, высотой в десятки метров, были выполнены в форме параболических кривых, и, когда вагончик проносился по ним,

пассажиры испытывали подлинное космическое чувство неведомости. Если учесть, что особая стереовизуальная аппаратура создавала в эти недолгие секунды эффект подлинного космического небосвода: то вблизи Земли на фоне океанских островов; то в районе Луны, когда на Землю можно взглянуть как на глобус; то в дальнем космосе, когда Солнце видится просто ярчайшей оранжевой звездой, — можно понять, почему этот аттракцион так любил.

В катере в качестве эксперта-наблюдателя находился Лорка. Когда катер сорвался с креплений и его начало закручивать, Лорка усмехнулся — надо же, попал в аварию не где-нибудь, а в детском парке. А потом, благоразумно опасаясь ненужных осложнений и травм, сбросил аварийный люк, мягко оттолкнувшись ногами и, сгруппировавшись, с грацией и ловкостью огромной кошки приземлился на мягкий склон насыпи.

Еще в воздухе он услышал гулкий выстрел лопнувшей штанги, поэтому, приземлившись, он сразу же оглянулся. И увидел, как несколько в стороне от него на склонившуюся к мячу девочку, тупо всахивая травяной дерн, съезжает катер в несколько центнеров весом. Лорка так никогда и не мог вспомнить, как он успел оказаться между вышедшей из-под человеческого контроля машиной и маленьким хрупким человечком. Но он успел и принял эту слепую упрямую машину сначала на руки, а потом на плечи. И все-таки Лорка вывернулся бы, если бы девочка догадалась отбежать. Но нет, она изумленно смотрела на него и спрашивала с беспокойством и страхом:

— Тебе тяжело, да?

Несмотря на нечеловеческое напряжение, мысль Лорки работала четко. Он знал, что пропал и в его распоряжении доли секунды. Единственный шанс — сохранить голову и пройти все семь кругов адских мучений регенерации искаленного тела. Лорка отшвырнул ногой девочку и рухнул на луговые цветы. Он успел услышать дикий, почти нечеловеческий вопль — это кричала мать девочки — и ощутить раскаленную вспышку боли, смявшей его тело. Но еще долгие мгновения, кто знает сколько они длились — секунды, их доли, — Лорка неистовым усилием воли заставлял себя не терять сознания. И на фоне испепеляющей все его существо муки — ликовать: он все еще мыслит; значит, он использовал крохотный шанс, дарованный ему судьбой, — голова цела.

Сжигающая боль и ликующая радость продолжающегося бытия оставили вечный след в его душе. И вот сейчас эта девочка, Ника, коснулась невидимой раны.

Ника смотрела на него, кумира своих грез, и детский ужас, вдруг прорвавший плотины забвения, медленно отступал.

— Тебе лучше? — Лорка легонько встряхнул ее руки, которые держал в своих ладонях. — Все в порядке, девочка, видишь — я здоров.

Она благодарно взглянула на него, благодарно потому, что он догадался о ее страхе, осторожно освободила свои руки и сказала укоризненно:

— Вы хромаете.

— Ты заметила? — удивился Лорка.

— Да. Это из-за меня?

Лорка кивнул и, увидев, как изменилось ее лицо, поспешно добавил:

— Хромота пустяковая. Но я привык, ликвидируешь хромоту — придется менять всю координацию движений. — Ника, не отвечая на его улыбку, серьезно смотрела на него, и Лорка, поколебавшись, признался: — Я берегу свою хромоту как память о том дне.

Она понимающе сказала:

— У меня тоже осталась память: я немножко завикаюсь, когда сильно волнуюсь. Это тоже легко ликвидировать, но я не хочу.

— Я знаю, ты долго болела.

— Долго, — согласилась она, — почти год совсем не говорила, только кричала во сне. Мне все снилось, как на вас валится та тележка. Я и сейчас это вижу. Закрою глаза и вижу.

Ника и правда закрыла глаза. Ресницы у нее были длинные, они не лежали спокойно, а мелко-мелко подрагивали.

— Не надо об этом, — мягко попросил Лорка.

Она открыла глаза и, встретив его взгляд, впервые ответила улыбкой на его улыбку. И сразу изменилась — суровое лицо помягчело, стало тоньше, одухотвореннее.

— Так вот ты какая, — повторил Лорка.

— Какая?

— Красавица.

— Что стоит внешняя красота, — сказала она равнодушно.

Лорка откровенно любовался ею.

Она это видела, и ей было приятно.

— Духовная важнее, — сказала она со спокойной убежденностью.

— Это почему?

— Потому что люди сейчас и так слишком увлечены телесной красотой.

Глаза Ники стали серьезными. Это были глаза человека, уверенного в себе, хорошо знающего, что он хочет и что он может. Лорка испытал легкий укол робости, а может быть, лучше сказать, почтения; такое случалось с ним в детстве, когда он, слушая рассказы о вселенной, которые вела его мать, нечаянно заглядывал ей в глаза. Ему всегда казалось, что мать знает нечто более мудрое и тайное, чем высказанное словами. Может быть, это чувство сохранилось и сейчас вот всплыло во всей своей первоизданной яркости потому, что мать его погибла во время испытаний новой модели нейтринного телескопа, когда ему было всего десять лет, и навечно осталась в его памяти мудрой полуженщиной-полубогиней. Лорка не без труда стряхнул с себя светлые и тяжкие воспоминания прошлого.

— Разве это плохо? — мягко спросил он. — Культ человеческого тела жил в Древней Греции, а греки создали одну из величайших человеческих культур.

Ника уже успокоилась и с интересом разглядывала Лорку. Она не была разочарована, в нем было меньше скульптурности, чем ей представлялось. Он был человечнее монументального образа, созданного когда-то ее детским воображением.

— Греки были великими, — сказала Ника вслух, — но они были детьми. Мы же взрослые. Даже тогда, когда еще дети.

Она хотела добавить, что повзрослеть нелегко. Тяжело прощаться с детством, переход в зрелость — страдание, безжалостное крушение одних кумиров и торопливое сотворение других. Но поймет ли это Лорка?

— Пожалуй, — согласился Лорка, — в двадцать втором веке... Совсем недавно люди упивались простыми радостями жизни и возродили культ тела. Благодаря им мы покончили с хилостью и уродством, стали такими, как сейчас.

Ника улыбнулась.

— Люди, разделавшись с голодом, войной и эксплуатацией, просто немного сошли с ума от радости. В двадцать втором веке был праздник человечества, но ведь праздник не может длиться вечно.

Откуда такие мысли у этой девочки? Лорку поражало ее уверенное спокойствие, сквозь которое просматривалась легкая грусть. Словно еще не успев толком вступить в жизнь, Ника уже рассталась с какой-то желанной, но несбыточной мечтой.

— Чего же ты хочешь, девочка?

— Быть человеком, — ответила Ника без всякой аффектации, — только это очень трудно.

Она попала в самую точку, трудно быть настоящим человеком. Да, чтобы стать истинным гомо сапиенсом, человеку пришлось пройти через арены римских цирков, костры и пытки инквизиции, фашистские фабрики смерти, горнило революций и национально-освободительной борьбы. Чтобы быть настоящим человеком, не слугой, а господином своей судьбы, надо не только любить свое тело, но и уметь обуздывать его. Был еще один штрих в этой вечной проблеме, догадывалась ли о нем эта не по годам мудрая девушка-подросток?

— Быть просто человеком невозможно. Людей как таковых на свете не существует, есть мужчины и женщины. Ты — женщина.

— Да, по рождению, — в голосе ее прозвучала досада, — но я не хочу быть женщиной. Не хочу быть ни возлюбленной, ни женой, ни матерью. Меня унижает все это.

Лорка молчал, и после паузы Ника продолжала:

— Есть девочки, которые жалеют, что не родились мужчинами. Я не жалею. Не хочу быть ни мужчиной, ни женщиной. Хочу быть просто человеком.

Лорка подумал, что было бы интересно встретиться с ней лет через пять и снова поговорить обо всем этом. А Ника, помолчав, сказала мягко, точно извиняясь:

— Скорее умру, чем стану рабой инстинктов.

Лорка понял, что это не просто слова, и сердце его сжалось. Что будет с ней, когда она полюбит? А это случится с неизбежностью восхода солнца.

— Зовешь ты меня Лоркой, а почему? — спросил он, меняя тему разговора. — Разве ты не знаешь моего имени?

— Знаю, — спокойно согласилась Ника, — но я уж так привыкла. Ведь Лоркой вас зовет и жена, и ваш лучший друг Тим, правда?

— Правда, — не сразу ответил Федор, голос его прозвучал сухо, почти бесстрастно. — Только нет уже моего лучшего друга Тима. Он погиб неделю назад.

Лорка проговорил это, не поднимая на девушку глаз, но все-таки уловил какое-то импульсивное ее движение и взглянул на нее. Ника была удивлена, даже больше — изумлена.

— Что с тобой? — встревожился Лорка.

— Со мной ничего, — медленно проговорила Ника, теперь Лорка разглядел в ее глазах не только изумление, но и тревогу.

— Да что с тобой?

— Лорка, — Ника волновалась, но она умела владеть собой, и голос ее звучал негромко и спокойно, — я не знаю, что и как, но вчера вечером, еще в Приморье, я видела Тима.

— Тима?

— Да. Тима, живого и здорового.

Лорка глубоко вздохнул.

— Ты ошиблась, девочка, — мягко сказал он.

Ника упрямо покачала головой.

— Я не ошиблась. Он ехал в закрытой машине вместе с Отаром Неговским. Отар лечил меня после того самого случая. Он всегда здоровается со мной, разговаривает. И на этот раз он остановил машину. Я хорошо рассмотрела — с ним вместе был Тим.

— Отар Неговский? Он работает в клинике Латышева?

— Да, у Латышева, — Ника видела, как тяжело задумался Лорка, и осторожно прикоснулась к его руке. — Что все это значит, Лорка?

— Не знаю, — медленно проговорил Федор.

12

Боковым зрением уловив некое движение, Отар Неговский поднял голову и изумленно откинулся на спинку кресла: на подоконнике окна, что выходило в парк, стоял человек могучего сложения. Отар прикинул — на каком этаже его кабинет — на первом или на втором? На втором. Оставалось предположить, что странный посетитель забрался на окно по наружной стене. Если учесть, что она увита диким виноградом, это не так уж сложно. Однако интересен способ наносить визиты! И что, в конце концов, нужно этому рыжему геркулесу? Перехватив взгляд Неговского, визитер бесшумно спрыгнул на пол и, мягко, по-кошачьи ступая, направился к столу. Неговский сел в кресле поудобнее и приветливо проговорил:

— Присаживайтесь, гостем будете, — и несколько принужденно усмехнулся, — вы частенько навещаетесь вот так?..

— По мере необходимости, — хладнокровно ответил гость, опустился в кресло и представился: — Федор Лорка.

— Припоминаю. Отар Неговский.

— Знаю, — отрезал незванный гость. — Мне до смерти надоела ваша клиническая бюрократия, поэтому я и решил максимально ускорить процедуру проникновения к вам в кабинет.

За этой фразой стояла масса усилий и несколько часов напрасно потерянного времени. После разговора с Никой Лорка ближайшей орбитальной ракетой вылетел с Гаваев в Приморье, где располагалась клиника Латышева. Попытка связаться со старым профессором по обычным каналам успеха не принесла —

его видеофон был отключен от общей сети. Лорке разъяснили, что Латышев занят чрезвычайной работой и никого не принимает. Начиная раздражаться, Лорка пустил в ход весь свой немалый авторитет и добился-таки разговора по видеофону с профессором-затворником. Но это ничего не дало. Едва услышав, что с ним хотят говорить по важному, по личному делу, Латышев раздраженно бросил, что для личных дел у него сейчас нет времени, и выключил аппарат. Тогда Лорка рассердился окончательно и решил, несколько постулавшись традиционной земной этикой, перейти на методы, которые он привык применять при разведке неосвоенных планет.

— Могу сказать со всей откровенностью, — Неговский говорил холодно, как и Лорка, — если вы и встретились с какими-то затруднениями, то не с бюрократией, а врачебной этикой. Точнее — врачебной тайной.

— Мне надоели и тайны.

— Вы ведете себя довольно оригинально. Если не сказать — бестактно, — у Неговского даже губы дрогнули от обиды.

— Мне не до пустопорожней пикировки, — Лорка в упор смотрел на Неговского холодным взглядом. — В вашей клинике тайно содержится мой друг, Тимур Корсаков, который официально считается погибшим. Я хочу знать, что это значит.

Лицо Неговского мгновенно смягчилось, отразив сложное чувство, похожее сразу и на сожаление и на сочувствие.

— Вот оно что, — пробормотал он вполголоса.

— Вы не отрицаете, что Тимур у вас?

Неговский взглянул на Лорку, тут же отвел глаза и глубоко вздохнул.

— Разумеется, не отрицаю. Тайна вокруг этой истории — чисто вынужденная и временная мера. Через день-другой мы бы сами пригласили вас в клинику.

— Когда я смогу его увидеть?

Неговский взглянул на Лорку с каким-то странным выражением и опять отвел взгляд.

— Простите, но это невозможно.

— Я настаиваю, — голос Лорки зазвучал негромко, но непреклонно.

— Я не так выразился, — поспешно поправился Неговский и досадливо поморщился. — Как бы это объяснить попроще? — Он на секунду задумался. — Вы знаете о последних экспериментах Латышева по юнизации?

— Нет.

— Эта информация во избежание ненужного ажиотажа распространена лишь в очень узком кругу специалистов, — Неговский помассировал себе лоб большим и указательным пальцами. — Надежда обрести вторую молодость, знаете ли, способна вскружить голову кому угодно.

— Я не понимаю, какое отношение все это имеет к Тимуру Корсакову, — холодно заметил Лорка.

— Сейчас поймете, — спокойно сказал Неговский. — Однако вам нужно набраться терпения и выслушать то, что я расскажу.

Рассказ Неговского чем-то походил на сказку, не на волшебную сказку седой древности, а новоявленную, принадлежащую двадцать третьему веку. Оказывается, от теоретических

и технических изысканий к практическим опытам по юнизации Латышев перешел еще около года назад. Сначала активному омолаживанию были подвергнуты три дряхлые собаки, едва таскавшие от старости ноги. Одна из них погибла в ходе эксперимента, зато две другие превратились в отменно здоровых псов. Опытные специалисты-кинологи, которым, не открывая тайны опыта, их предъявили для установления возраста, единодушно решили, что каждой из собак не более трех лет. Эксперимент по юнизации собак повторили много раз, пока Латышев не добился устойчивого и надежного эффекта омолаживания. Клиника перешла к юнизации обезьян, при этом выяснилось, что переход с одних видов животных на другие не ставит перед этой своеобразной системой лечения, лечения от самой смерти, каких-либо новых проблем и принципиальных трудностей. И тогда старый профессор решился на последний, ответственный шаг, завершивший многолетние настойчивые поиски.

— Неужели Латышев решился на омолаживание людей? — спросил Лорка, в его голосе звучало недоверие.

Неговский, прерванный на полуслове, с некоторым удивлением взглянул на Лорку, точно спрашивая самого себя — зачем в кабинете сидит этот человек?

— Да, — торжественно сказал Неговский после паузы, — решился. Хотя лечение было применено, естественно, к доброзольцам.

Неговский вдруг расплылся в счастливой улыбке.

— Успех был сенсационный, похожий на чудо. Оба старика, их было двое — один такой крепышок, а другой совсем уже древний дед — стали похожи на свои фотографии вековой давности. Молодые, красивые парни! Хоть в космос их посылай, хоть к центру Земли!

— Трудно поверить в это, — вслух заметил Лорка.

— И мне трудно, — проникновенно откликнулся Неговский. — Хотя я один из тех, кто своей мыслью, своими руками свершил это чудо!

И вдруг Неговский потух, точно внутри его померк некий волшебный светильник. Лицо его постарело, он усталыми движениями помассировал кончиками пальцев лоб и сказал, будто недоумевая:

— Недавно я прочитал «Фауста», сказку в стихах поэта Гёте. Не думайте, я не любитель древней поэзии, я вообще к ней равнодушен, да и времени у меня нет. Мне настойчиво посоветовали прочитать эту странную сказку для взрослых. — Неговский помолчал, сжав в одну линию тонкие бескровные губы, на лице его появилось выражение значительности, почти торжественности. — Знаете, наши предки размышляли над многими вещами, которые волнуют и тревожат нас с вами. Они знали поразительно мало, разум их опутывали глупые предрассудки, но каким-то наитием они угадывали тайны из тайн природы и человека. Они ставили и мысленно решали проблемы, которые мы решаем или только пытаемся решить сейчас!

Неговский на секунду остановил на Лорке задумчивый взгляд и спросил с некоторым сожалением:

— Вам, наверное, не довелось читать «Фауста»?

Лорка сдержал улыбку и серьезно ответил:

— Почему же? Случайно как-то попался под руку.

— Вам повезло, — Неговский снова задумался, сжав в одну линию губы. — Фауст получает вторую молодость, но взамен черт забирает его душу. Смысл тут в том, что человеку никогда и ничто не давалось даром. Всегда приходилось платить трудом, мыслью, отказом от удобств, самой жизнью, наконец. Но черт забирает у Фауста душу, понимаете? Фауст-юноша — уже другой человек, вместо счастья он приносит людям только горе и беды. Человек без старой души и еще не обретший новую. Как Гёте мог догадаться, что плата за вторую молодость будет такой дорогой?

Лорка уже понял, куда клонится причудливо развивающаяся мысль врача, и сердце его болезненно сжималось.

— Да, — продолжал Неговский скорее философски, чем с горечью, — плата за юнизацию оказалась именно такой — обоих добровольцев постигла полная амнезия — абсолютная потеря памяти. Они забыли все и вся, свое прошлое и настоящее, самих себя и своих близких. Они разучились читать, писать и считать. Они вернулись к новой жизни другими людьми — большими младенцами, впервые взирающими на мир. Полная амнезия — та же смерть личности, ничуть не менее определенная, чем при остановке сердца или потере крови. Разум возвысил человека над остальным миром, но тот же разум расширил власть смерти над человеком — он может умереть не только физически, но и психически: сойти с ума или потерять память. По этой причине, — помолчав, продолжил Неговский, — Латышев временно отказался от юнизации и попросил все, что касается его опытов, сохранить в полной тайне.

Лорка воспользовался паузой и наконец-то задал вопрос, который давно жег ему язык:

— Тимур реанимирован в вашей клинике?

— Да, — не сразу ответил Неговский.

— И потерял память?

— Полная, абсолютная амнезия, — Неговский исподлобья сочувственно поглядывал на Лорку. — Вашего друга случайно подобрал исследовательский батиход на шельфе Гавайских островов. Его подобрали слишком поздно: восстановить дыхание и работу сердца удалось, но кора головного мозга успела умереть. К счастью, на подводном корабле находился представитель нашей клиники. Он знал, что комплекс юнизации позволяет в принципе восстанавливать нервные клетки даже после их фактической смерти, и настоял на срочной транспортировке утонувшего сюда, в Приморск. Тут и приняли решение об экспериментальном юнировании пострадавшего, а также о том, чтобы сохранить все в тайне до тех пор, пока не выяснятся результаты этого лечения. К сожалению, они не радуют.

— Но если лечение было начато, — не совсем уверенно предположил Лорка, — значит, кто-то надеялся и на лучший исход?

Неговский удивленно взглянул на него.

— Как это кто? Разумеется, Латышев. Если бы не надеялся, он бы никогда не взялся за лечение вашего друга. Он и сейчас надеется, но на что надеется — не говорит.

Опершись рукой о край стола, Лорка поднялся на ноги.

— Я должен увидеть Латышева, — проговорил он, высказывая скорее решение, чем просьбу.

— Разумеется, — поддержал его Неговский, — он охотно поговорит с вами.

Лорка в сомнении качнул головой.

— Не уверен, — и коротко рассказал врачу о своих затруднениях.

Неговский поморщился.

— Скорее всего профессор просто не разобрался, в чем дело. Не судите его строго. Он своенравен, даже капризен, но очень честен и справедлив. А проблема юнизации так популярна, что его нет-нет да и тревожат по пустякам.

Неговский оказался прав. Латышев принял Лорку в своем просторном кабинете буквально через минуту. Латышев долго молчал, иногда взглядывая на посетителя, сидевшего за столом напротив него. У профессора была еще крепкая фигура, львиное лицо и утомленные глаза. Большие старческие руки тяжело лежали на столе.

— Вы друг Тимура Корсакова? — спросил он наконец.

— Да.

— Близкий друг?

— Близкий.

Латышев провел ладонью по щекам, точно пытался разглядеть свои морщины.

— И вы явились сюда, чтобы узнать, можно ли вернуть ему прежнюю жизнь?

— Не только узнать, но и сделать все возможное для этого.

В утомленных, бесцветных глазах Латышева мелькнула намешка.

— А по-вашему, что нужно сделать?

— Не знаю. Впрочем, мне известен рибонуклеид, который довольно эффективно стимулирует подсознательную память. Латышев взглянул на него с некоторым интересом.

— Рибонуклеид Ревского?

— Он уже известен вам? — не скрыл удивления Лорка.

— Вся мировая информация, касающаяся мозга и его функций, в частности и памяти, поступает в нашу клинику по каналу, параллельному с главным компьютерским, — профессор пожевал губами. — Конечно, когда мы предпримем очередную попытку разбудить память Тимура Корсакова, он получит ударную дозу нейростимуляторов. Возможно, в составе препарата будет и рибонуклеид Ревского. Но этого мало. Мало!

Латышев внимательно взглянул на Лорку, потом прикрыл глаза густыми седыми бровями и спросил:

— Тимур любил свою жену? Я имею в виду настоящую любовь. Как близкий друг, вы должны знать об этом.

Лорка не отвечал, удивленно глядя на старого профессора.

— Я спрашиваю не из праздного любопытства, — в голосе Латышева послышалось раздражение.

— Думаю, что любил.

— Думаете?

— Уверен.

Старый профессор секунду пристально смотрел на Лорку, потом отвел взгляд, пожевал губами и ворчливо спросил:

— Вам говорили, что мои методы вызывают полную амнезию?

— Говорили.

— Чепуха, — сказал старик сердито, — не верьте этому. — И пояснил удивленному Лорке: — Это верно лишь в отношении сознательной памяти, а мозг неизмеримо глубже этой верхней надстройки. Если бы амнезия была тотальной, разрушилась бы не только сознательная, но и подсознательная, родовая, память. Исчезли бы все инстинкты и безусловные рефлексы. Остановилось бы дыхание, замерло сердце, прекратился обмен веществ. Люди умирали бы в ходе самой юнизации. Но они живут! Я уверен, — Латышев костяшками пальцев сердито постучал по своему высоченному лбу, — прошлое крепко хранится в их головах и после юнизации, но оно спит! Спит летаргическим сном, а я, старый, не знаю, как разбудить его.

Латышев пошевелил губами и, глядя в сторону, продолжил: — Есть одно чувство, глубокое, как сама жизнь. Любовь. Я не верю, что настоящую любовь может стереть клиническая амнезия. Раньше остановится сердце, а потом уже умрет любовь.

Латышев замолчал. Лорка сидел тихонько, боясь потревожить его мысли. А старик потер ладонью лоб и продолжал уже другим тоном, в котором не было ни ворчливости, ни скрытой боли, зато слышались менторские нотки:

— Любовь, как я мыслю, и есть та самая ниточка которая может из бодрствующего подсознания привести в спящий разум. И разбудить его.

Он вдруг оборвал себя, в упор взглянул на Лорку и предложил:

— Вот если вы уверены, что Тимур Корсаков искренне и глубоко любил свою жену, можно рискнуть и устроить им встречу.

— А в чем риск?

Латышев объяснил это толково, подробно, обстоятельно. И пока он объяснял, сочувственно и в то же время чуточку ехидно поглядывал на Лорку. Федор внутренне поеживался — для любящего сердца риск был страшным.

13

Валентина пришла запыхавшись, щеки ее зарумянились от быстрой ходьбы, волосы растрепались.

— Что случилось, Федор? — напряженно улыбаясь, спросила она. — Почему от Тима нет вестей?

Лорка улыбнулся ей в ответ.

— Сейчас объясню. Сядем, Валя. Так будет удобнее.

Беседка была скрыта в густой зелени. Лорка, придерживая за локоть, бережно усадил Валентину на диван.

— Валентина, — сказал он без паузы, — об этом вы должны были узнать раньше. Но все так перепуталось.

Он умолк, потому что Валентина стала бледнеть.

— Он жив? — шепотом спросила она.

Бледность Валентины приобрела меловой оттенок, по глазам ее Федор понял — она вот-вот потеряет сознание.

— Успокойтесь, — он сел рядом и взял ее за руку, — жив.

Руки ее были влажными и вялыми. С заметным усилием она овладела собой.

— Жив? — недоверчиво переспросила она.

— Жив, — подтвердил Лорка, — вы сегодня сможете его увидеть.

Кровь медленно прилиwała к ее щекам, мелкие капельки пота высыпали на верхней губе, глаза переполнились слезами.

— Зачем же вы так? — с укором сказала она.

Тут наконец слезы хлынули из ее глаз.

Лорка молчал. С нелегким сердцем он думал о том, что главное объяснение с Валентиной еще впереди. Вот он сказал ей, что Тим жив. И это правда, но не вся правда.

Лорка глубоко задумался и перестал контролировать себя. Лицо его отяжелело.

— Тим тяжело болен, Валентина, — начал он издалека.

Она перебила с вновь вспыхнувшей тревогой:

— Он может умереть?

— Нет!

— Он изувечен...

— Нет, уверяю вас.

— Да что же с ним такое? — с сердцем спросила она.

— У него амнезия, — Лорка, решившись наконец открыть ей истину, сказал это, будто прыгнул в воду холодную.

— Что? — Она не поняла, а поэтому испугалась.

— Амнезия, — пояснил Лорка, — полная потеря памяти.

— Да-да, знаю, — быстро сказала она. — А это страшно?

Наморщив лоб, Валентина настороженно вглядывалась в лицо Лорки. Она не столько вникала в смысл его слов, сколько вслушивалась в интонацию его голоса, старалась догадаться, чем все это грозит ее Тиму. В эти мгновения она была почти ясно-видящей, бесполезно пытаться скрыть от нее правду или смягчить ее.

— Страшно, Валя.

Она отвела глаза, задумалась, потом спросила быстро:

— Он и меня забыл? И Ниночку?

— Забыл.

— Совсем?

— Совсем.

— Навсегда?

Большие серые глаза Валентины смотрели на Лорку опустошенно, только где-то в самой их глубине пряталась отчаянная искра надежды.

— Может быть, и нет...

Она сразу оживилась.

— Может быть?

— Да, если вы согласитесь пойти на риск.

— Конечно, соглашусь, — Валентина уже улыбалась.

— Рисковать-то придется не собой.

Она сразу потускнела.

— А как же?

— Да в принципе-то очень просто. Вам нужно встретиться с Тимом — вот и все. Профессор, который его лечит, надеется, что Тим вас вспомнит. И тогда болезнь его пройдет.

Лорке и в голову не пришло рассказать Валентине, какое жесткое условие выдвигал Латышев как основу для преодоления амнезии — Валентину и Тимура должна связывать подлинная, настоящая любовь. Только тогда возможна победа над забвением.

— А если не вспомнит?

— Тогда придется ждать — годы, десятилетия, а может быть, и всю жизнь.

Валентина глубоко задумалась.

— Все это мне понятно, — проговорила она почти про себя с оттенком недоумения. — Не пойму одного: в чем здесь риск?

— А в том, что Тим может полуузнать вас, — пояснил Лорка невесело. — Знаете, бывает такое мучительное состояние, когда вот-вот вспомнишь, а не вспоминается.

Валентина, не спуская с Лорки глаз, закивала головой.

— Такое может произойти и с Тимом, только чувство это будет гораздо глубже, шире и охватит все сознание.

— Он сойдет с ума? — быстро спросила Валентина.

— Возможно. Чтобы его вылечить, придется принудительно стирать в его сознании память о вашей последней встрече. И тогда он забудет вас навсегда.

— Это жестоко!

Что мог ответить Лорка? Он молчал. Она посидела неподвижно, глядя в землю, потом тыльной стороной руки вытерла глаза и решительно поднялась на ноги.

— Я согласна!

Перед тем как идти на встречу с Валентиной, Лорка обговорил с Латышевым детали предстоящего свидания супругов, если, разумеется, Валентина согласится.

Лорку и Валентину беспрепятственно пропустили в больничный парк. На этой поспешности Лорка тоже настоял заблаговременно, представляя, как мучительна будет Валентине каждая лишняя секунда ожидания.

Выйдя на широкую дорожку, обсаженную соснами и усыпанную светлым песком, Лорка остановился, легонько придержав Валентину за локоть.

— Это и есть центральная аллея. А там сосна — видите, какая громадина? Возле нее скамья.

Море разгулялось, и с него дул ветер. Он ворошил траву, клонил ветки кустарника и трепал кроны вековых сосен. Сосны глухо роптали.

Лорка с трудом расслышал ответ Валентины.

— Вижу.

Она кивнула в знак согласия, но продолжала стоять на месте. Лорка осторожно подтолкнул ее вперед. Валентина оглянулась, точно прося помощи, но Лорка покачал головой — ее

встреча с Тимом должна была состояться наедине, таково было жесткое условие Латышева. Тогда Валентина сначала медленно, неловко, будто только училась ходить, а потом уж быстрее, постепенно обретая свою обычную походку, пошла к сосне. Но дойти до нее она не успела, боковой тропинкой на центральную аллею вышел Тим. Валентина сразу узнала его. Это был ее Тим — высокий, худощавый, с рельефной мускулатурой шеи и оголенных рук. Он шагал уверенно, спокойно, рассеянно поглядывая по сторонам. Ветер трепал его мягкие русые волосы.

Так же рассеянно, как по деревьям и кустарнику, его взгляд скользнул по Валентине. Лорка, спрятавшийся при появлении Тима за сосну, крепко, так что стало больно, прижался щекой к ее шершавому, золотистому, пахнущему смолой стволу.

Валентину била лихорадка ожидания, слабела, подкашивались ноги, но она упрямо шла вперед. Мир качался, плыл перед ее глазами, превращаясь в разноцветные радужные пятна. Она даже не знала — далеко ли, близко ее Тим. Ей казалось, что она идет в тумане сдерживаемых слез, долго, ужасно долго, целую вечность. Погас шум сосен. Всплыли звонкие, чистые вязи птичьих трелей. Валентина слышала только мерный шорох песка — это были шаги Тима. Она остановилась, провела рукой по лицу. Перед ней стоял Тим, вопросительно, непонимающе глядя на нее. «Тим!» — хотела крикнуть Валентина, но у нее только беззвучно пошевелились губы.

— Что с вами? — участливо спросил он.

— Тим! — наконец-то удалось выговорить ей.

Что-то дрогнуло, затрепетало в глазах Тимура. Как завороченный смотрел он в самую глубину больших серых глаз, полных слез.

— Валя? — испуганно спросил он.

Серые глаза закрылись, а на измученное лицо легла покойная усталая улыбка.

— Где же ты была, Валька? Так долго?

Шумно вздохнули сосны. Это озорной ветер, переведя дух, снова примчался с моря.

14

Лорка вел прогулочный глайдер над самыми вершинами деревьев. Внизу сплошным ковром тянулась дикая нетронутая сельва: здесь, в истоках Амазонки, располагался огромный заповедник тропического леса. Перевалив плоскую столовую гору, где лес был пореже, с проплешинами редкого кустарника и пустошами, Лорка увидел тянувшееся до самого горизонта только что разбитое пространство нового жилого района. Остатки девственного леса были здесь облагорожены и превращены в сады, скверы и парки, русла речушек спрямлены и местами облицованы синтетиком, через них перекинута ажурные мосты, кое-где синели пятна искусственных озер и прудов, небольшими комплексами грудились вспомогательные сооружения, дома отдыха и развлечений, а на все это была наброшена геометрическая, четкая сеть автострад, дорог и тропинок. Мельком оглядев это поле, отнятое человеком у при-

роды, Лорка сориентировался и круто положил глайдер на крыло, направив его к операторской, стоявшей на краю гигантской строительной площадки. Сегодня здесь должен быть сооружен высотный город-дом на несколько десятков тысяч жителей — центр и средоточие нового жилого района. Здесь глубоко под зеленым покровом леса, в верхних слоях мантии, было нежданно-негаданно обнаружено богатейшее месторождение тяжелых и долгоживущих трансурановых элементов, этого ценнейшего сырья энергетики, ядерной химии и нейтронной техники. Месторождение было настолько перспективным, что Всемирный совет решил отрезать у заповедника несколько десятков тысяч гектаров первозданной сельвы.

Операторская представляла собой прозрачный купол — фонарь полусферической формы высотой метров двадцати. Три мощных телескопических ноги поддерживали основание купола на высоте пятиэтажного дома. По краям купола торчали три реактивных сопла — двигателей аварийной посадки, из центра днища спускалась ажурная шахта выдвижного лифта. К лифту и направился Лорка, оставив глайдер четырехколесному многорукому роботу на техосмотр и заправку. Проходя мимо телескопической ноги, Лорка с уважением шлепнул по сверхпрочному композиту — эти ноги должны были вознести операторскую почти на трехкилометровую высоту. Когда Лорка подошел к лифту, дверь кабины распахнулась, Федор вошел в нее и через несколько секунд оказался в просторном вестибюле операторской. Здесь былолюдно и шумно, отдельными группами стояли и сидели гости, приглашенные на сборку дома-города.

К Лорке подошел дежурный в светлом костюме, с оранжевой повязкой на рукаве. Федор представился, дежурный с улыбкой сказал, что его хочет видеть мастер-сборщик. Пройдя через вестибюль, дежурный остановился перед дверью с красной светящейся надписью «Операторская» и жестом пригласил войти. Вопросительно глядя на него, Лорка помедлил — красный цвет надписи говорил о том, что посторонним без крайней нужды вход в комнату воспрещен. Дежурный улыбнулся: — Входите, вас ждут.

Лорка нажатием кнопки открыл дверь, беззвучно скользнувшую в стену, и оказался в небольшой, но очень светлой комнате. За круглым столом сидела группа монтажников: мастер-сборщик и ассистенты. Мастер-сборщик, старый товарищ Лорки, Ришар Дирий отличался от других широкой зеленой повязкой на рукаве. Лорку заметили не сразу, а он сам намеренно задержался на пороге, чтобы понаблюдать за колоритной группой монтажников. Шел непринужденный разговор, сыпались шутки, но за этой внешней легкостью Лорка сразу уловил скрытую напряженность, умело спрятанное волнение, которое сопутствует любому ответственному делу, требующему мобилизации всех человеческих ресурсов, будь то спортивное соревнование, научный эксперимент, старт трансгалактического корабля или сборка дома-города. Новые жилищно-промышленные центры с основой в виде дома-города даже в двадцать третьем веке строились редко — не чаще одного раза в несколько лет. Подготовка дома-города к сборке ведется месяцами, а са-

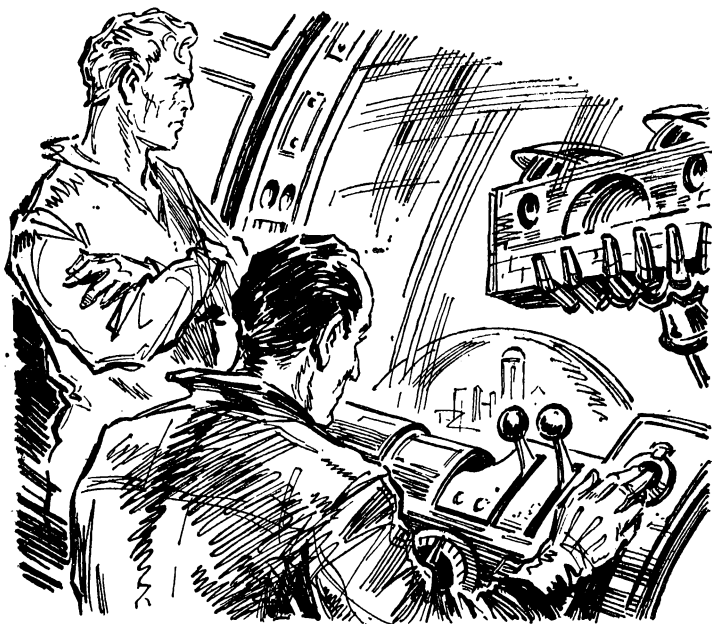

ма сборка выполняется монтажниками за один рабочий день, в течение нескольких часов. Процесс сборки давно стал своеобразным видом искусства и спорта. Мастер-сборщик назначался на свою почетную и ответственнейшую должность после многих туров конкурсных соревнований, которые проводились, разумеется, на макетах. Сборка транслировалась по всем главным каналам мирового стереовидения и собирала сотни миллионов зрителей-болельщиков. Она была для монтажников не только трудом, работой, но и источником радости, творческого наслаждения. Пожалуй, именно в сборке наиболее полно и непосредственно находила выражение изначальная и неискоренимая жажда человека к созиданию. Едва Лорка шагнул вперед, как Ришар Дирий, сидевший на подлокотнике кресла, заметил его и поднялся навстречу. Они обнялись и легонько потискались друг друга — не виделись больше года. Ришар не изменился. Высокий, худой и жилистый — кости и туго свитые мышцы, рельефно обрисовывающиеся даже при легких движениях, ни грамма лишнего жира. На аскетичном удлиннном лице с запавшими щеками — большие глаза: то грустные, то озорные, то лучащиеся юмором, то цепкие. Глаза исследователя и философа. Ришар был феноменально одаренным человеком. Чем он только не занимался! Несколько лет ходил вместе с Лоркой в космос бортинженером и великолепно справлялся со своим делом. Он был отличным художником и скульптором, увлекался субмолекулярной биохимией и за серию теоретических изысканий получил звание доктора наук. Он занимался почти всеми видами спорта, отлично бегал, прекрасно плавал. Но, добившись успеха, Ришар быстро охладевал к содеянному, некоторое время бездельничал, а потом с неслыханной энергией принимался за что-нибудь другое. Дирия ругали, увещевали, умоляли, ему говорили, что он не бережет свой талант, что он неразумно теряет лучшие годы своей жизни, что талант это не только одаренность, но и целеустремленность, и труд, труд и еще раз труд. Ришар выслушивал все это с озабоченным, даже виноватым лицом. Выслушивал и делал по-своему. Однажды после долгого разговора с крупным ученым, который с жаром уверял, что истинное призвание Дирия — общая философия, Ришар с какой-то грустью сказал Лорке: «Ну как можно не понимать таких простых вещей? — И пояснил: — Одаренные люди бывают разными. Такими, как Ньютон, Микеланджело, Эйнштейн, всю свою жизнь отдающими одному-единственному делу. И такими, как Леонардо да Винчи, Ломоносов, Гумбольдт, которых лишь одно-единственное дело способно было засушить и загубить на корню. И знаешь что, Федор? По-моему, время Эйнштейна проходит — вернее, оно уже прошло, только мы еще не отдали в этом себе отчета. Грядет время Ломоносовых и Леонардо».

— Как твои дела? — поинтересовался Ришар, отстраняясь от Лорки.

Федор смотрел на него с откровенным удивлением. Такая банальная фраза в устах неповторимого Риша! Тут была какая-то загадка. Дирий заметил удивление Лорки и с улыбкой пояснил:

— Я имею в виду экспедицию на Кикю.

— По-моему, все идет по плану. Я ведь брал двухнедельный отпуск. Отдыхали вместе с Тимом и женами.

Ришар вздохнул.

— Завидую. Вместе с женами! Как здоровье Тима?

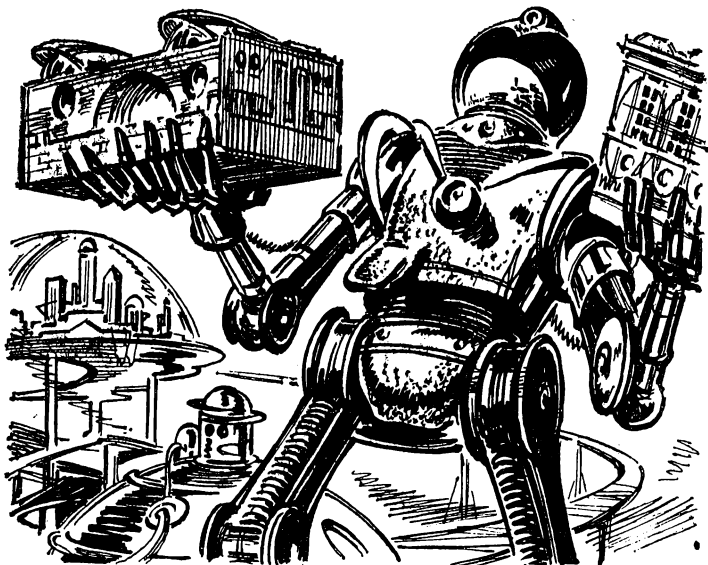
— Отлично! Уже приступил к тренировкам, — Лорка лукаво улыбнулся. — Как видишь, любовь делает чудеса.

— Н-да, — неопределенно заметил Ришар, — с этим, пожалуй, можно согласиться. Надо только учесть, что чудеса бывают разными. То, что Тим полез в штормящее море, тоже чудо, и скорее всего оно не обошлось без этой самой любви.

Большие глаза Дирия смотрели на Лорку сочувственно и немного насмешливо. И это было очень понятно: по отношению к любви они занимали весьма различные позиции. Что касается Лорки, то его позиция была традиционна как мир. Подростком, укоряя себя за глупую чувствительность, он едва сдерживал слезы, читая старинные и вечно юные строки «Ромео и Джульетты». А вот Ришар утверждал, что любовь — это тяжкое наследие животного прошлого человечества.

Все это не помешало ему пережить несколько любовных историй. Справедливости ради стоит сказать, что всякий раз активную роль в этих историях играли женщины, причем женщины волевые, умные и самолюбивые. Тем не менее Ришар оставался убежденным холостяком.

— Значит, ты отдыхал, — задумчиво проговорил Ришар и поднял на Федора серьезные глаза. — А до меня долетели слухи, что дело с экспедицией осложнилось.

Взгляд Лорки мгновенно обрел цепкость.

— Что-то случилось?

— Чего не знаю, того не знаю, — Ришар положил руку на плечо Лорки. — У меня есть к тебе разговор, но это потом. Я рад, что ты прилетел. Мне очень хотелось, чтобы ты посмотрел нашу работу.

— Желаю удачи, Риш.

Когда Федор вышел в вестибюль, приглашенные уже тянулись по ажурным, невесомым лестницам в зрительный зал. Поднимаясь вслед за другими, Лорка думал о Ришаре. Сборка высотных домов-городов и других крупных сооружений была, пожалуй, самым долгим и непроходящим увлечением Дирия.

Лорка думал о Ришаре и чуть заметно по-доброму улыбался. Он хорошо знал, почему Дирий так хочет, чтобы бывший командир увидел его в настоящем, почетном деле. Ришар трижды ходил с ним в дальний космос бортинженером, а перед четвертым рейсом, когда до вылета оставалась всего неделя, нанес Федору дружеский визит. Он собирался не то рассказать о чем-то, не то посоветоваться, это сразу было видно, да никак не решался. Лорка его не торопил.

— Ты любишь цирк, Федор? — вдруг спросил Ришар.

— Да ничего, вполне добротное искусство.

Дирий мечтательно вздохнул.

— А я обожаю цирк. По-моему, это искусство высокое, вечное. Мужество, бесстрашие и почти полная мобилизация возможностей человеческого тела. Эквилибристика, акробатика

престижитация всегда юны и прекрасны, как сам род человеческий.

Лорка сидел, наклонившись вперед, опираясь локтями на колени, и серьезно разглядывал бортинженера.

— Что-то ты издалека заходишь, Риш, из-за угла.

— Прямая-то кратчайшее расстояние только на бумаге, Федор.

Было в лице Дирия что-то странное, а что — не понять.

— Я только недавно узнал, — продолжал Ришар после паузы, — именно в цирке родилось выражение «потерять кураж», которое в ходу у нас, космонавтов. В цирке, правда, чудно?

Да, это выражение было в ходу у космонавтов-гиперсветовиков. Кураж — «храбрость» в дословном переводе со старофранцузского языка. Но в двадцать третьем веке это понятие стало многограннее, шире.

— Что ты скажешь, если я откажусь идти в космос? — спросил Ришар.

Лорка секунду непонимающе смотрел на него.

— Ты?

— Я, Федор, я. Два последних рейда я мучился.

У космонавтов-гиперсветовиков потерять кураж не значило потерять храбрость, способность на смелые, рискованные поступки. Это значило потерять внутреннюю уверенность в делах, лежащих у границ человеческих возможностей. Тренированный человек, даже потеряв кураж, может преодолеть себя и волевым усилием заставить четко работать в самых экстремальных условиях. Но тогда работа, прежде доставлявшая ему радость и удовлетворение, превращается в каторгу. Она изматывает силы, истощает нервы, притупляет интерес ко всему на свете.

Два рейда, целых два рейда Ришар мучил себя и, хотел он этого или не хотел, ставил под удар других!

— Что же ты молчал? — с досадой и сочувствием сказал Лорка.

Дирий вздохнул.

— Стыдно. Другие же летают, почему я не могу?

Да, Ришар Дирий принадлежал к славной категории людей долга! Но ведь и долг имеет свои границы, переходить которые преступно. Не каждому дано все.

— Разве можно так ломать себя? — тихо сказал Лорка. — Уходи с легким сердцем. Найди себе другое дело и будь там молодцом. Вот где истина.

С тех пор прошло пять лет, и Ришар, кажется, наконец, нашел свое настоящее дело.

Зрительный зал операторской располагался под самой крышей купола. Здесь амфитеатром расположились удобные мягкие кресла — как в театре, а вернее, как в цирке. Зал был до отказа заполнен зрителями: представителями Всемирного и специального советов, делегатами от научных, производственных и культурных организаций, а главным образом монтажниками, для которых предстоящая сборка представляла еще и профессиональный интерес.

Едва Лорка вошел в зал, как раздался негромкий, но звучный трехтоновый сигнал, возвещавший о начале сборки, и зри-

тели начали рассаживаться по креслам. Сквозь прозрачную переднюю стену зрительного зала была хорошо видна стройплощадка дома-города. Центральное место занимал мощный фундамент почти квадратной формы, уходящий под землю на несколько десятков метров. Справа и слева от фундамента тянулись две ленты конвейера-гиганта, похожие на широкие дороги. Сходство с дорогами усугублялось тем, что на лентах один за другим были установлены исполинские монтажные блоки — целые здания в обычном понимании этого слова. Некоторые блоки достигали десяти этажей в высоту, но были сравнительно узки в основании — это были комплексы жилых квартир. Другие блоки были много шире, а по высоте не превышали двух-трех, редко пяти этажей. В таких блоках располагались общественные комплексы: столовые, павильоны, внутренние парки, театры и спортивные сооружения. За фундаментом между конвейерами прямо напротив операторской высился постамент, площадка для размещения робота-сборщика.

А внутри операторской, прямо перед Лоркой, внизу располагался макет строительной площадки, выполненный в строжайшем масштабе. Были тут и миниатюрные конвейеры, на которых стояли макеты монтажных блоков, похожие на детские кубики, а вернее — на детали набора детского конструктора-строителя. Между конвейерами в операторском кресле со шлемофоном на голове, положив руки на колени, восседал Ришар Дирий — мастер-сборщик. Лорка достал из кармашка костюма универсальный пикофон и вставил в ухо. И вовремя: как раз проходили доклады ассистентов-монтажников:

- Силовая готова.
- Киберкомплекс готов.
- Пост безопасности готов.
- Есть общая готовность!

После легкой паузы эхом откликнулся подчеркнуто спокойно, со стертыми эмоциями голос Ришара:

- Подъем роботу.

По тому, как с деревьев, стоявших неподалеку от стройплощадки, плеснулись в небо птицы, Лорка понял, что робот пробуждается не беззвучно. Ради любопытства Федор на секунду вышел на внешнюю связь и был разочарован, если только это слово можно применить к данной ситуации. Ни рева, ни воя; над стройплощадкой стоял глухой гул пробудившихся механизмов, похожий на отдаленный рокот моря или на шум леса, волнующегося под сильным ветром; птицы просто реагировали на изменение обстановки. Под аккомпанемент этого могучего глухого гула над пьедесталом по ту сторону фундамента медленно воздвигалась мощная колонна диаметром в несколько метров. По мере подъема становилось все заметнее, что колонна состоит из плотно уложенных ферм и что колонна, собственно, не воздвигается, а раскладывается, растягивается вверх, как гармошка. Достигнув высоты двадцатиэтажного дома, колонна замерла, начала разворачиваться и за считанные секунды превратилась в стандартного робота-строителя. Казалось, он сидел, сложив на коленях суставчатые руки-рычаги, но на самом деле никаких колен не было, и робот не

сидел, а стоял, опираясь на телескопические ноги, несравненно более мощные, чем опоры операторской. У робота была изящная треугольная голова с большими телескопическими глазами и узкое тело-скелет, собранное из несокрушимого нейтрида и никак не отражавшее подлинной титанической силы этого исполнина. Робот был сейчас похож на дремлющего чудовищного богomoла, ханжески сложившего свои страшные передние лапы.

— Зеркальный режим, — послышалась команда Ришара.

— Есть зеркальный!

— Беру управление на себя.

Краем глаза Лорка видел, как Ришар нажал клавишу на своем боковом пульте. В тот же миг дремлющий исполнитель ожил: он сдвинулся чуть влево и вперед, шевельнул плечами-фермами, точно сбрасывая с них незримые цепи, и пошире развел руки: это сработала система синхронизации, приводя корпус робота и тело мастера-сборщика в строгое пространственно-зеркальное соответствие. На мгновение ослепительно вспыхнули и тут же погасли телескопические глаза. Пластично повторяя движения Ришара, робот поднял полусогнутые руки-рычаги над головой, развел их в стороны, потом, опустив локти так, что ладони оказались на уровне плеч, несколько раз сжал и разжал свои исполинские кулаки и легонько поиграл пальцами в воздухе, точно сбрасывая накопившееся во время дремы напряжение. Это была последняя, кинематическая проверка готовности робота к сборке. Все движения исполнина, скрупулезно копировавшего движения мастера-сборщика, были замедлены, заглажены, словно производились они не в воздухе, а в воде. Резкие движения, в принципе доступные человеку, роботу были строжайше запрещены — инерционные силы его могучих рук, нагруженных тысячами тонн, разломали бы, разорвали суставы. В этой заглаженности, пластичности, но все же замедленности движений и состояло сложное искусство мастера-сборщика.

Закончив своеобразную контрольную гимнастику, Ришар объявил:

— Всем службам и постам. Полная готовность к сборке.

Снова последовала серия докладов ассистентов-монтажников, завершавшаяся рапортом:

— Есть полная готовность!

На лбу робота-сборщика неярко засияла контрольная зеленая фара. Непринужденно копируя движения Ришара, робот повернулся к правому контейнеру, всеми десятью пальцами захватил за транспорт-арматуру громадный первый монтажный блок, поднял его и плавно понес по назначению. Даже сюда, в изолированное помещение операторской, донесся резкий, хотя и заглушенный посторонний звук — это взвыли ракетные двигатели, помогавшие переместить эту неимоверную тяжесть, — первый блок был самым грузным изо всех. Мягко посадив блок на фундамент, робот отложил в утиль отделившуюся арматуру, а другой рукой легонько придавил блок сверху, на секунду придержав ее. В эту короткую секунду между фундаментом и блоком прошли сотни процессов автоматической стыковки: сварки, клейки, спайки.

Дом-город рос прямо на глазах, буквально копируя игрушечный дом-город, который Ришар собирал в монтажном зале операторской. И, по мере того как все выше и выше вздымалось сооружение, телескопические подъемники поднимали уровень с его верхом очередные монтажные блоки, робота-сборщика и всю операторскую. Через сорок минут работы, когда дом-город поднялся почти на полукилометровую высоту, в работе был сделан стандартный двадцатиминутный перерыв. Монтажники отправились на отдых и разминку, а зрители, оживленно переговариваясь, потянулись в вестибюль, где тоже можно было отдохнуть и перекусить.

В вестибюле, лавируя между группами людей, к Лорке то-ропливо подошел дежурный.

— Вас вызывает на связь Дом Всемирного совета.

Вызывал Федор Ревский. Даже по экрану видеофона можно было понять, что Теодорыч озабочен и очень спешит.

— Срочно вылетай в столицу.

— Что-нибудь случилось? — осторожно спросил Федор.

— Да.

Ревский замолчал, поколебался — говорить или нет, но все-таки спросил:

— Если тебе предложат не один корабль, а эскадру, согласишься командовать?

— На Кику?

— Да.

— Неужели дело так серьезно?

— Серьезно. Но ты не ответил на мой вопрос, — в голосе Ревского послышалось раздражение.

— Согласен.

— Вылетай немедленно.

Несколько секунд Лорка сидел перед погасшим экраном видеофона, обдумывая разговор. Почувствовав руку на своем плече, он поднял голову. Рядом стоял Дирий.

— Ты спешишь, Федор, поэтому без всяких предисловий, — Ришар на секунду замолчал. — Я бы с удовольствием пошел с тобой на Кику.

— Ты? — не мог скрыть удивления Лорка.

— Я хочу снова вернуться в космос, к делам не только сложным, но и опасным. Я возмужал за эти пять лет, Федор. Не бойся, не подведу, — он заглянул в самую глубину зеленых Лоркиных глаз и требовательно спросил: — Ты мне веришь?

— Как самому себе, — без всякой аффектации ответил Лорка.

Ришар улыбнулся.

— Тогда имей меня в виду. Пойду, надо продолжать сборку.

— Удачи тебе, Риш.

Лорка проводил Дирия взглядом и поднялся из кресла. Надо было лететь в столицу.

Администратором Дома Всемирного совета оказалась совсем еще зеленая девчушка, скорее всего студентка, проходившая здесь летнюю практику. Она сидела за дугообразным столом,

похожим на пульт управления гиперсветового корабля, и старательно выражала на лице всю важность и ответственность порученного ей дела. Однако глазенки у нее были быстрые и очень любопытные.

— Товарищ Ревский, — пояснила она с некоторой важностью, четко и округло выговаривая слова, — делает доклад членам Всемирного совета и приглашенным лицам. Заочно по закрытому каналу стереовидения в заседании принимают участие отраслевые советы науки и инженерии.

Глядя мимо девушки, Лорка уважительно присвистнул — такого рода глобальные советы проводились лишь по самым важным и острым общечеловеческим проблемам. Мысленно повторяя слова девушки, Лорка с проснувшейся вдруг глубокой тревогой вспомнил о версии инопланетного кикианского вмешательства в земные дела.

Между тем девушка-администратор рассматривала Лорку с почти детским бесцеремонным любопытством.

— Вы ведь Федор Лорка? — не столько спрашивая, сколько утверждая, проговорила она.

Лорка, отвлекаясь от своих мыслей, перевел на нее взгляд. — Не буду отпираться, угадали.

Она расплылась в улыбке и не выдержала, похвасталась:

— Знаете, у меня отличная зрительная память, поэтому меня и стажируют на администратора, — и, снова надев маску официальности, девушка уведомила: — Товарищ Ревский просил, если вы опоздаете больше чем на пятнадцать минут, а вы опоздали почти на полчаса, пройти в сектор отдыха, найти там Соколова и получить у него консультацию.

— Соколова? — переспросил Федор с интересом.

— Соколова Александра Сергеевича, эксперта-социолога. Перед пленарным заседанием он сделал важное информационное сообщение на секции космонавтики. Соколов предупредил, что будет находиться на территории бассейна. Он невысокий, кругленький такой и очень веселый, — девушка явно гордилась своей осведомленностью и четкостью работы.

— Спасибо за информацию, Соколова я знаю, — вежливо сказал Лорка.

— И еще, — заторопилась девушка, видя, что Федор собирается уходить, — Теодорыч, я имею в виду товарища Ревского, просил вас из сектора отдыха не уходить и обязательно его дожидаться. Он или найдет вас, или вызовет.

Девушка зарумянилась из-за того, что так запросто, по-домашнему назвала председателя совета космонавтики; поэтому, выходя из холла, Лорка ободряюще улыбнулся ей и подмигнул.

Соколов сделал важное информационное сообщение, а теперь делает доклад Ревский — тут было о чем подумать! Лорка, знал, что ждать Теодорыча придется недолго — полчаса, от силы час. Расширенные заседания Всемирного совета всегда были короткими, ведь для участия в них, чаще всего заочно, отвлекались от основной работы люди, руководившие общественной жизнью, наукой, искусством и инженерией всего земного сообщества.

Сектор отдыха Дома Всемирного совета имел стандартный

набор помещений: крытый сад, спортивный зал, бассейн, фильмотеку и комнаты отдыха. В этом секторе поселялись гости, прибывающие с других материков и из космических поселений, ждали приема, отдыхали после дел и даже решали немаловажные вопросы, если для этого не требовались специальные помещения.

Информация девушки-администратора была точной: Соколов сидел за одним из столиков, что рядом тянулись вдоль бассейна на почтительном от него расстоянии. В самом бассейне плескалось несколько человек, голубоватая вода колыхалась мелкими волнами и пахла морем. Соколов был в одних купальных трусах, на шее у него висело белоснежное полотенце. Поза его была расслаблена, на красном лице умиротворенное, благодушное выражение. Чувствовалось, что он вдосталь попарился в баньке, входившей в комплекс бассейна, и теперь отдыхал душой и телом. Перед Соколовым на столике пофыркивал паром золотистый самоварчик с пузатым фарфоровым чайником наверху. В руке эксперт держал стакан крепчайшего, дышащего паром, только что заваренного чая. Предварительно подув на чай сложенными трубочкой губами, он прихлебывал глоточек, отправляя в рот полную ложечку вишневого варенья, прихлебывал еще глоточек, удовлетворенно отдувался и вытирал лицо полотенцем. А немного передохнув, снова повторял это ритуальное действие. Несмотря на свое разнеженное состояние, Соколов еще издали заметил Лорку и приветственно помахал ему рукой.

— Долой труд и да здравствует отдых? — Лорка присел за столик напротив эксперта.

— Долой и да здравствует, — благодушно согласился тот, вытираясь полотенцем. — Что мне? Я свое дело сделал. Пусть теперь другие делают свое. Налить стаканчик? Сам кипятил, сам заваривал.

— Не откажусь. Это по вашей милости Всемирный совет собрался?

— По моей, — скромно признался Соколов, пододвигая Федору стакан парящего напитка темно-вишневого цвета. И пожаловался: — Устал как собака. Да я всегда так: закончу дело — сразу в парную баню, в бассейн — и за чай.

— И всегда в Доме Всемирного совета?

Соколов захохотал, неторопливо свершил очередной цикл своего чайно-ритуального действия и добродушно сказал:

— Если честно, то до Всемирного добрался первый раз. Эскадру вам хотя бы доверить, слышали?

— Краем уха.

— Не откажетесь?

— А почему я должен отказаться? — Лорка рассеянно помешивал чай ложечкой, он любил пить его не горячим, а тепловатым.

— Да чем-то недовольны, нервничаете, — голубые глаза Соколова смотрели хитро и весело. — Вы когда нервничаете, прихрамываете чуть заметнее обычного.

Лорка с интересом взглянул на эксперта.

— Надо же, углядели!

Соколов сокрушенно вздохнул.

— Профессия такая.

— Глазастая профессия, — Лорка попробовал чай, убедившись, что он приостыл, добавил в него несколько ложечек варенья, размешал и залпом выпил сразу полстакана. — Нет, от Кики я не откажусь, дело принципиальное.

— Варвар вы, Федор, — печально сказал Соколов, осуждающе глядя на Лорку. — Кто же так пьет этот волшебный напиток? Честное слово, и чаю жалко и своих трудов. А выдержка у вас железная, можно сказать — собачья выдержка.

Лорка вскинул на него зеленые глаза и засмеялся.

— Великий вы мастер говорить комплименты.

— По моим меркам, это комплимент самого высокого сорта. Две больших любви я пронес через всю свою жизнь — любовь к детям и любовь к собакам. Все остальное как-то и в какой-то степени было связано с обязанностями.

— Даже чай? — не без коварства спросил Лорка, доливая свой стакан.

— После парной бани чай выходит за рамки обычных категорий. — Соколов помолчал. — Вы уже догадались, что я отыскал серьезные доказательства в пользу версии о вмешательстве инопланетян в наши дела?

— Догадался.

— И несмотря на то, что умираете от любопытства, не задаете вопросов. Нет, не зря я так горячо рекомендовал вас Ревскому на должность командира всей эскадры.

Лорка прямо взглянул на эксперта.

— А он спрашивал у вас рекомендацию?

Соколов хохотнул, пряча голубые глаза между распаренных щек.

— Не посягайте на профессиональные тайны. Он спрашивал не о вас, а о качествах, которыми должен обладать командир. А я высказался не в обобщенных категориях, а персонафицированно.

— А теперь мучитесь сомнениями?

Соколов покачал головой.

— С вами невозможно разговаривать, Федор. Ну, немножко мучаюсь, вернее, мучился. Я ведь считаю: самое главное, что нужно, дабы ухватиться за этих инопланетян, — выдержка и терпение. И я еще раз убедился, что эти качества у вас имеются в избытке.

Лорка смотрел на Соколова с интересом, к которому примешивался легкий оттенок недоумения и досады. Профессиональный эксперт! Не по случайным обстоятельствам или необходимости, а по призванию и убеждению. Подвергать все и вся сомнению — его жизненное кредо и норма поведения. И тем самым он незаметно, но определенно выводил себя за рамки того мира доверия, в котором жил и о нуждах которого пекся.

Соколов между тем аккуратно вытер полотенцем лицо, шею, плечи и грудь.

— Как вы думаете, Федор, — спросил он вдруг очень серьезно, хмурия свои редкие белесые брови, — сколько времени утонувший Тимур Корсаков пробыл в море, пока его подобрал батиход?

Внимательно присматриваясь к эксперту, Лорка медленно проговорил:

— Вероятно, минут десять, ну, может быть, двадцать.

Соколов с несколько таинственным видом отрицательно мотнул головой.

— Больше? Тогда час, случались такие чудеса реанимации, когда вода оказывалась очень холодной.

Соколов выдержал эффектную паузу и торжественно сообщил:

— Больше полутора суток. А точнее — тридцать восемь часов с минутами.

Лорка надолго задумался, глядя на прозрачно-голубую легонько колышущуюся воду бассейна.

— Если тут не кроется какая-то грубая ошибка, факт очень серьезный.

— Ошибки нет. Я человек дотошный, иначе бы никогда не докопался до этого чуда. А когда докопался, перепроверил по разным каналам десятков раз. После меня проверяли другие. Нет, — с флегматичной убежденностью заключил Соколов, — об ошибке не может быть и речи.

Лорка пожал плечами.

— Почему же на это сразу не обратили внимания?

— Слишком много людей и организаций занимались вашим другом. Поиск Тимура вели и отдыхающие, которые видели, как он нырнул в штормовые волны. А нашла его тело совершенно случайно научная экспедиция. Там же его реанимировали, взяли все анализы, но, поскольку сознание пробудить не удалось, на эти анализы никто вначале не обратил внимания. Эвакуировали Тимура спешно, на случайном турболете, который вышел на батиход по сигналу бедствия, а анализы так и остались на батиходе. Сначала мозг Тимура пытались разбудить в гавайской реанимационной клинике, а когда ничего не получилось, Корсакова, опять-таки спешно, направили в клинику Латышева. А старого профессора не интересовали ни предварительные анализы — в его распоряжении были куда более точные методы диагностики, — ни время гибели Тимура. Да и вообще пресловутые несколько минут клинической смерти, о которых и вы говорили, были для всех аксиомой.

— Но не для вас.

— Не для меня, — не без самодовольства согласился Соколов и тут же оговорился: — Во всем виновата ваша инопланетная версия. Я сказал себе, что если в наши дела действительно вмешивается некто из космоса, то в гибели и последующем воскрешении вашего друга должно быть нечто необъяснимое с земной точки зрения, чудесное. Я пересмотрел документацию и, по правде говоря, довольно легко отыскал это чудо.

Лорка в раздумье поигрывал чайной ложечкой, отчего отраженные блики лампы-солнца скользнули по его лицу.

— Не верить вам нет оснований. Но и поверить трудно. В голове не укладывается.

— И мне было трудно, — живо подхватил Соколов. — И знаете, как я поступил? Промолчал. Подумал, что если уж я сам себе не верю, то другие тем более не поверят. Промолчал и

начал в поте лица собирать другие доказательства свершившегося чуда. В таких необыкновенных ситуациях факты, знаете ли, должны быть с подстраховкой.

Соколов сделал паузу, желая, вероятно, услышать об отношении Лорки к его поступку, но Федор промолчал. Соколов действовал в духе Соколова, по-своему очень логично и последовательно. Чем поразительней факт, чем больше он выпадает из обычных норм, тем основательнее, дотошнее должна быть аргументация в его пользу. Преждевременное оглашение необыкновенных событий за редкими исключениями лишь способствует их компрометации; перестроить потом общественное мнение на серьезный лад бывает очень трудно. Пожалуй, и сам Лорка в подобной ситуации действовал аналогичным образом. За одним исключением: он непременно поделился бы своим открытием с близкими друзьями.

— После батихода и гавайской больницы, — продолжал свой рассказ Соколов, — я сделал, так сказать, набег на клинику Латышева и теперь уже там перетряхнул все материалы о Тимуре до последней цифры, точки и запятой, — на круглом расширенном лице Соколова сквозь благодушие победителя прорисовалось упрямое, даже злое выражение.

— Врачи встретили меня не очень-то приветливо, — вздохнул эксперт. — Их можно понять — ведь они с головой погружены в очень важную и интересную работу. А тут является какой-то эксперт, совершенно некомпетентный в области геронтологии и юнизации, начинает копать в архиве и приставать с расспросами. И это по поводу человека, который уже выписался из клиники и благоденствует! Меня так и подмывало рассказать о своей тайне, но я стискивал зубы и сдерживался. В конце концов мне повезло. И, честно говоря, если бы не повезло, получилось бы ужасно несправедливо!

А обнаружил Соколов вот что.

Один из самых первых развернутых анализов крови Тимура Корсакова оказался не совсем обычным — нормально-нестандартным, по официальной классификации. Констатация означала, что у Тимура есть некоторые отклонения от стандартного состава крови, но отклонения укладываются в пределы допусков и не угрожают неприятностями. Соколов, разумеется, сразу же ухватился за это обстоятельство и принялся выяснять, в чем состояла нестандартность. Оказалось, что характеристики нестандартных факторов хранятся не в истории болезни, а в архиве, в специальной картотеке. Если бы такого рода характеристики оставались в истории болезни, то она распухла бы до невероятных размеров, объяснили Соколову. Пока он добирался до архива, все должностные лица достаточно доброжелательно старались растолковать ему, что нормально-нестандартные факторы ничем не угрожают здоровью людей, к тому же состояние Тимура Корсакова теперь отменное. Соколов же с упрямством носорога пробивался к архиву, из-за чего приобрел репутацию формалиста и довольно нудного человека. Добравшись до картотеки, Соколов наконец-таки выяснил, что нестандартность состава крови состояла в ее несколько повышенной против нормы гамма-радиоактивности. С копией этой

драгоценной карточки Соколов проконсультировался у нескольких известных геронтологов. Они утверждали, что в повышенной гамма-радиоактивности крови нет ничего особенного. Причины этому могут быть самые разнообразные. Чтобы установить конкретную, нужен повторный анализ той же самой пробы крови, если она, разумеется, сохранилась.

Выяснив, что проба крови Корсакова законсервирована и пока сохраняется, Соколов потребовал повторить анализ с помощью самой совершенной контрольной аппаратуры. Со стоицизмом религиозного фанатика он выдержал довольно неприятный разговор с Отаром Неговским. Сначала довольно мягко, а потом уже сердито Отар пытался разъяснить Соколову, что аппаратура высокой точности перегружена и нерационально загружать ее экскурсами в историю болезни ныне здорового человека. Соколов упрямо стоял на своем, соглашаясь работать в любые часы, хоть ночью. А что касается лаборантов, то он уже договорился о создании нештатной инициативной группы из молодых врачей-стажеров. Неговский мысленно проклял упрямого Соколова, а вслух выдал свое согласие.

Сговорчивость стажеров, согласившихся работать ночью, когда добрые люди спят, объяснялась просто: Соколов туманно намекнул им на возможность некоего сенсационного открытия.

И сенсация состоялась. В плазме крови Тимура Корсакова удалось обнаружить точечный источник импульсной и очень слабой гамма-радиоактивности. Этот источник не удалось идентифицировать, хотя он перемещался в плазме крови так же, как и молекулы, — по законам броуновского движения. Источник излучал отдельные гамма-кванты постоянной энергии с высокой постоянной частотой повторений — один импульс в семнадцать секунд. Как будто бы работали незримые субъядерные часы. Конечно, при еще большем увеличении, естественно, удалось бы обнаружить материального носителя — излучатель этой энергии. Но лаборатория Латышева аппаратурой с таким увеличением не располагала — для целей юнизации она попросту не нужна. А обследовать таинственный излучатель в каком-либо физическом институте не удалось — он исчез, и при довольно эффектных и загадочных обстоятельствах.

Когда недоверие, удивление и первые шумные восторги пошли на убыль, а сам факт существования незримого излучателя был запечатлен бесстрастным компьютером, стажеров, а вместе с ними и Соколова охватила исследовательская лихорадка. Используя микроэффектор и разные приставки к нему, они решили, как выразился руководитель инициативной группы, «пощекотать» загадочный источник гамма-излучения. Это «щекотание» должно было выливаться в воздействие на излучатель разными физическими и химическими агентами. Но долго экспериментировать не пришлось. Как только в точке гамма-излучения понизили температуру до двадцати градусов вместо нормы, соответствующей температуре человеческого тела, на экране наблюдения развернулось удивительнейшее зрелище, а приборы зафиксировали взрыв биологических процессов. Видеокартина напоминала замедленный взрыв или извержение некоего микровулкана, причем плазма крови активно участвовала

в этом крошечном биокатаклизме. В результате на месте этого извержения образовалась самая заурядная клетка со всеми своими специфическими компонентами: плазматической мембраной, ядром и органеллами. Сразу же после формирования клетки начался бурный митоз, скорость которого на два-три порядка превышала скорость обычного клеточного деления. Если полный цикл естественного митоза занимает обычно не менее часа, то здесь деление клетки завершалось за десять-двадцать секунд! В результате начался лавинообразный рост клеточной материи, которая в ходе дальнейших опытов была идентифицирована с нервной тканью человека. Вдруг, словно по команде, этот немислимый процесс прекратился; одновременно было зафиксировано исчезновение точечного источника импульсной радиоактивности.

Самое ужасное, что эти уникальные данные о вторжении в земную биосферу чуждой жизни могли бесследно исчезнуть. Происходящее настолько потрясло молодых врачей, что они побросали свои рабочие места и столпились возле видеозэкрана, жадно следя за происходящим. Да и можно ли судить их за это, разве людям часто приходится видеть чудеса? Но когда процесс молниеносно-лавинообразного деления клеток вдруг прекратился, руководитель инициативной группы вдруг вскричал свирепо: «А запись!» Его предчувствие оправдалось, о записи забыли. Ребята были готовы рвать на себе волосы от отчаяния и досады, когда Соколов, вытирая платком лицо, спокойно сказал: «Вообще-то я на всякий случай включил дублирующую аппаратуру стереосъемки». Через несколько секунд лихорадочной проверки выяснилось, что микрофильм контрольной съемки прекрасно удался, и Соколова принялись качать. А поскольку весил он много больше, чем это представлялось с первого взгляда, — уронили. Соколов расшиб локоть, который молодые врачи тут же в лаборатории со смехом и шутками привели в идеальное состояние.

Лорка слушал Соколова, переживая сложную противоречивую гамму чувств. Больше всего, конечно, его, космонавта-гиперсветовика, а стало быть ученого и инженера, поразил сам теперь уже твердо установленный факт вторжения чужой жизни и разума. Проблем тут возникала масса! И на самый главный вопрос — результат это злой или доброй воли — не было однозначного ответа. Воздействием рибонуклеида Тима бросили в штормящее море и утопили — это безусловное зло. Но с помощью непонятого и пока недоступного людям взрывного клеточного генезиса этому же Тиму обеспечили восстановление разрушающихся тканей и сохранили жизнь. Это уже добро! Тайнственный некто настойчиво, упрямо пытался сорвать экспедицию на Кику, но добивался он этого мягкими, можно сказать, гуманными средствами. И кто знает, может быть, это вершилось во имя блага людей?..

Лорка, привыкший за время космических странствий к наличию во вселенной множества неразгаданных тайн, испытывал теперь непривычный трепет и беспокойство. Нет, это не было страхом, это была тревога — ведь тайна чужого разума вдруг обрисовалась рядом, в родном земном доме. Скорее всего чужой разум древнее и мощнее человеческого — ему под-

властные процессы, еще недоступные людям. И это непривычное осознание человеческой приниженности рождало не только боль, но и упрямство. И гордость! Лорка знал наверняка, что человечество не примирится с подчиненностью в какой бы то ни было форме, даже с подчиненностью доброй тайне. Все будет сделано для ее раскрытия! Поэтому Лорку теперь ничуть не удивляли слова Соколова об эскадре гиперсветовых кораблей, которая должна отправиться на Кику. Только... Только поможет ли в такой ситуации эскадра?

И странно, Лорку восхищал и раздражал Соколов — человек, сделавший первый шаг к раскрытию космической тайны. Он восхищал его волей, настойчивостью и целеустремленностью. Через сколько порогов и рогаток пришлось ему перешагнуть! Пожалуй, именно этими качествами человек двадцать третьего века прежде всего отличается от своих близких и далеких предков. Набив себе после удачной охоты брюхо едой, палеоантроп спал и предавался удовольствиям, пока не кончались запасы мяса, только после этого он снова превращался в истинного предчеловека. По-своему мудрый грек испытывал странную, безвольную покорность перед фатумом — предначертанной, как ему чудилось, свыше судьбой. И даже на самом пороге коммунизма люди в мельтешении будней порой теряли перспективы и погрязали в обыденщине. Нет, не таков даже самый заурядный человек новой эпохи! Да и вообще есть ли заурядные люди?

— Итак, — вслух сказал Лорка, — разгадку рибонуклеида, генетического взрыва и других тайн решили искать не на Земле, а на Кике?

— По крайней мере, таковы рекомендации совета космонавтики, которые приняты после моего сообщения, — Соколов удобно вытянул ноги. — И это резонно, все логические нити замыкаются именно на Кике. Убежден, что Всемирный совет примет эти рекомендации. Разве можно допускать безнаказанное вмешательство в наши, земные, дела?

Лорка внимательно, без улыбки смотрел на Соколова.

— А ведь нелегко придется на Кике, как вы полагаете, Александр Сергеевич?

— Полагаю, что нелегко, — благодушно согласился эксперт и оживился: — А почему вы так внимательно разглядываете мою скромную персону?

— Да вот все хочу сделать одно предложение и никак не решусь.

— Это на вас непохоже.

Лорка усмехнулся, насмешливо щуря свои зеленые глаза.

— Просто вы меня плохо знаете. Так вот, Александр Сергеевич, предлагаю вам принять участие в экспедиции на Кику. Голубые глаза Соколова округлились.

— На Кику? Я?

— Вы.

— С какой стати?

— С той же, что и все остальные. Подумайте.

Лорка отодвинул стул и поднялся: он заметил Ревского, вошедшего на территорию бассейна.

Лорка любил смотреть, как готовит Альта, а сегодня это было приятно ему вдвойне. Можно было подумать, что Альта готовит не пищу, единственным и вульгарным назначением которой являлось набить опустевший желудок, а некое чудодейственное лекарство, призванное спасти бедное человечество от ужасной болезни.

— А чем ты будешь меня угощать?

— Шашлыком по-карски, — с некоторой таинственностью сообщила Альта.

— Шашлыком? — оживился Лорка. — Значит, нужен настоящий огонь?

— Конечно. Ты помнишь, где уголь?

В глубине души Лорка скептически относился к убежденности Альты, будто настоящий огонь не в состоянии заменить никакие чудеса современной кухонной техники. Он подозревал — дело не в незаменимости примитивного жара углей, а в кулинарном консерватизме. Но Лорка помалкивал, он очень любил, когда в их доме горел настоящий огонь — величайшее открытие человека, неведомого бесстрашного мудреца древности.

— А как это «по-карски»? — полюбопытствовал Лорка, который по ассоциации вспомнил Карское море и Новую Землю. — С приправой из льда и снега?

— Увидишь.

За окном угасал день. Багровые блики от пылающих углей пожились на темную атласную кожу Альты, в ее светлых глазах мерцали пурпурные искры. Кухня была похожа на пещеру, а сама Альта — на ведунью, которой доверили таинство приготовления еды, этого зримого божества древнего мира. Запахи дыма, горящего жира, паленого мяса, тлеющего угля были не менее гибки и многоцветны, чем запахи цветов и плодов, только гуще, тяжелее, таинственней. Они рождали смутную тревогу и ликование, спрятанное в подсознании удачной охотой, ночным мраком и огнем костров далеких тысячелетий. Поразил Лорку и вид и вкус этого праздничного шашлыка, приготовленного Альтой. К обыкновенным шашлыкам Альта приучила его давно.

— Ну, тебе не нравится? — спросила она точно, мимоходом. Лорка, рот которого был набит сочной мякотью, не совсем внятно ответил:

— Наоборот, мне слишком нравится. Так нравится, что даже жалко барашка, из которого сделан шашлык.

— Так не ешь, если жалко, — сердито сказала Альта.

— Как не есть, очень уж вкусно, — Лорка усмехнулся и философски добавил: — Разве нам, людям, так уж редко приходится душить в себе жалость? Во имя благих целей, разумеется.

— Но ведь делаем же мы тесто, кефир, квас — это тоже живые продукты! Прикажешь и их жалеть?

— Ну, — простодушно сказал Лорка, — это слишком уж дальние родственники. Я смотрел на них в микроскоп — черт знает что!

Он помолчал и заговорил уже серьезно:

— Ты прости меня, но если мы хотим окончательно разде-

латься с наследием жестокости в наших душах, то в поедании младших братьев по роду надо кончать. Может быть, не сразу, может быть, не нам, а нашим детям, но кончать нужно обязательно.

— Эх ты, Лорка! Кто бы подумал, что это говорит космонавт-гиперсветовик, обследовавший чуть не сотню других миров.

Лорка усмехнулся.

— В иных мирах бараны не водятся. Космонавты питаются не мясом, а синтетами да композитами. Охотничий шашлык на чужой планете — верное средство отравиться.

Альта вдруг погрузилась, внимательно взглянула на Федора и спросила:

— Ты мне так и не сказал, по какому поводу у нас сегодня праздник.

— Знаешь, не успел, заработался. Уж очень вкусно ты все приготовила, — пошутил Лорка.

— А я и без тебя знаю, — с некоторой обидой проговорила Альта, — слышала, как ты говорил с Теодорычем по видеофону. Он сказал, что совет принял твой вариант. И ты окончательно утвержден начальником экспедиции и командиром корабля.

— Разве хорошо подслушивать?

Альта не приняла шутки.

— Лорка, ты обещал взять меня на Кику. Ты не забыл?

Федор ответил взгляд и помрачнел.

— Обстоятельства изменились, Альта, — виновато сказал он. — Теперь это невозможно.

— Я догадывалась. Иначе бы ты не отмалчивался, — почти спокойно проговорила Альта и вдруг загорелась: — Возьми меня, Лорка! У меня все сердце, изболится за тебя. Я с ума сойду!

— Это невозможно, — тихо, но твердо ответил Федор.

Альта угадала, она знала: когда Лорка говорит таким тоном, просить его или спорить с ним бесполезно. Но все-таки спросила:

— Невозможно — почему?

— Почему... — рассеянно повторил Лорка. Он перебирал в памяти свой последний разговор с Ревским.

Теодорыч, перекинувшись несколькими незначительными фразами с Соколовым, увлек Лорку за собой в крытый сад. Здесь было прохладнее, чем на территории бассейна, пахло влагой, зеленью и цветами. Шелестели брызгалки, орошая газоны и клумбы искрыстыми веерами мельчайших капель; шипел и звенел, рассыпая хрустальную струю воды, небольшой фонтан. На диванах и в креслах, в одиночку и группами отдыхало десятка полтора человек. Из укромного уголка, скрытого цветущим жасмином, доносились отголоски приглушенного, но бурного спора. По дороге Ревский уточнил, о чем Соколов успел проинформировать Федора.

Выбрав свободный диван, Ревский предложил Лорке сесть, а сам занял место напротив. Юношески стройный и подтянутый, в мягком снежно-белом костюме Теодорыч выглядел молодо, только загорелое, рубленое, в резких морщинах лицо выдавало истинный возраст. Ревский держался с почти непри-

метной торжественностью; сейчас напротив Лорки сидел не добродушный садовод и винодел-любитель, а представитель Всемирного совета и председатель совета космонавтики. Он сообщил, что предложение о посылке на Кикку эскадры гиперсветовых кораблей утверждено. Количество кораблей и состав экспедиции определит совет космонавтики после детальной проработки программы исследований Кики. Все работы по подготовке и снаряжению экспедиции будут выполнены в предельно сжатые сроки.

— Почему такая спешка? — в раздумье спросил Лорка. Он перехватил удивленный, сердитый взгляд старого космонавта и счел нужным пояснить: — Я понимаю, вторжение чужой жизни и чужого разума на Землю не может не тревожить. Но ведь все происходит в очень мягкой, деликатной форме. Никаких эксцессов и взрывов, ничего...

Ревский остановил его нетерпеливым движением руки.

— Ты не знаешь главного, Федор. Не знает об этом и Соколов. Да и никто пока не знает, кроме членов совета, — Ревский помолчал и жестко закончил: — Вчера с базы на Плутоне угнали патрульный гиперсветовой корабль.

— Как это — угнали? — не понял Лорка.

— А вот так, был корабль — и нет его, — Ревский видел, что Лорка так и не может осмыслить этот факт, и пояснил: — Угнали, украли. Так же, как в прежнюю эпоху угоняли чужие автомобили или захватывали самолеты.

Лицо Федора отяжелело, разгладились мелкие морщины, черты прописались черты.

— Кто? — коротко спросил он, глядя прямо в лицо Ревского.

С трудом выдерживая этот холодный, «тигриный» взгляд, старый космонавт пожал плечами.

— Если бы знать! Во всяком случае, весь состав базы налицо. А поскольку на Плутоне каждый человек на строгом учете, значит, угнали корабль не люди.

Лорка невесело усмехнулся.

— Вернее — нелюди.

— Можно и так, — Ревский досадливо хмыкнул. — Черт знает что! Никто и никогда не охранял гиперсветовые корабли. Зачем? Когда хватились, гиперсветовик уже вышел на разгон, а на разгоне, сам знаешь, догнать его невозможно. На запросы не отвечает, идет курсом в сторону Кики.

Лорка молчал. Он сидел, закинув ногу на ногу и крепко сцепив на колене пальцы рук. Взгляд Ревского невольно задержался на этих длинных, ловких и сильных пальцах зрелого человека двадцать третьего века. Пальцах, которые могли невесомо скользить по клавишам пульта управления, безошибочно орудовать микроманипулятором, завязывать узлом толстый железный прут, а сжатые в кулак — нанести молниеносный смертельный удар.

— Федор, — негромко и веско проговорил Ревский, — по поручению совета космонавтики я теперь уже официально предлагаю тебе принять командование эскадрой.

Лорка выслушал его и отвел взгляд на нежные зеленые травинки, трепетавшие под ударами капелек воды.

— Ну? — несколько раздраженно поторопил его Ревский.

— Думаю, Теодорыч, — спокойно ответил Федор.

Ревский усмехнулся, дернул углом жесткого рубленого рта.

— Думаешь, не отказаться ли?

— Угадал.

Ревский медленно распрямился, отжинувшись на спинку дивана. Выдержав его острый, испытующий взгляд, Лорка сказал: — Насколько я понял, на Кике предполагается провести разведку боем.

— Ну, боем — это слишком громко сказано.

— Скажем поосторожнее — разведку силой, с многократной подстраховкой.

— Это уже ближе к истине. Один корабль на подстраховке в дальнем космосе, один-два — в ближнем и два-три корабля непосредственно на Кике.

— Так вот, — Лорка говорил неторопливо, медленно, но очень уверенно, — я долго размышлял и пришел к выводу, что из разведки силой ничего не выйдет. Не тот у нас противник... Впрочем, почему противник?

— Другом его тоже не назовешь.

— Верно. Это просто сосед по космосу и собрат по разуму.

— Одного разума еще мало для братства. Истинное братство — это братство этики и морали. Не будь слепым пацифистом, — возразил Ревский.

— Не буду. Но обратите внимание, как тонко, я бы сказал, нежно действует наш космический друг-враг. Никаких глобальных катаклизмов! Направленное воздействие на психику отдельных лиц да еще с подстраховкой, которая гарантирует их от возможной гибели.

— А угон корабля?

— Они убедились, что экспедицию на Кикю не удержишь, поэтому пошли на отчаянный шаг, чтобы обеспечить нам достойную встречу в своей альма матер. А вот какую, добрую или враждебную, опять загадка.

— Если вспомнить серию смертей на Кике, вряд ли эта встреча будет доброй, — упрямо гнул свою линию Ревский.

— Когда погиб Лагута, кикияне нас еще плохо знали. К тому же Кика — это их, а не наша епархия, они вольны действовать там более свободно. И разве можно быть уверенным, что на Кике мы, люди, не причинили им гораздо больше зла во время своих бесцеремонных изысканий?

Ревский вздохнул, с сожалением и некоторой иронией разглядывая Лорку.

— Неужели ты думаешь, Федор, что все эти тонкости взаимоотношений с Кикой не обсуждались на совете? Что они не найдут отражения в программе исследований? — Лицо Ревского приобрело жесткое упрямое выражение. — Но мы не имеем права держать Землю под дамокловым мечом возможных бедствий! А если так, разведка Кики становится необратимой необходимостью.

Лорка мягко улыбнулся старшему товарищу.

— Я не против экспедиции, Теодорыч. Я против эскадры.

Ревский приподнял бровь, отчего его высокий темный лоб

собрался морщинками, холод непонимания в глазах сменялся догадкой.

— Ты понимаешь, Теодорыч? Я против эскадры, против целой армии исследователей, вооруженных мощными средствами, которыми Кику можно распороть и растерзать на составные части. Нужен обычный разведывательный корабль. И еще нужна бездна терпения, осторожности и дотошной наблюдательности. Во главе такой экспедиции я встану с легким сердцем. И что хорошо: действуя таким образом, мы не нарушим решения Всемирного совета — состав эскадры и экспедиции нам дано определить самим.

Ревский молча смотрел на Лорку, глаза его окончательно смягчились, потеплели, а потом стали грустными.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что приносишь себя в жертву? — спросил он наконец.

— Это слишком громко и слишком мрачно, — зеленые глаза Лорки теперь лукаво щурились. — Ведь я могу вернуться с победой и на веки веков прославить свое скромное имя. Я иду на серьезный риск, это верно.

— Ты поведешь с собой других людей.

Лорка вздохнул.

— Верно. Но со мной пойдут добровольцы. Разве Земля оскудела героями?

Ревский опять надолго замолчал. Когда на совете решался вопрос об эскадре, ему самому пришла в голову эта шальная, как он тогда подумал, мысль: а что, если пойти на Кику рядовым патрульным экипажем? И еще он подумал о том, что, будь он сейчас молодым командиром корабля, то непременно выдвинул бы это предложение. Подумал, но вслух ничего не сказал, посчитал, что в устах председателя совета такое предложение будет слишком легковесным, даже легкомысленным.

— Я поддерживаю твоё предложение, Федор, — сухо сказано было он. — Сегодня же вечером ты узнаешь окончательное решение совета.

Лорка провел рукой по лицу, прогоняя воспоминания. Разве мог он рассказать Альте обо всем этом? Ей ведь и так придется нелегко...

— Причин много, — виновато сказал он вслух. — Поверь мне, тебе нельзя на Кику.

Альта помолчала, потом встала и начала нервно убирать со стола остатки праздничного ужина. Лорка поспешно взялся помогать ей.

— Оставь, — с досадой сказала Альта.

Но Лорка так и не отстал.

Когда они молча закончили свою нехитрую работу, Лорка заглянул в глаза жены и старательно изобразил на лице улыбку, но она по-прежнему смотрела на него отчужденно. Тогда Лорка взял ее за руку, подвел к стене и засветил большое зеркало. Там, за стеклом, возникли и взглянули на них могучий светло-рыжий мужчина и тонкая темнокожая женщина с большими голубыми глазами.

— Видишь? — тихонько спросил Лорка.

Он приложил что-то голубое, сверкающее к волосам Альты и зажал в кулаке.

Альта мгновенно гибко обернулась и перехватила его руку.
— Покажи!

Она принялась нетерпеливо разжимать его кулак, их пальцы — светлые и темные — переплетались. Но с таким же успехом Альта могла пытаться разжать стальную клешню робота.
— Лорка!

Федор засмеялся и разжал кулак. На его ладони лежал прозрачный голубой камень с лесной орех величиной, в серебристой оправе и с такой же цепочкой. Камень искрился веселым холодным огнем, как сказочная капля росы.

— Какая прелесть! Это алмаз?

— Не знаю. Подобрал на Стиксе, сам гранил, сам делал оправу и цепочку. И получил персональное разрешение на провоз контрабанды.

Альта нерешительно протянула руку и осторожно взяла украшение. Цепочка со звонким шепотом рассыпалась во всю длину тяжелой серебряной струей.

— Чудо!

Камень лежал на темной ладони Альты, играя тихими молниями внутреннего света. Альта снизу подобрала струю-цепочку в ладонь, приложила камень к плечу, к груди, а потом ко лбу. Теперь у нее было три глаза, три голубых огня на тонком темном лице.

— Красиво?

Лорка улыбнулся.

— Красиво, да страшновато.

— Правда?

Альта на секунду прильнула к нему, и он услышал торопливый стук ее сердца и ощутил тонкий запах волос; человеческое существо, наделенное страстями и желаниями, которые ему, Лорке, до конца понять не дано. Недавно он видел ее на совещании ученых, которые сыпали мудреными формулами пищевой химии. А сейчас она как ребенок радуется красивой игрушке, позабыв о своих тревогах и печалях.

Альта отстранилась, мельком оглядела себя, поцеловала Лорку в щеку и скользнула в свою комнату — ей хотелось примерить украшение наедине с собой. Но Лорке было видно ее отражение в зеркале. Со смешанным чувством иронии и умиления он наблюдал за древними, как сам род человеческий, движениями Альты. За движениями прихорашивающейся женщины, которая, может быть, и сама не догадываясь об этом, хочет сделаться красивой и желанной. Вдруг поймав себя на том, что подсматривает, как мальчишка, он отвернулся, увидел в окне полную луну, улыбнулся и выключил свет.

Вместе с темнотой через широкое окно в комнату хлынул водопад лунного света. Комната преобразилась, стала неузнаваемой и сказочной: ковер превратился в лужайку, поросшую травой, стол — в мрачного, длинноногого зверя, а зеркало — в ледяную стену.

Лорка подошел к окну. Да, погода переменялась. Облака рассеялись, луна висела над вершинами деревьев в окружении звезд.

— Нет, — услышал он голос Альты, в нем звучала досада, — носить этот камень невозможно.

— Почему?

— Такой камень! Неловко. Его место в музее, — Альта вздохнула, — может быть, на груди певицы или на лбу танцовщицы — их видят миллионы. А кто я?

По голосу Альты было слышно, что она все еще разглядывает себя в зеркале. Лорка улыбнулся.

— Ты моя жена.

— Ну и что? Лорка, я никак не расстегну цепочку, помоги!

Лорка прошел в комнату Альты, чуть щурясь от яркого света, и сообщил:

— А на улице луна.

— Правда?

— И морозец. Может быть, погуляем?

— Нет, Лорка, я устала.

Расстегнув цепочку, он положил камень на столик и мимоходом спросил:

— Ты знакома с Виктором Хельгом?

Альта повернулась к нему лицом. Улыбнулась чуть-чуть, почти незаметно.

— Знакома. Он чем-то похож на тебя.

— Разве?

— Не внешне. И не характером, — Альта помолчала и призналась: — А не знаю, как объяснить это.

— Он тебе нравится?

— Да, — без колебаний призналась Альта.

— И что?

— Лорка, глупый, — грустно сказала Альта. — Разве мало на свете мужчин и женщин, которые нам нравятся или не нравятся? Даже таких, которые нас восхищают? Но люблю я одного тебя. И никогда не позволю себе полюбить другого. Разве ты этого не знаешь?

На какое-то мгновение зеленый и голубой взгляды растаяли друг в друге. Альта красива особенной красотой, но были женщины и красивее ее. Альта умна, но Лорка знал и других, с которыми ей трудно было сравниться. Она хороший друг, но разве у него мало друзей? Лорка любил ее и не только за все это, а еще и за редкостный, бесценный душевный дар — за преданное сердце. Только ей да еще Тиму он верил безраздельно, может быть, больше, чем самому себе.

Лорка встал, наклонившись, поцеловал темную бархатную шею Альты.

— Знаю, — сказал он ей на ухо, — но разве знание гарантирует от сомнений?

Она поцеловала его в сухую крепкую щеку. Оттолкнула и уже совсем другим тоном сказала:

— Ну, иди, командир. Поскучай и посмотри на Луну.

Он вышел, и за его спиной погас свет. Лорка стоял в темноте, улыбался и слушал легкое дыхание Альты. В зеркале, похожем на глыбу льда, другой Лорка тоже слушал дыхание и улыбался. Лорка рассердился на него и погасил зеркало. А в прорубь окна все лился, ложился на ковер неслышный лунный свет.